

К 84(2Кем)1-5
К-886
867846

Давид КУГУЛЬТИНОВ

ЯВЛЕНИЕ СЛОВА

Давид Кугультинов

Явление слова

Избранное
в двух томах

Том II

Перевод с калмыцкого

Элиста
Калмыцкое книжное издательство
2007

УДК 82-1 (470.47)
ББК 84 (2Р37)
К 886

**Федеральная целевая программа
«Культура России»**

Кугультинов, Д. Н.
К 886 Явление слова: избранное в двух томах:
Т 2: пер. с калм. / Давид Кугультинов.– Элиста:
та: Калм. кн. изд-во, 2007.– 621 с.: ил.

ISBN 978-5-7539-0561-1

Во второй том вошли наиболее известные поэмы
Д. Кугультинова 1950–1990-х годов.
Издается к 85-летию поэта.

УДК 82-1 (470.47)
ББК 84 (2Р37)

ISBN 978-5-7539-0561-1

© Кугультинов Д. Н., 2007
© Оформление. ГУ
«Калмыцкое книжное
издательство», 2007

*...Неужто мне – из племени людского,
Мне, мне, кто не велик, не знаменит, –
Достался жребий воплотиться в Слово,
Которое весь мир преобразит?!*

*В нем струйками горячими восхода
Переливается живая кровь.
Быть может, это гордое – «Свобода»?
А может, это нежное – «Любовь»?..*

*Не знаю... Только трепетность наитий
Перебегает, искрясь, по стихам.
Я это Слово людям передам:
– Вот, милые, любимые, возьмите!*

*И мужество и мудрость – в слове том.
Меж небом и землей блистая гранью,
Оно всеочищающим огнем
Избавит всю планету от страданья...*

Давид Кугультинов
Явление слова

От правды я не отрекался

За то, что я посмел в крутое время
Судить в стихах жестокий произвол,—
Ни денег я не получил, ни премий,
Широкой славы я не приобрел...
Да это, может статься, и не надо.
Иною — высшей — счастлив я наградой.

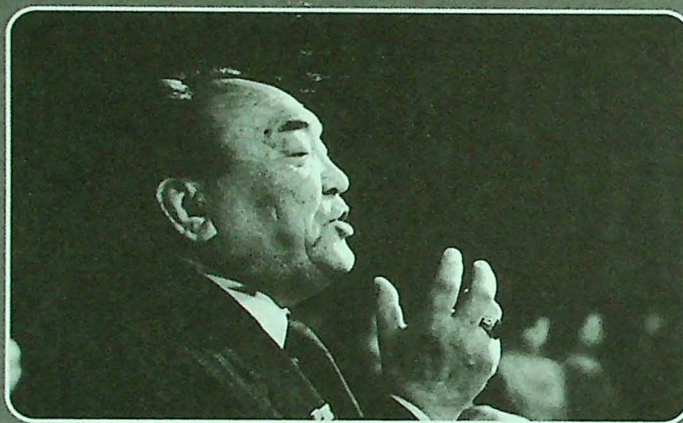
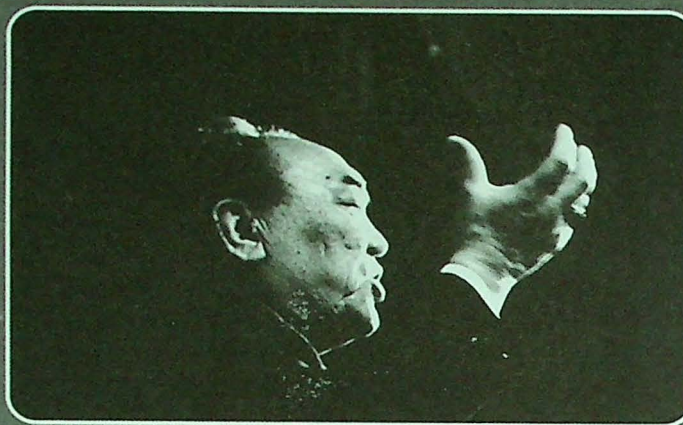
В то время
        гнев несправедливый, дикий
Нас подавил...

        И свет для нас потух.
И даже слово самое — «калмыки» —
Произносить боялись люди вслух.

Тогда,
        словами рифмы закрепляя,
Я для друзей писал,
        я утешал
Тех, кто был изгнан из родного края...

Я говорил им:
        прекратится шквал,
Исчезнет все, что наши души гложет,—
Померкнуть солнце Ленина не может!

Давал я клятву
        фактам вопреки:

Отчаясь,
грыз решетку на окне...

Не слышал,
что кричат мне снизу грубо,
Не замечал я,
что крошатся зубы,
Что штукатурка сыплется...

Пока
(Еще не в голову, еще без злобы)
Стреляли в стену
часовые,

чтобы
Поглубже в камеру загнать «зека»...

Из-за стихов
цветок полураскрытый,
Недолгой юности моей рассвет
Отравлен клеветой ядовитой...

Близ океана,
в стуже ледовитой
Провел я десять бесконечных лет
За проволокой, частой и колючей,
Похожей на тенета паука,
Где холодно и жадно –
по-паучьи –

Высасывала сердце мне тоска;
Где только
в снах цветных
скользило мимо

То, что когда-то наполняло стих:

Поэмы

Моабитский узник

Памяти Мусы Джалиля

Пролог

Ночь на пороге.

Мглой покрыта высь,
И звезды редкие уже зажглись,
Но радости опять не обрели
Измученные жители Земли
И снова, настоящее кляня,
Ждут лучшего от будущего дня.

«Спокойной ночи!» – стертые слова,
Но суть их стала в наши дни нова.
Да, в эти ночи тягостной войны
Они значенья заново полны.
«Спокойной ночи!..» Да вкусит покой
Хоть нынешнею ночью род людской!
Пусть хоть сегодня не тревожит нас
Ночной налет, зенитка и фугас!

Ночь на пороге.

Деловито-строг,
Подвел военачальник свой итог:
Расходы дня определяет он
(О, слезы матерей!.. О, вопли жен!),

В уме обзрывает фронт и тыл,
Решает: победил иль отступил.

Ночь на пороге.

Слышен звон лопат.

Шагает взвод нахмуренных солдат...
Здесь ищут место для могильных ям...
И тленьем пахнет с хлоркой пополам
От сотен, сотен тысяч мертвецов
(Любимых чьих-то, сыновей, отцов...).
Спешат солдаты: нужно досветла
Скрыть от живых гниющие тела.

Каков сегодня на земле отсев?..
А некто, запирая прочный сейф,
Ликует: касса до краев полна,
Доходы множит что ни день война,
Дельцов неутомимых веселя...
И вертится, и вертится Земля,
И время свой не прерывает ход.

Ночь опустилась... Далеко – заря...
Кипят сраженья.

Сорок третий год.

Примерно половина сентября.

I

По законам военного времени
Погасивший глазища фар,
Вдоль ночного Берлина, в темени,
Прошуршав, как слепой кошмар,

В час, когда движение замерло,
Редких встречных бросавший в дрожь
(Оборвется сердце, и – замертво!),
С хищной птицею странно схож –

Черный автофургон закрытый
Наконец, неподвижно-тих,
Встал у цели – у Моабита –
Усыпальни людей живых.

Просигналил кратко прибытье:
«Ахтунг!¹ Груз у ваших ворот!»
И задвигались в Моабите...
И приемка «груза» идет.

Топот, лязг...

От лая и храпа
Псов на сворках воздух кипит.
Моабиту сдает гестапо
Тех, кому сужден Моабит.
Аккуратно сдает: по списку.
Вышла тень, склонилась во мгле.
– Ниже!..

Ниже!.. –

И так уж низко...
Тень почти лежит на земле.

Друг за другом выходят тени...
– Шнеллер!² (Тем, кто почти что мертв!)

---

¹ *Ахтунг!* – внимание! (нем.)

² *Шнеллер!* – скорее (нем.)

– Ауф ди кннен!–
Стать на колени!

И пинок!..
Тут каждый поймет.

Все ж тебя коснулась прохлада.
Ты чуть жив, но выбрался ты
Хоть на миг из ада, из смрада,
Из невыносимой духоты.

И желанный так страстно воздух
На мгновение наполнил грудь...
Снова видишь ты небо в звездах.
Вновь зовет тебя Млечный Путь...

Что бы там ни рычала стража,
Ночь добра к тебе, ночь – тиха.
На минуту – ты счастлив даже:
Жизнь – ей-богу! – не так плоха.

Но души состоянье бодрое
Неустойчиво в царстве тьмы...
– Х-храуф!.. – Подняться!..
Погнали по трое
За ограду новой тюрьмы.

И ограда эта – граница,
Где кончается вольный мир,
Тот, что будет лишь ночью сниться,
Мир, в котором ты был – «Темир».
Мир теней – за тюремной дверью.

Докторов кротчайшая речь:

– Чем больны вы?..–

О, лицемерье!

Скажешь «болен», тотчас же в печь!

– Раздеваться!..–

Кратко и грубо.

Видишь сам – до чего исчах!..

– Рот открыть!–

Покачали зубы,

Долго шарят во рту, в ушах...

Страж с надбровьем неандертальца

Суетится у пальцев ног:

«Вдруг под сгибом большого пальца

Пулемет ты припрятать смог?!»

Срезав ножичком аккуратно

Все, что стать острием могло –

Все крючки, все петли...

обратно

Отдают тебе барахло.

– Сесть!..–

При деле должно быть фото:

Острый профиль, фас восковой.

Номер «тысяча девятисотый»

Сзади поднят над головой.

«Ахтунг! Помните номер свой!»

Пальцы вновь обмазали пастой.

Палец твой не спутать с другим.

В мире вольных ты слышал часто:

«Каждый смертный – неповторим».

И в гестапо – все было так,
Тюрьмы все меж собою схожи...
Светит яркой лампочки зрак,
И она за решеткой тоже.
Исцарапанная стена...
Клетка клеткой: гола, мрачна.

В этой камере вы – вдвоем.
Вон – сосед... Задремал как будто
Тощий старец с высоким лбом.
Не ложится он почему-то
И, сидящий, носом клюет:
Худ, костист, – как есть Дон-Кихот!

Он глаза приоткрыл слегка
И кивнул головою молча,
Посмотрел в лицо новичка...
Быстрый взгляд блеснул не по-волчьи:
Человеческий, светлый взгляд, –
Звери в клетке не так глядят.

До окошка Темир дошел...
Ровно восемь ступней... Да, точно!
Все – как должно... В цементный пол
Обе койки ввинчены прочно.

Низкий свод подобен дуге –
Не удастся тут распрямиться.
Сел Темир и кровь на ноге
Осторожно отер тряпицей.

Стал ощупывать воротник, –
Что-то, видимо, в нем зашито...

«А сосед – не совсем старик,
Взгляд – еще живой и открытый...

Что он все не вытянет ног?..
Вот чудак!.. Не ложится стойко!»
Подивился Темир и лег
На свою железную койку...

И, оградой не стеснены,
Точно часа ждали заране,
Прилетели в камеру сны
Или, может, воспоминанья...

...Мальчик ночью не спит – один.
Он склонился над книжкой старой.
В лампе кончился керосин,
Но не кончились мемуары.

Фонарем в окошке – луна.
Он читает при лунном свете,
Оживает вновь старина,
А верней – начало столетья...
Вот они, что, встав за народ,
Муку приняли полной мерой!..
Шлиссельбурга тяжелый свод,
В темной камере – Фигнер Вера...

Слышен мальчику звон оков...
А рассвет за решеткой – розов...
Он – один из тех смельчаков:
Каракозов?

Или Морозов?

Он – боец, он горяч и смел...
Солнце встало там, за решеткой...
Он шагает твердой походкой.
Хоть известно: утром – расстрел.

Что ж, поднявший алое знамя
Верен жизни, покуда жив!..
Зажигательными словами
Сторожей своих разложив,

Сбросив тяжесть железных пут,
Он бежит...

Удалые кони
Унесли его от погони...
Там, на воле, подвиги ждут.

Расплылся во мгле Шлиссельбург,
Растворился в туманной дрожи.
Дальше?..

Дальше – полный сумбур!
Он упал... Он убит, быть может.

Да, врагами подло убит!
Опустились на гроб знамена.
И окрест широко звучит
Мерный, скорбный марш похоронный...

И, покачиваясь в гробу,
Он плывет вдоль пучины звездной...
...Как бранил он свою судьбу,
Что на свет появился поздно,

Что открыты пред ним пути,
Что, не ведая испытаний,
Не придется ему идти
Горделивой стезей страданий,

Что безоблачен синий свод
И притихла жизнь, успокоясь...
...Новый сон: сорок первый год.
Гул вокзала... Военный поезд...

От несчастий черна Земля.
Горе вьется струею дыма...
Обняла его Камиля:
– Береги себя, мой любимый!

Помни дочку... Помни о нас!–
Отвернулась. Лицо свое прячет.
А дочурка смотрит, дивясь:
«Почему это мама плачет?»

– Папа скоро вернется, да?–
Вверх взлетели тонкие бровки.–
Слушай, папа, скажи, когда
Ты приедешь из командировки?

Чей-то голос во сне сказал:
«Никогда...»

Иль это не снится?
Дрогнул поезд. Раненой птицей
Застонал, забился вокзал.

– Поздравляю: дочь!..–

Сгоряча,
Истомившись от ожиданий,
Стиснул он в объятьях врача,
Обнимает сестру и няню...

Под собою не чуя ног,
Все поняв лишь наполовину,
Побежал бегом, приволок
В дом родильный цветов корзину,

И шампанское, и конфет...
Счастье встало пред ним – живое.
Может быть, это – явь?

А бред –
Свод, нависший над головою?

Нет, ушло оно без следа.
Жгучий знак лишь в сердце усталом...
Ворон каркает: «Никогда!..»
Так в одной балладе читал он...

...Бьется, не поднимая век,
Арестант на койке железной...
«Никогда!», «Никогда!», «Вовек!».
Ждать и звать уже бесполезно.

Тени черные на стене,
А в глазке – зрачок часового...
Камиля, приди хоть во сне.
Попробуй, приснись мне снова!

О, затепли свет твоих глаз,
Темнотой ресниц опущенных!..

...Вы, сердившиеся на нас,
Вы, невесты наши и жены!..
Вы, кого, вниманьем не бálуя,
Обижали, может, подчас,
Суховаты были, пожалуй,
В суете забывали о вас,

Если б, взглядом пронзая дали,
Дóма, там – в селе, в городке,–
Разглядели вы, услышали,
Как, подушку грызя в тоске,
Мы о вас томимся ночами,
Проклинаем разлуки срок,
Заклинаем судьбу в печали:
«Увидать бы еще разок
Прелесть взгляда неповторимого,
Очертания головы!..» –
Вы бы поняли, как любимы вы,
Как безмерно желанны вы!

III

Своды камеры, той, в которой
Видит новоприбывший сны,
Все четыре ее стены
Да расщелину коридора,
Что как будто в недрах горы
Исполинской киркой пробита,–
Каждый угол тесной норы,

Темной камеры Моабита,
Все царапины этих стен,
Где от века темно и сыро,
Как рисунок собственных вен,
Знает скорбный сосед Темира.

За три месяца изучив
Все тюремные распорядки,
Помнит каждой щёлки извив,
Даже здешней мыши повадки.

Узник мышке сердечно рад:
– Здравствуй, гостя!..

Входи без стука!

(Только ль муками страшен ад?
Страшен ад цепящей скукой!)–
И покамест,

освобожден,

Одолов пространство и время,
Новый «номер» парит над всеми
В сновиденьях

(Блаженный сон!

Заключенного друг и брат!),
Да, пока свободен, крылат,
Номер «тысяча девятьсот»
Ощущает Земли бескрайность,
Воспаленных глаз не сомкнет,
Все не спит профессор Густайнис.

Здесьних мест убогий жаргон,–
Не берлинский – совсем особый,
Плод жестокости, хамства, злобы,–
Диалект фашистских времен!

Изучил невольно, на месте,
Он – филолог и полиглот,
И теперь он ему известней,
Чем решетчатый переплет,

Чем расчерченная стена
(Сам он делал на ней пометки.
Заменяет часы она
Всем, кто время утратил в клетке),

Что длиною – восемь ступней
Или, может, меньше немножко.
Сколько за девяносто дней
От порога и до окошка
Прошагал он?..

Унылый путь!..

Лечь?.. Клопы не дадут уснуть!

– Нет, тебя призовут к ответу,
О страна, родившая Гёте,
Канта родина!.. О, позор!–
Повторял он при каждом шаге
С той поры, с тех далеких пор,
Как его привезли из Праги.
...Был он стар, но тогда – силен.
И подчас, как мальчик, задорен.
Да неужто вот это – он,
Серый, ссохшийся, точно корень?..

Презирая жадных мещан,
Мнил себя он шире и чище...

А теперь ему по ночам
Снится пицца... Все время – пицца!

Но пока не приходят сны,
Коченея в сумраке стилом,
Смотрит узник со стороны
На того, кем недавно был он.

Языков древнейших знаток,
Постигая глагол вселенной,
От политики был далек
Весь свой век профессор почтенный.

В жизни острых тем избегал,
Но в науке был нетерпимей...
Аплодировал бурно зал
В Ленинграде, Париже, Риме,
Если робких своих коллег
Он, случилось, бранил за косность...
Уважаемый человек
Был ученый Густайнис Костас...

Мысль ценил он в деле своем.
Мысль!..

Величье мысли и право!
Но однажды июньским днем
Он сидел на скамье у Влтавы...

Четко, словно в кадре кино,
Видит он себя – на покое.
Он читает газету, но...
Рядом нагло уселись двое.

Оба, – в штатском, и все же – вид
По-фельдфебельски молодецкий,
И крикливо, резко звучит
Их картавый говор немецкий.

– Живописность Праги – обман!
Басни! –

первый изрек спесиво.

– Ясно всем:

столица славян

Неуютна и некрасива.

– Безусловно! –

сказал другой.–

Это можно бы знать заранее.

Нет у чехов нужных познаний.

И в искусстве – ни в зуб ногой

Эти темные дикари.

Хоть на этот мост посмотри!

Тут профессор встал,

не стерпев

Злобных слов, нахального тона.

Ощувив неслыханный гнев,

Наглецов прервал возмущенно

(«Вот с чего началась беда!»):

– Пощадите слух, господа!..

Чтоб судить о вещах,

вначале

Надо все же постичь предмет...

Все ценители изучали

Наше зодчество с давних лет.

Из далеких краев приехав,
Любовались искусством чехов
Иностранные мастера.

Несравненно наше вчера!..
Мост Юдифи!..

Мост через Влтаву!
Красоты этой строгой, право,
Не оценит разве слепой...
Люди тут стояли толпой,
Созерцая стройность и силу.

Почитайте: с древних годов
Злата Прага красой затмила
Красоту других городов!
Только варвар не знает это!..

И, в досаде швырнув газету,
Он собрался идти домой!..
(«Все же я им воздал с лихвою!»)

Но его задержали двое:
– Подождите!

Кто вы такой?..
И откуда?..

– Я – житель Праги.
– Покажите ваши бумаги.

– Я – профессор...
– Ваш документ!..–
Проходимцы не сняли шляпы

Перед званием...
И в гестапо
Был отправлен в тот же момент
Столп науки.
Разгром великий
Дома тут же был учинен.

Осмотрели со всех сторон
Полки книг.
И нашли улики.
Вот они:
Бозси трактат.
Книга с Бенешевым портретом...

Был под стражу профессор взят
И объявлен, по всем приметам,
Вдохновителем партизан
И шпионом восточных стран.

Хоть не знал состав преступленья
Арестованный, тем не менее
В Моабите он
с этих пор
Обитателем стал исконным...

...Так, по гитлеровским законам,
Был решен об искусстве спор.

IV

Что ж, рассвет – повсюду рассвет:
И на воле, и за решеткой...

Как неясный еще мотив –
Мешанина яви и сна,
Отголосок смутных событий...

Свод над койкою... Тишина.
«Где я?»

Вспомнил:

«Я – в Моабите».

Ясно все Темиру теперь.
Старику кивнув головою,
Слышит:
рядом скрипнула дверь.

Коридором шагают двое.
Под ногами их гнется пол,
Шаг медлителен и тяжел.
Шепотком – шуршанье приказа:
Поживее, мол...– Шнеллер, шнелль!..–
«Не Андрей ли?..
Взглянуть бы в щель!»

Изогнулся Темир...

Но сразу –
Хватить его за рукав сосед!
Оттащил кое-как от щели.
– Что вы?.. В карцер, что ль, захотели?
Любознательность – нам во вред!
Сядьте!.. Мы еще незнакомы...
Я – Густайнис, литовец... Вы...
Вы, возможно, житель Москвы?..

Как зовут вас?.. Кем были дома?..–
Называет Темир себя.

– Кем я был там? Я был поэтом,

– Я профессором был...–

На этом

Приоткрылись двери, скрипя.

Всею тяжестью

на порог

Страж вступил:

мордаст, как бульдог,

Краснорож, огромен, сутул...

Сразу в камере стало тесно.

– Х-рауф!..–

Профессор поднялся с места.

– Встаньте!– он Темиру шепнул.

Так стояли они пред ним –

Налитым – два жалких скелета.

Страж, сопя, достал сигарету,

Чиркнул спичкою...

Горький дым

Полетел – за кольцом кольцо –

Заклоченным прямо в лицо.

С той же важностью беспредельной

Вышел страж...

К ногам старика

Таз какой-то

с тряпкой шинельной

Подтолкнула чья-то рука.

И профессор, склоняясь смиренно,
В руки взял шинельный лоскут...
– Здесь у них в чести гигиена.
Нашу пользу черти блюдут:
Чтоб фигура не стала тучной,
Чтоб досуг не впустую шел:
Каждый «номер» собственноручно
На рассвете моет свой пол,
Прежним званием не кичась...–
И профессор придвинул таз.

– Дайте я помогу!

– Э, милый!..

Не спешите!.. Завтра придет,
Несомненно, и ваш черед,
А пока – экономьте силы
Да смотрите, друг, на меня.
Научился я понемногу:
Первый раз я начал с порога
И, ошибку свою кляня,
Все потом перемыл сначала:
Страж-блюститель был страшно зол.
Очевидно, чтоб вымыть пол,
Всех профессорских знаний мало!
Это я недавно постиг!..
Ну-ка, примемся за работу!–
И Темир увидел:

старик,

Столь похожий на Дон-Кихота,
Черный пот стирает со лба...
Плохо гнутся худые руки...

«Все ж спасибо тебе, судьба,
Что с высоким жрецом науки
Ты хотя бы на краткий срок
Породнила меня, поэта!..»

– Не хотите ли сигарету?
В этом деле мне страж помог...
Сигареты, клянусь, на славу!..–
Усмехнулся старик лукаво,
На Темира бросая взгляд,
Взгляд, один только взгляд – не боле!
Но когда бы знали на воле,
Как друг другу в глаза глядят
Те, кто цепью одною скован...
Заклученного взгляд – каков он?..

Вопрошающий и тревожный,
Исучающий, осторожный:
Дескать, что там – в душе твоей,
Мой товарищ по заключенью?
Только мука, лишь огорченье?
Или, может быть, ты злодей
И готов продать за копейку,
Чтоб сыскать самому лазейку
К лучшей жизни
любой ценой?
Что в душе у тебя осталось?
Есть ли честь у тебя и жалость?
Кто ты – новый товарищ мой?
Дай взглянуть в зрачки сквозь ресницы!
Если даже в глазах искрится
Человечность и доброта,

И не стал ты подобен зверю,
Все равно – не сразу поверю:
На замок душа заперта.

Задаёт нам тюрьма загадки.
Научила она оглядке,
Укрощает порыв любой.

Как приятно ни говоришь ты,
Все ж тебя – и дважды и трижды –
Испытаю, товарищ мой!

– Мы сегодня с вами богаты!
Хватит курева дня на два... –
И профессор

кусочек ваты

Ловко выдрал из рукава
Телогрейки грязной и рваной...

– Баста!.. Больше потеть не стану.
Перекурим, как говорят...
Сигарету, Темир, берите!

– Не курю!..

– Ну, что ж... В Моабите

Без привычек легче стократ
«Номерам», то есть бывшим людям...
И за вас я сердечно рад.
Мы ж сейчас огонька добудем...

Он скрутил из ваты сигарку,
Об пол трет,
так, что стало жарко,

Трет ногой, сколько хватит сил...
Ватка медленно задымилась...
– Вот огонь! Скажите на милость,
Наконец-то искру добыл!
Нет кремня – пригодится ватка...–
Затянулся профессор сладко,
Хоть струей потянулась вонь...
– Недостаток спичек – не страшен!
Так в техническом веке нашем
Добывают люди огонь!..

Покурить в тюрьме – благодать!..
Старика, мой друг, не судите –
Намолчался я в Моабите.
Вот и хочется поболтать.
Был я здесь – один...

Между тем
Для раздумий здесь много тем,
А судьба послала соседа,
С кем приятна будет беседа...
Здесь мир, что аду сродни,
До сих пор никем не воспет он...
Обратимся хоть к сигаретам...
Как попали ко мне они?

Надзиратель – он вам знаком!–
Этот вот, гигант краснорожий,–
В зубы двинул мне кулаком,
Вышиб мост золотой...

Но что же?!

Сигареты швырнул взамен,
Сигареты – в обмен на злато

И затрещину – чем не плата?..
Чем, скажите, не джентльмен?!
Все, кто служит в здешнем аду, –
Торгаши и садисты вместе.
Вот таких «белокурых бестий»
Ницше, верно, имел в виду!..

Ну, пора и за труд, мой друг!
Поздно... Время уходит наше.
Скоро мы понесем парашу...

Тут старик закашлялся вдруг,
Протирая с трудом глаза
Пальцем – тощим невыносимо...
По щеке поползла слеза.
Из-за дыма?

        Может, от дыма!

V

Жить положено заключенным,
Как велит негласный указ.
И поэт со старым ученым
Понесли парашу и таз,
Кое-как шаги соразмеря...
Шел Темир, напрягая слух:
«Может статья, за этой дверью –
Мой Андрей – сотоварищ, друг?..»
Он споткнулся...

        И – таз из рук...

И тогда дежурный солдат
Поднял палицу из резины

Почему ж только Зло взшло
В этом сердце?..

Одна лишь скверна...

Может быть, он влюблялся тоже?
Может, даже грустил в тиши...
Как его лишили души,
Все живое в нем уничтожа?
Или он – врожденный злодей?..
Вряд ли...

Просто черная сила
В слабом сердце раскрепостила
Все дурные свойства людей,
Те, каких и у зверя нет...»

Но Темира старик сосед
Попытался отвлечь...

– Глядите,

Эта линия на стене
Обитающим в Моабите
Заменяет часы вполне.

Закрепив свои наблюдения,
Начертил я на ней деленья.
Вот сюда смотрите, сюда!
Стрелкой служит солнечный лучик,
Приглядитесь как можно лучше:
Скоро – восемь. Скоро еда.

Не хандрите! Что́ ваш солдат?!
Он тупее своей дубины.
Рассказать вам?..

Старик Сократ

Шел однажды через Афины
И людей поучал, мудрец,
Что – разумно и что – прекрасно...

И тогда один молодец,
Очевидно, с ним не согласный,
Мало сведущий в красноречье,
С диалектикой незнаком,
Не найдя аргумента весче,
Дал философу – кулаком.

У Сократа в глазах – круги.
«Негодяю выбей мозги!..–
Все кричат.–

Вот будет расплата
И вполне достойная месть!»
Но раздался ответ Сократа:
«Можно выбить лишь то, что есть!»
Коль меня со зла на ходу
Вдруг лягнет осел на базаре,
Даже больно меня ударя,–
Я судиться с ним не пойду...
Не пробьешь ослиную шкуру!–
Усмехнулся профессор хмуро.

– Полагаю определенно:
Древнегреческий тот осел –
Прадед нашего солдафона,
От осла его род пошел...

Но вернемся к древней Элладе,
Там, Темир, поступали так:

Если кто-нибудь смеха ради
Вам подставит под глаз синяк,
Имя этого человечка
Вы запишете на дощечку
И повесите на груди...
«Судия-народ, рассуди!»
И, поверьте, не вы, а он
Будет всячески заклеямен
Незнакомыми и своими...

Прочитав презренное имя,
Станут все говорить:

«Позор!..

Он – подлец!.. Он хуже, чем вор!..
Грубиян, осел толстокожий...»
Но...–

Старик подошел к дверям.–
Вы прислушайтесь, друг, что там?..
Принесли газеты, похоже...

– Здесь – газеты?!

Это – не шутки?!

– Нет, какое!..

На завтрак тут
Вместо жирной жареной утки
Сто газетных уток дают!

Да, газеты...

Камере каждой
Ежедневно в утренний час
Выдавали их, не скупясь.
«Утоли, если сможешь,
жажду

Трескотнею фашистских фраз!..»
Восхваляли в этой газете
Правоту империи Третьей,
Славословили в честь побед.
Но в статейке, с умом прочтенной,
Находил иной заключенный
На вопросы свои ответ,
Научившись читать меж строчек
Каждый тонкий ее листочек.

Если нынче Геббельс неистов
И громит Советы вдвойне,
Это значит, что у фашистов
Неприятности на войне.

Если громко вещают строки,
Что сегодня взято село,—
Знай: фашистам не повезло,
Отдадут они на Востоке
Раньше взятые города,
И читатель счастлив тогда...

Если пишется, что маневры
Начинаются там иль тут,
Понимай:
                    фашисты бегут
И сдают у Гитлера нервы.
Так, отрезанные от света,
За броней тюремной стены
Видят узники ход войны
Сквозь мороку лживой газеты,
Укрепляя надеждой дух...
В заключение – острее слух!..

А в години войны прошел
Вдоль украинских белых сел.

Небо синее Украины!..
Возникают в уме картины
Оскорбленной милой земли...
На полях сожжена пшеница,
У крестьянок скорбные лица,
Улетели прочь журавли...

Я любил тебя, Украина!
Ваши строки, Бажан, Тычина,
И Сосюры нежнейший стих.

Украина!
                  Неужто ближе
Никогда тебя не увижу,
Не услышу песен твоих?..

Схороненным здесь, в Моабите,
Неизвестен поток событий...
Все же верно, что ты – вольна...

Над тобой расходятся тучи,
Снова Днепр зашумел «ревучий»,
Как в далекие времена!..

...Но не только добрые вести,
Затаившиеся меж строк,
Приносил газетный листок.
С похвальбой фашистскою вместе,
С болтовней, противной уму,
Лист бумаги входил в тюрьму.

Да, рассказы о лжеотваге,
Гимны в честь фашистской страны
Напечатаны на бумаге
И полями окружены...

С этих белых полей сейчас
Заключенный не сводит глаз,
Осторожно рукою глядя –
Хороши они для тетради!

Лист бумаги!
В былое время
Ты не ставил его ни в грош,
Выметал с окурками всеми...
Отшвырнешь и дальше пойдешь!

Сколько зря бумаги пропало –
Чистой, праздничной, меловой!
Сколько белых страниц, бывало,
Ветер носит по мостовой!..

Сколько ты сгубил неповинно,
Нетерпеньем юным палим, –
Чуть не стопы швырял в корзину
Под столом рабочим твоим.

Сколько скомкал неосторожно
За недолгий жизненный путь!
Если б только было возможно
Хоть частицу сейчас вернуть!..

Каземата глухие стены,
Ночи, полные злой тоски,

Скрип дверей, поворот ключа
Отдаются, в сердце звуча.
Легкий, чуть различимый шум
Заставляет работать ум.

Слабый шорох, что хоть чуть-чуть
Нарушает скучный порядок,—
Матерьял для многих догадок,
К ожиданиям, к надежде — путь.

...Звякнул ключ. Идут, вероятно...
И Густайнис

тотчас извлек

Грязный свой носовой платок,
Зашагал туда и обратно.
Но потом усмехнулся вдруг:
— Вам случалось бывать, мой друг,
В зоопарке — в часы кормления?
В ожиданье жратвы, мечась,
Проявляет зверь нетерпенье
Точно так же, как я сейчас...

Зверь, говядины чужа дух,
Так же яростно мерит клетку.
Далеко ли ушел от предка—
Ното sapiens, высший дух?..
— Но, профессор, голодный зверь
Не зовет на помощь рассудок...
В том, что вы решили теперь,
Виноват голодный желудок,
А не разум...

Скажите мне,—

Если б весть о родной стране
В клетку хищника долетела,
Разве зверю было бы дело,
Что творится в его краю,
Что собратья – голодны, сыты?
Любит зверь лишь шкуру свою!
Нам же в холоде Моабита
Веселее стало, теплей...
От чего? От добрых вестей
Из краев, куда нет возврата!..

Нет, мы, люди, все же – богаты
Силой мысли способны мы
Раздвигать пределы тюрьмы,
Долетать до Волги, до Влтавы...

– Может быть, вы частично правы;
Человек, он – и прост и сложен.
Но пока что диспут отложим.
Вожделенный близится час,
О каком – не скрою от вас!–
Уж давным-давно я скучаю:
Час раздачи пайки и чая.

И тотчас же в окно-кормушку
К ним втокнули дневной паек:
Чай, иль попросту кипяток
(Наливай в жестяную кружку),
Хлеба глинистого ломоть.
Подкрепляйся, жалкая плоть!..

Пайка скудная да водица –
Можно ль тут понабраться сил?!
И Темир, подумав, решил
У профессора поучиться.

Хлеб сложил профессор в платок
(Он его не зря приберег),
Чтобы попусту не пропало
Ничего, даже крошки малой!

И Темир (его существо
Вопияло о пище тоже,
Все же был он тверже, моложе...),
Замолчав, смотрел на него
И твердил себе:

«В память вбей!

Вот она – картина эпохи:
Собирает ученый крохи
Исхудалой рукой своей,
Сыплет их осторожно в рот
И, причмокивая, сосет,
С пайки жадных глаз не спускает...
Вот сейчас починает с края
Хлеб – липучий, точно земля.
На кусочки его деля,
Остороженько, понемножку
Сыплет в кружку, мешает ложкой,
С вожделеньем вдыхает пар
(Нет прекраснее аромата!),
По глоточку пьет кисловатый,
Но бодрящий этот навар.

Пьет его почти богомольно,
Засияв глазами невольно,
Словно бы от большого счастья,
Он, знававший пиры ума!..

Что творишь ты с людьми, тюрьма!»

Заморив хотя бы отчасти –
Хоть на миг, хоть в ничтожной мере!–
Червяка (а вернее – зверя),
Объявил Темиру старик:
– Голод – злейший из всех злодеев –
Не нашел ни в одной из книг
Воплощенья.

Гамсун, Андреев –
Все писали о нем неважно:
Не пригоден тут лист бумажный,
И десятки ваших коллег
Не расскажут о нем вовек.

Да, какую б ни взяли краску –
Все неверно будет, бледно...

– Рассказать вам, профессор, сказку,
Что слышал я в детстве, давно?

– Что, предание?.. Буду рад.
Я – любитель древних преданий...
– Речь пойдет о могучем хане,
Жившем тысячу лет назад.

Хану выпал счастливый жребий:
Был прославлен его дворец.

А коней у хана, овец –
Больше, нежели звезд на небе!..
Нет богатствам ханским конца!..
В стройных башнях его дворца
Сотни сот сундуков блистало
Черным лаком, блеском сандала.

Сколько золота в них – бог весть!–
Хан забыл, да и нам не счесть!
Но однажды сказал он свите:
– Эй, ленивые! Напрягите
Зажиревший в безделье ум!
Назовите – не наобум!–
Моего достоянья цену.
Награжу за это отменно.
Кто исполнит задачу, тот
Во владенье башню возьмет
С сундуками, казной и прочим.
Если ж будет ответ не точен,
Вам известен обычай мой:
Повелю – голова долой!

Постояли все, помолчав.
«Хоть оно заманчиво очень..
Вдруг да будет ответ не точен?–
Зная хана суровый нрав,
Размышляет ханский слуга,–
Человеку жизнь дорога».
Все ж наутро, дугой склонясь,
Входит к хану богатый князь,
Он всю ночь мечтал об удаче.
Ведь не зря у нас говорят:

«Если кто несметно богат,
Жаждет стать он еще богаче».
Тем, кто алчностью обуян,
И топор палача не страшен.
Князь воскликнул:

– Великий хан!
Нет цены сокровищам вашим!

Хан ответил, втайне смеясь:
– Князь, ошибся ты, несомненно:
Все на свете имеет цену.

...Обезглавлен богатый князь.

Не болтлива ханская свита.
Слух, однако ж, бежит, течет...

Во дворец пришел знаменитый,
Многоопытный звездочет.
Седина блестит кое-где
В волосах его, в бороде,
Точно крылья вóрона, черной.
– Хан!–

сказал астролог ученый.–
Цену я способен назвать,
Что была бы правде под стать,
А не плод фантазий и басен,
Но к тому единственный путь:
В сундуки твои заглянуть!–
Хан, подумав, изрек:

– Согласен.

И, допущенный к сундукам,
Звездочет задержался там,
День и ночь упорно считая.
Наконец успел досчитать...
Появился пред ханом – глядь!–
Голова у него – седая.
Не чернеет ни волоска!
Превратился он в старика,
И прошамкал старик почтенный:
– Я узнал шокровищам цену,
Хоть потратил множештво дней,
Не жалея жизни своей.

Как бобер, я был шедоват,
Ньпче бел, как медведь полярный...
Миллиард миллионкрат,
Взятый в штепени миллиардной,–
Вот шокровищ твоих цена –
И проверена, и точна.–
Усмехнулся хан богоравный:
– Не мудрец ты, а казначей.
Ты тудился весьма исправно,
Подсчитав лишь цену вещей
И совсем забыв про меня,
Ни во что меня не ценя,
Что же – хан, по-твоему?.. Нуль?..
Хоть расчет был изрядно долог,
Но тебя не казнить могу ль?..

Обезглавлен седой астролог.
Пала белая голова...

Пробежал не месяц, не два,
Может статься, больше чем год...
Во дворец никто не идет.
Не загонишь туда и палкой!
Всем единственной жизни жалко.
Дураков-то на свете нет!
Но однажды летом, в обед,
На дворцовом крутом пороге
Паренек предстал босоногий.

– Хана я повидать хочу!
– Прямиком бы шел к палачу,
Чтоб не делать лишнего шага.
Да куда ты лезешь, бродяга!..
Не слышал?.. Мудрейшие в мире
Заработали здесь беду.
Уходи!..–

говорят визири.

Но твердит босяк:

– Не уйду.

Пропусти меня, борода!..

– Эй, ведите его сюда!–
Крикнул хан, поглядев из зала.–
Что его задержали вы?
Может статься, вам головы
Чернокостного жалко стало?!
Кто ты, парень?.. Ответствуй мне!

– При твоём служу табуне.
Не проста у меня работа...

– Ты, выходит, обучен счету?
– Да, считал коней до сих пор...
Дай мне времени две недели,–
Докажу познания на деле,
Но сперва пиши договор:
Мол, «даю всей своею властью
На поступки его согласие».
Подпиши и поставь печать...

«Ну, табунщик нам не опасен...»–
Хан решил и сказал:

– Согласен.

Можешь труд хоть сейчас начать...
Вот указ, он подписан мною
И скреплен печатью резною.–
И табунщик начал сейчас же...
– Хана взять!–

приказал он страже,
Предъявляя ханский указ,
И совсем как меня и вас,
Мой профессор,
ханская клика
В яму тотчас ввергла владыку.

Там владетельный хан, как нищий,
Трое суток провел без пищи.
На четвертый день караул
Корку хлеба ему швырнул.

Хан, сидящий в промозглой яме,
В эту корку впился зубами,
Зарычав, как голодный волк.

Протекло еще трое суток.
За трехдневный тот промежуток
Хан от слабости слег и смолк.

С голодухи он изнемог,
Вверх взирая жадно и тупо.
Тут предстал перед ним паренек
С черным хлебом и миской супа.
Хан завыл, как голодный пес.
Паренек, смеясь произнес:
– Ну, решай, солнцеликий, сам:
За краюху, за суп вчерашний
Не отдашь ли теперь все башни? –
И ответствовал хан:

– Отдам!–

Засмеялся табунщик...– На!..
Набивай голодное брюхо!
Вот богатствам твоим цена:
Жидкий суп да хлеба краюха!

– Чем же кончилось?

Хан упрямый

Отдал башню, гнев затая?..

– Нет, профессор...

Выйдя из ямы,

Хан воскликнул:

– Башня – твоя!

Но тебя самого сейчас
Обезглавлю я!.. Четвертую!..
Слуги, эй!.. –

Он кричал впустую.

У табунщика был указ,
Договор оставался в силе...
Снова хана в яму спустили,
Но табунщик на этот раз
Вход в нее завалил камнями:
– Подыхай, богоравный, в яме!..–
Говорят, что теперь народ
В том краю без владык живет,
Всем соседям своим на диво...

П р о ф е с с о р

Что ж, Темир, сказанье правдиво.
Все голодный может отдать –
И отца, и родную мать –
Ради хлеба, мамоны ради...

Т е м и р

Так ли?.. Вспомни о Ленинграде.
Там, терпя жестокие муки,
Не давались фашистам в руки
Столько долгих ночей и дней:
Голод – страшен, рабство – страшней.
Да, конечно, хлеба краюха
Нам, голодным, снится во сне...
Но всего опасней, по мне,–
Дистрофия ума и духа!
Пусть мы с вами – кости да кожа.
Дух живой сохранили мы.
Хлеб – он дорог в стенах тюрьмы.
Все же совесть еще дороже...

VII

Где-то дверь захлопнули гулко,
И профессор сказал:— Подъем!
Ровно в полдень будет прогулка,
А пока немного вздремнем.—
С места встал, прошел два-три шага,
Сел, сложась почти пополам...
И возникла пред старым Прага.
Он — свободен. Он снова там...
А Темир оборвал умело
Вкруг газетных статей поля,
Развернул их лентою белой
И сложил гармошкой, деля
На страницы — на ряд квадратов...
Так он сделал тетрадку, спрятав
Осторожненько в изголовье
Под шинелькой верной своей.
«Эта книжка,— думал с любовью,—
Стоит целой бумажной дести...
Где же все-таки мой Андрей?
Нас везли из лагеря вместе.
Может, рядом он — верный друг?
Стой!.. Как будто донесся звук,
Еле слышимый через стенку...
Мышь скребется?..

Нет, несомненно,

Кто-то в стену стучит ко мне...»
Кружку он приставил к стене
И прижал к ней жадное ухо...
«Да, стучат...»

Неясно и глухо

Звук доходит сквозь толщу стен.
«А» – по Морзе...
А дальше – «Эн»...
«Д» и «Р»... Перерыв... «тук-тук...»
«Я – Андрей. Где Темир – мой друг?»

О, тюремные перестуки!
Несравненной музыки звуки.
«Тук-тук-тук...» Ты в тюрьме – не сир.
Ты и здесь окружен своими.
Ты – не номер. Ты носишь имя...

И стучит Андрею Темир,
Через кружку лоя ответ.
Но едва простучал начало,
Как закашлялся вдруг сосед,
В громком кашле ясно звучало:
«Оглянись. Ты сошел с ума!
За тобою следит тюрьма!
Отойди от стены, приятель!»

Ус мелькнул в смотровом глазке.
Звякнул ключ. Вошел надзиратель,
И Темир услышал в тоске:

– Номер тысяча девятьсот
Виноват в нарушение указа
И за это в карцер пойдет.
Сутки лишь – для первого раза.
(«Сутки карцера?.. Не беда!»)
Без вещей... Остаются вещи...–
Надзиратель взглянул зловеще:–
Встать. Идти за мною. Сюда.

VIII

«Только сутки – на первый раз!..»
...Карцер.

Тьма – хоть выколи глаз.
Проникает холод сквозь дыры
Гимнастерки... Нога Темира
В ледяной, зловонной воде.
Мрак и холод.
Вода – везде.

В темноте он бредет назад.
«Может, лучше у двери буду?..»
Ноги в черной воде скользят.
Не спасешься – вода повсюду.
На полу – почти что река.
Капли падают с потолка.

«Только сутки на первый раз!»
Все как будто сжалось в Темире.
«Только сутки...»

Не миг. Не час, –
Сутки... Сутки! Двадцать четыре
Бесконечно долгих часа.
Первый час едва начался.

Наклонился Темир рывком
И ударил в дверь кулаком.
Как резиновый детский мяч,
Отлетает кулак от двери.
Бей, кричи, надрывайся, плачь,

Вой бессмысленным воем зверя, –
В черной яме потонет звук...
Что-то скользкое под рубаху
Пробралось... И Темир с размаху
Хватить!.. В руке – мохнатый паук.
Раздавил, дрожа, паука.
В паутине липкой рука.

Все похоже на бред больной...
Давит голову мрак тяжелый.
Смрадной сыростью тянет с пола,
Обдает струей ледяной.

У Темира сердце зашлось.
Он дрожит... Он промерз насквозь.
«Только сутки», «лишь сутки...». Выжди!..
– Будьте прокляты, дважды, трижды,
Кровоопийцы!..–

Темир хрипел:–
Все ж бесчинствам будет предел!
После пира придет похмелье,
Все вы сдохнете в подземелье!
Волчьей стае не победить!

«Только сутки! Сутки – всего лишь!
Не сдаваться. Ходить... Ходить...
Ты ходить себя приневолишь...–
Он внушает себе, дрожа.–
Жить!.. Ценою любых усилий...»
...Поутру его сторожа,
Точно труп, на койку свалили.

IX

Словно листья, сбитые бурей,
Те, что ветром унесены
Далеко от родной страны,
Люди мечутся в буйной хмури,
В урагане диком войны.

Стольких с мест сорвала беда,
Сбила с ног налетевшим штурмом,
Разбросала кого куда –
По фронтам, по тылам, по тюрьмам...
Изорвала в клочки ветрила,
Гонит лодку то вбок, то вспять...
До того иных изменила,
Что себя не могут узнать!..

...Что он видел – старик ученый,
Окружен штабелями книг?
Лишь теперь, больной, заточенный,
В книгу жизни он сердцем вник.
И, захваченный стаей волчьей,
Получив жестокий урок,
По ночам винит себя молча,
Что невольно, но злу помог:
Невмешательством, равнодушьем –
«Обойдутся, мол, без меня».
Он томится, себя казня:
«Я виновен, что мир разрушен.

Я потворствовал этим тварям,
От борьбы держась в стороне.

Лишь в тюрьме я прозрел вполне.
И тюрьме за то благодарен.
Пусть ценою жестокой боли,
Правду все ж я понять успел.
Оценил я гордую волю
Тех, кого вели на расстрел,
Что, восстав против гнусной были,
Силой духа смерть победили.

Люди!
Жизнью дурной, несмелой
Жил один из книжных червей...
Если б мог посвятить я делу
Хоть остаток жизни своей!..
Может, все-таки пригожусь вам?!»

И старик с особенным чувством,
Как за сыном своим родным,
За Темиром ходил больным.

Он, детей не растивший сроду,
По ночам, не смыкая глаз,
Подносил ему в кружке воду.
Тратил сил последних запас,
Чтоб хоть чем-то помочь соседу.
И когда, после ночи бреда,
Улыбнулся ему больной:
«Все-то возитесь вы со мной...»,
Просиял Густайнис:

победа!..

– Шутка ль, трое суток в жару!
– Ничего... Авось не помру!–
И Темир, привстав еле-еле,
Потянулся рукой к шинели.

– Не вставайте, Темир! Нельзя!
Цело все достоянье ваше:
Все же рядом с вами друзья.
Вот – больничная вапша каша.
Хлеб, как видите, за три дня...
Все в сохранности у меня.
Съешьте!..

Ешьте, сколько угодно!..
 («Это все он хранил – голодный!»)–
И Темир прошептал:

– Спасибо!

Это ж подвиг: все уберечь!–
Ну и голос!..

Подобье хрипа!..–
Что-то мне не дается речь...
Видно, я простудился все ж
В этой дьявольской костоломне!..
Пробирает невольно дрожь,
Только карцер проклятый вспомню!..
– Ешьте!.. Вами я недоволен...
– Но скажите, профессор, друг,
В эти дни, пока я был болен,
Вы не слышали в стенку стук?..
– Да, стучали все дни подряд.
Что ни утро – стучат, стучат...
Лягте!.. Вы опять побледнели!–
Но Темир достал из шинели
Драгоценность свою – тетрадь.
«Может быть, удастся писать...»
Он графит извлек карандашный,
Ловко спрятанный в воротник...
– Не вставайте!–

молил старик.–

Съешьте кашу... Паек вчерашний...
Говорил я: нельзя вставать!..
Сами видите...–

На кровать
Повалился Темир в бессилье...
Мысли горькие подступили.

– Не грустите,– старик сказал,–
Глуби зла познает не каждый...
Рассказать, как давал однажды
Герцог Медичи карнавал?..

Собралась во дворце вся знать,
Все мудрейшие и меж ними
Тот великий поэт, чье имя
Знали все, кто умел читать
И чуть-чуть размышлял, читая:
Данте, автор «Ада» и «Рая».

Карнавал...

Рисуйте картину:
Арлекин ведет Коломбину,
Следом – черное домино.
Друг за другом мелькают маски,
Как в старинной волшебной сказке,
Прозвучавшей давным-давно.

В тяжком воздухе каземата
Ощутите вдруг ароматы
И представьте беспечный смех...
В канделябрах сияют свечи,
И летит на женские плечи
Конфетти, словно пестрый снег.

Повинуясь руке маэстро,
Не смолкают звуки оркестра,
Масок кружится хоровод,
И в причудливом их потоке
Герцог ищет – где гость высокий,
Ищет Данте и не найдет.

Догорают к рассвету свечи.
Долетают обрывки речи,
На полу – ковер конфетти.
Утомленно кружатся маски,
Но и в медленной этой пляске
Данте все-таки не найти.

Может быть, он – в черной сутане?
Иль в плаще, словно в дни скитаний?
Может, он – хвостат и рогат?
Уж ему известно, поверьте,
Как бывают одеты черти
В дни, когда покидают ад.

Нет, впадает герцог в ошибки!..
Но у Медичи – разум гибкий,
Он велит:– Подайте перо!–
И немедля в дворцовом зале
Пишет так, чтобы все видали:
«Кто способен познать Добро?»

Говорит он:
– Милые гости!
На минуту танцы забросьте!
Напрягите свой острый ум!

Написать ответ поспешите,
Но без имени...

Опишите

Вместо подписи – ваш костюм.

Все хотят показать свой разум.
Нет числа сладкозвучным фразам...
Велико записок число.
Но в одной – и малой и краткой –
Герцог все же нашел отгадку.
Там стояло:

«Познавший Зло».

Пробежав глазами записку,
Властный герцог склонился низко
Перед тем, кто и впрямь был Дант...
Были Медичи – ох, крутёньки!
Власть любили, и кровь, и деньги...
Но ценили ум и талант,
Чем – простите за комментарий!–
Отличались от здешних тварей...

А к чему весь рассказ?..

Поймите,

Вы, изведавший в Моабите
Черный мрак мирового зла,
Свет оцените в полной мере
(Трижды прав был Дант Алигьери!),
Если станет земля светла,
И Добра высокое пламя
В неизменной его красе
Воспоете тогда стихами,
Чтоб его увидели все!..

– Что ж,– Темир отвечал,– вы правы...
Если зверь фашизма кровавый,
Тот, кто Землю во мрак вогнал.
Сложит смрадные свои кости,–
Солнце мы пригласим к нам в гости
И устроим бал-карнавал.

Х

За решеткой
Холодный осенний дождь.
Пробивается ветер в щели.
Скоро полночь, должно быть...
Никак не уснешь
Под ветошкой старой шинели.
Холод. Холод...
Свернешься на койке в клубок.
Бок согреешь...
Другой замерзает бок.

Светит лампочки яркий, бесстрастный зрак.
Ты глядишь на нее в ознобе.
Зуб на зуб не может попасть никак,
Отбивает подобье дроби.
Ляжешь на спину – холодно!
Вновь – на грудь...
Весь промерз насквозь...
Не уснуть.

Все равно покрепче глаза прикрой...
Помнишь?..

Некогда, в старину,

Затрепещешь ты, убежишь, крича,
Потеряешь покой навеки,
Видя пальцы тощие скрипача,
Жил набухших синие реки.

Что она сотворила – шайтанов рать –
С тем, кто был и силен и молод?!
Самого б себя я не смог узнать!..
...Ох, какой нестерпимый холод!

В сердце – словно колотое стекло.
Смертный лед наполнил аорту...
Тело больше не держит в себе тепло,
Как сукно шинели истертой.

Сердце!.. Все ж я должен его падить,
Отстоять свое слабое сердце!..
Встать... Ходить... Ходить... Через силу
ходить.

И любую ценой согреться!..

Ноги что-то слушаться не хотят,
Словно сделаны из резины.
Есть не хочется?..
Ешь, тебе говорят!
Пайки съешь хотя б половину!

Сытость – счастье... Хлеб – это божий дар!..
Не сдавайся! Крепись! Чего там!..
Жарко стало?.. Обдал наконец-то жар,
Наконец ты облился потом?..

...И отлично!..

Родная плывет земля.

Озаряясь, встает в тумане
Город милого детства, зубцы кремля,
Стены древней, новой Казани...

Вон – знакомая улица... Видишь – дом?
На окне дрожит занавеска.
Камиля в слезах сидит над письмом.
Пишет мужу, куда – неизвестно.

Дочка тянется, как на вокзале тогда.
В чем-то сладком – теплая лапка.
– Папа, папа! Ты скоро приедешь, да?..
Без тебя нам так скучно, папка!

Лица старых друзей – как будто в кино –
Возникают на черно-белом...
Мучит все, что не было свершено,
То, о чем писать не успел он.

Сколько дней и ночей на его пути
Без следа ушли, бесполезно!
Без работы день – что вода в горсти:
Растекаясь, уходит в бездну!
Если б жизнь возвратили тебе опять,
Если все начинать бы снова,–
Не вставать бы с места!

Писать! Писать,
Каждый миг превращая в слово!..

О, как поздно, как тягостно ты познал
Каждой брэнной минуты цену!..
...Гром. Как будто ударил девятый вал,
Сотрясая толстую стену.

Задрожал, скрипя, моабитский ад
С часовыми, со всем надзором...
Свист и грохот...

Бомбят!

Моабит бомбят!

Неужели он будет взорван?!

Сквозь оконце крохотное проник
Горький запах гари и дыма.
– Что, налет?–

равнодушно спросил старик.–

Не тревожьтесь: все бомбы – мимо!
Знает русский летчик, кого бомбит.
Заключенным налет не страшен.
Бомбы ваших всегда щадят Моабит...
Пожелаем удачи вашим!

И профессор, зевая, глаза прикрыл,
Хоть земля ходуном ходила...
А Темир кипел. Весь угасший пыл
Разгорелся в нем с прежней силой.

Шквал бомбежки давно для него не нов,
Но разрывы бомб громовые,
Дикий грохот рушащихся домов
Слышал он с восторгом впервые.

– Эй, друзья!– он шептал.– Поддавай
ловчей!

Налетай на зверье упорней!
Выжигай гнездо убийц, палачей!
Доберись до самого корня!..

Бей фашизм! Круши!.. Уничтожь дотла!..
Насылай на проклятых пламя!..
О, когда б я мог на конце крыла
На минуту подняться с вами!

Если б гнев и злобу в лихом бою
С вашей силою мог сплести я,
Вместе с вами помчаться в Россию мою,
Хоть взглянуть на мою Россию!..

Куст огня, взлетев, озаряет мглу.
Дрожь по стеклам бежит до крыши...
Перепуганно мечутся на полу,
Ошалев от бомбежки, мыши.

Не боятся Темира. Он им знаком.
Даже сыплет изредка крохи...
– Эй, норушки, а вы за что под замком?
Тоже жертвы фашистской эпохи?

Страх куда-то исчез...
Ты опять крылат.
Ты как будто ушел из плена.
Вдохновенной радостью ты объят,
Море вновь тебе по колено.

Оживают вновь у тебя в уме
Чувства те, что на время замерли...
За работу!..

Тассо творил в тюрьме.
Чернышевский писал в камере.
И давно ль, победив слепоту, недуг,
«Не сдаюсь, мол, я, не таковский!»—
Силу воли свою,
непреклонный дух
Показал Николай Островский?..

«Сесть!», «Писать!».

За книжкой записной
Руки тянутся к изголовью.
Но внезапно озноб накатил волной,
Рот наполнился теплой кровью...

XI

И на воле всегда некстати
Хворь, тебя валяющая с ног,
Но когда всерьез занемог
У зверей в когтях, в каземате,
И лежишь пластом, недвижим,
И ко всем несчастьям твоим
Навалились палочки Коха,—
На душе твоей вовсе плохо.

Ночь долга.
Длится ночь века.
Нет тюремной ночи исхода.
Давят мозг нависшие своды.

Пожирает тебя тоска,
Насылая, словно отраву,
Полумысль или полубред:
Та решетка, что грязно-ржаво
Рассекает лампочки свет,
Сможет выдержать или нет
Твоя кости, тощее тело?

Полотенце в клочки порвать
И сплести и, встав на кровать,
Через прутья продеть умело...
И – конец!..

Смерть – она легка.
Легче жизни наверняка.
Миг один – и разрублен узел...
Вырываюсь из цепких лап.
Убегаю!..

Выходит, струсил?!
Значит, ты настолько слаб,
Что на самое дно колодца
Сам бросаешься?!

Нет, пока
Все же держит графит рука,
Не скули!..

Ты должен бороться,
Словом правды врагов разя...

Нет, я вас не предаю, друзья,
И до срока не кану в бездну!
Раньше времени не исчезну,
Как бы ни был мой долг тяжел.
Нет, клянусь!.. Позор дезертира
Не покроет имя Темира!

...Так, пока рассвет не пришел,
Этой ночью – глухой, утрюмой–
Передумал Темир все думы,
Оглядел весь пройденный путь...
Ночь, когда не можешь уснуть–
За решеткою иль в больнице,–
Так огромна, так долго длится!..
Ста ночам эта ночь равна...

Наконец меж прутьев окна
Проступило утро, туманясь.
Шевельнулся старый Густайнис,
И Темир показал ему
Свой платок –

намокший и алый...

– Вот, профессор... А я, пожалуй,
Раньше вас покину тюрьму...
Не для воли... Сами смотрите!..
Прожил я свои тридцать пять
И останусь тут, в Моабите,
От себя что правду скрывать?

Вспыхнул чертов туберкулез.
Втайне он давно меня гложет.
Вы – постарше... И все ж, быть может,
Из обителя зла и слез
Вам удастся выйти живому...

Поклонитесь родному дому
И моей бедняжке жене,
Передайте весть обо мне...
Да скажите дочурке малой,

Чтоб она меня вспоминала,
Чтоб росла – умна и чиста...

Попадете в наши места –
Поклонитесь родной Казани...
Мне страна заменила мать,
Обучила меня читать,
Возбудила во мне дерзанье...

С юных лет меня комсомол
По дорогам земным повел...
О, вручение партбилета!
Я не знал счастливее дня...
И тогда же страна меня
Наградила званьем поэта.

Лучшей женщиной был я любим.
Над восходом ясным моим
Счастье светлой вставало зорькой.
Отмечая огонь души,
Прочитав стихи мои,

Горький

Указал дорогу:

«Пиши!..»

Мы знавали земли расцвет,
Кто – механик, а кто – поэт,
Все мы верили правде нашей,
Что грядущее наше краше
Всех мечтаний,

что даль светла,

Что добра людская природа...
Так до сорок первого года
Жили мы, не ведая зла.

День войны...

Я простился с домом.

Чувство боли еще остро!..

Но, как все, с великим подъемом

На винтовку

сменил перо.

Встал под гордое наше знамя.

Был, как все, уверен и смел.

Вот он – самый трудный экзамен!

Хватит слов!..

Нынче – время дел.

По военной трудной дороге

Мы шагали плечом в плечо,

Все мы жаждали горячо

До фашистской дойти берлоги.

И в победу близкую веря,

Беззаветно бросались в бой.

Шли...

И вот предстала впервой

Перед юными – морда зверя.

Помню – поле на Украине.

Дух пшеницы, теплой земли...

Разбежавшись, мы залегли...

И тогда показались в сини,

Загудели, вгоняя в страх,

Облака золотые засты,

Самолеты...

На их крылах,

На хвостах – тарантулы свастик.

...И поныне в ушах звучит
Голосок этот нежный, слабый.
Сколько видели мы обид!..
Дети плакали. Выли бабы.

Украина... Пожаров чад.
Всюду, где прошли душегубы,
Из земли и золы торчат,
Словно мертвые пальцы, трубы.

И стоит очаг – обнажен,
Словно вынуто сердце хаты.
Что ты сделал, фашист проклятый,
С жизнью наших детей и жен?!

Нет, пощады от нас не жди ты!
Месть вошла в нашу кровь и плоть.
Научились мы бить, колоть,
Мы считали – сколько убито.
Да, профессор, мой личный счет –
Я горжусь им! – довольно долог...
Но зимою в тот самый год
В грудь мою ударил осколок...

Я лежал без памяти...

Так

К ним попался в грязные руки.
Месяц в лагере.

Голод. Мрак

И уже известные штуки,
Что в кошмарах видишь, хотя

Не во всяких даже кошмарах...
Скажем, некий солдат, шутя,
Двадцать пленных убил на нарах.
Просто, в руки взяв автомат,
«Поигрался»...

Но в эту пору
Мы уже вели разговоры:
Все же брата находит брат.

Вместе мы наметили план,
Командира избрали...

Вскоре
Объявили нам всем на сборе,
Что, мол, жаждет власовский стан
Пополнения...

Без усилий
«Добровольцев» мы отрядили.

Новый «власовский» батальон
На машины был погружен...

Но конвойные тут же сняты
(Всех убили в темную ночь).
В славном деле наши ребята
Партизанам смогли помочь.

Командир партизан за это
Нас позднее благодарил...
Я оставлен в лагере был
По заданью парткомитета

Собирать второй батальон.
Дело, думалось, будет проще...
Но нашелся подлый доносчик,
Потому-то я заключен
В эту камеру. И похоже,
Нужен им еще... Для чего же?

Может, просто буду убит,
А не то помру от чахотки,
Но покину я Моабит,
Не дождавшись последней сводки,
Не услышав, что красный флаг
Поднят нашими на рейхстаг!

Друг... Профессор!.. Когда бы вы
Эту книжку спасти могли бы,
Довезти ее до Москвы,
Вам сказали бы там «спасибо».
Ну а я... Перед смертью мне
Все же было б легче вдвойне.

Был профессор так потрясен,
Что едва кивнул: «Понимаю...»
А Темир бормотал сквозь сон,
Полубредя, полумечтая:

– Вижу поле и степь мою,
Меж орешником и дубами–
Голубого ключа струю...
Вижу я: по Волге, по Каме
В пароходах плывут друзья,

Те, кому мое слово мило...
Смотрят на́ берег – где же я?
«Где же он?.. Иль его могила?»
Затерялись мои следы,
Истрепались мои труды.

Смотрит с неба звезда Чулпан:
«Где юнец, что меня когда-то
Воспевал, от восторга пьян?
Где певец – в шинели солдата?..
На чужой стороне он спит,
Злобной, вражьей пулей убит».

Солнце ищет поэта днем,
Ясный месяц – в глубинах ночи...
Светит лампа в доме одном,
Там жена проплакала очи,
Задремала в кровати дочь.
Камиля рыдает всю ночь:

– Где ты, милый мой, где, Темир,
Сокол мой, соловей, батыр?!
Жив иль нет?.. В какой стороне–
Может, он сейчас умирает?..

Письма вновь она разбирает...
Я писал когда-то жене:
«Не погаснет вовеки свет.
Не грусти, мой друг...
Смерти нет»

XII

Протянув старику листок,
Попросил Темир:

– Положите.–

Он писал: «Я надолго слег,
Нет пока что новых событий».

И профессор записку ту
В умывальную, под плиту,
Положил и принес другую,
В трубку скрученную тугую,
Наподобие папиросы...

– Вот ответ от Андрея вам.–
Прочитал Темир:

«Не предам.

Расстреляют после допроса.
Не боюсь. Но и ждать не буду...»

«Ждать» чего?..

И в когтях зверей

Не покончит с собой Андрей...

Ясно только: Андрею – худо.

Что слова означают эти?

Написал Темир:

«Поясни».

Нет ответа...

Проходят дни.

Ничего Андрей не ответил...

То ль куда-то перевели,

То ли стерли с лица земли.

Замолчал навсегда Андрей...
Ты в тюрьме – без старых друзей.

В урагане этой войны
Столько близких людей исчезло!
Уничтожены. Сметены...
Бессловесно канули в бездну.
Уж пора привыкнуть давно
К этой боли – глубоко скрытой...
Но в расселине Моабита,
Где былое погребено,
Вдалеке от родимых мест,
Где леса, перелески, горы,
Зеленеющие окрест,
Послужили б тебе опорой,
Трудно новый удар снести!
В узкой камере, взаперти,
Огражденный толстой стеною,
Все же знал ты: «Андрей – со мною».
За твердыней серых камней
Мыслью он с тобою – Андрей.

Друг Андрей!..
У него была
Та же мера добра и зла,
Чистой совести, правды, чести...
Убежав из лагеря вместе,
Вы карабкались по столбу.
Вызывая на бой судьбу,
Караульных сняли бесшумно...
От погони ушли вдвоем.
Вместе были и ночью и днем.

Друг Андрей!..

Горячий, разумный—
Был он ближе родного брата...
А теперь он ушел куда-то,
Одинокий канул во тьму.
И не смог ты помочь ему.

XIII

— Дорогой профессор!.. Простите,
Что почти три месяца — да?—
Вы находитесь в Моабите
С вашим званием, в ваши года...—
Пред ученым юлил майор
В кабинете своем подземном:—
Вы томитесь в замке тюремном,
И — подумайте!— до сих пор
Не предъявлено обвиненья!..

Преисполненный возмущенья,
Даже с гневом он произнес:

— Я вас вызвал не на допрос.
Отдыхайте, прошу вас... Сядьте!
Мы ошибку исправим...

Кстати,
Неприятный весьма мотив...—
Он добавил почти беспечно,
Пред собою папку раскрыв,
С начертаньем:

«Хранить вечно...»

– Где они,
этапы пути
Вашей жизни?..
Можешь идти,–
Отпустил майор конвоира.–
Мы, профессор, с вами вдвоем...
Отдыхайте... У вас там – сыро,
Мрачновато и ясным днем.
И у нас не хватает света.
Под землей, как видите, мы...
Все мы – жертвы мрака и тьмы.
Где ж, однако, ваша анкета?
Все никак ее не найду...
Вот она!..
(Читает.) В десятом году,
Кончив курс университета,
Вы вернулись к себе домой,
Драгоценный профессор мой...
Вы из Праги?.. Я – из Клайпеды.
И, поверьте, все ваши беды
Отдаются в душе моей.
Как?! В тюрьме девяносто дней–
Мой земляк... Противно природе!
Но каких-то два слова... Два...
Два – всего!..
И вы – на свободе!
«О отчизна моя, Литва!»

(Из Мицкевича строки эти
Прочитал он: «Мол, понимай!..»)

«О Литва, мой любимый край!»
Вы и я – не ее ли дети?..
На один лишь вопрос ответьте,
И вернетесь домой... Герай?¹

Он ввернул литовское слово,
На профессора глянув снова:
«Мы с тобой, мол, крови одной.
Мы с тобою – литовцы оба!»

Но профессор смотрел со злобой,
Раздраженный грубой игрой.

М а й о р

Барздаускас – так мое имя.
Я – литовец. Чуть со своими
Повстречаюсь – на все готов.
Милой родины властный зов, –
Никогда его не отрину,
О, мой Каунас!.. Мощь Гедимина!
Стая славных его волков!!!

П р о ф е с с о р

Волки – разве?.. Наглые гости
Разгрызают Каунаса кости,
Но они – из собачьих свор...

---

¹ Герай – хорошо (литовск.).

М а й о р

Мой профессор! К чему нам спор?
Я хотел бы мирной беседы.
Барздаускас я, из Клайпеды.
Вы – из Праги... Я знаю Прагу!
Прага тоже была горда...
Но признайтесь – свою отвагу
Потеряла Литва когда?!
Смирной стала и покоренной...
Где ж то время, когда Сметона,
По Литве разъезжая всей,
У крестьян покупать гусей
Заставлял чиновников?!

П р о ф е с с о р

Гуси?..
О гусях судить не берусь я.
Не гусей дают в Моабите,
А совсем иную еду!..
Обвинение где?.. Я жду.
Обвинение предъявите!

М а й о р

Вот опять затеваем спор мы!..
Вас мундир мой смущает?.. Форма?..
Форму я ношу поневоле.
Суть – важней...

П р о ф е с с о р
(с насмешкой)

Партизан вы, что ли?

М а й о р

Но-но-но... Полегче, отец!
Вы – в моих руках, не забудьте!

П р о ф е с с о р

Вот теперь-то вы наконец
Предстаете в подлинной сути!

М а й о р
(листает бумаги)

Документы, книги, анкеты...
Мировые авторитеты
Подтверждают... Да, безусловно,
Установлено: вы – виновны...

П р о ф е с с о р

Так зачем разговоры весть нам?
Для других сберегите пыл...

М а й о р

Был бы немец на этом месте—
Он бы с вами поговорил
На своем языке...

П р о ф е с с о р

Громил
И насильников?
Два наречья
Есть отныне, два языка:
Ваш, фашистский, и человеческий.
Только два...
О других пока
Даже я, лингвист, позабыл...

М а й о р
(как бы не слыша)

Обвинение подтвердилось...
Но сегодня Гиммлер явил
К вам, профессор, высшую милость.
Он решил принять во вниманье
Возраст ваш и ваши познания.
Стоит вам два слова сказать,
И домой вернетесь опять,
Если будет ответ ваш честен.
(Вкрадчиво).
Из подполья кто вам известен?
С кем из них встречались?..

П р о ф е с с о р

Увы!..
Ни с одним. И жалею очень...

М а й о р

Ваш ответ – и груб и порочен.
А скажите – зачем же вы
В книге вашей, многим чреватой,
Привели из Гуса цитату,
Разумеется, неспроста?..
В ней на фюрера клевета.
Дерзок ваш намек и нечист...
Понял все наш эксперт культурный.

П р о ф е с с о р

Клевета в цитате?..
Недурно!
Значит, Гус был антифашист?

М а й о р
(продолжает)

Есть кой-что почище цитат...
Почему Бозси трактат
Вы на книжной полке держали?
В этой книге – смертельный яд.
Клеветою Гитлера жая
(Да, того, кто мудр и велик!),
Развязал свой мерзкий язык
Гнусный выродок Бозси...

П р о ф е с с о р

Вы читали?

М а й о р

Вы хитрите и так и сяк.
Я же карты свои не прячу.
Я – прямой... Вот еще задача,
И ее разрешить – пустяк.
Да, один короткий ответ,
И Густайнис –опять на воле...
Некий пленный, поэт он, что ли...
Он – по камере – ваш сосед.
Расскажите мне о соседе,
И – свобода обретена:
Может быть, он в болезни, бредя,
Чьи-нибудь назвал имена?..

П р о ф е с с о р

Что-то с памятью стало худо.
Имена чужие?.. Куда!..
И свое-то скоро забуду...
Дистрофия!..

М а й о р

С вами – беда.
Как филолог – понятно это!–
Вы пристрастны к званью поэта...
Но – додумайте до конца!–
Можно ль этого хитреца
Счесть поэтом?
Не прелесть мая
Воспевает он, не любовь,

Не весну... Только тех, кто кровь
Проливает...

П р о ф е с с о р

Так. Понимаю.

М а й о р

Он – бандит. У него в руках
Нож, граната – другим на страх.
Он – убийца, а не поэт.

П р о ф е с с о р

Понял...

Больше вопросов нет?

М а й о р

Поразмыслите все же строго.
Я пока подкреплюсь немного.
(Кричит в дверь.)

Принесите завтрак сюда!

На столе дымится еда:
Мясо сочное, да какое!..
Ароматно пахнет жаркое
Луком, перцем...
Горит душа
У голодного... Он затрясся.
Отвернулся он...

Не спеша
Ест майор горячее мясо.
За куском глотает кусок.
Брызжет жир и горячий сок.

М а й о р

Потерял я бѣз толку час.
Говорите... Я – в ожиданье.
А иначе примусь за вас,
Как велит мне должность и званье.

П р о ф е с с о р

Принимайтесь... Я жду...

М а й о р

Старик!
Шевельните мозгами все же!
К неуспеху я не привык
И упрямство из дряхлой кожи
Выбью силою все равно!
Вам со мной тягаться смешно!
Были вы профессор когда-то.
Кто теперь вы? Засохший лист!..
Некий номер. Рецидивист...
Даже хуже... Вам нет возврата.
Кто вы?.. Нуль!..

А в лице моем
Третий рейх предстает могуче.
Сын Германии – сильный, лучший –

Перед вами.

Мы здесь вдвоем,
Так зачем вам строить героя?!
Кто об этом узнает? Двое:
Вы да я... Ну а мне плевать:
Эти стены не то видали!
Кто расскажет о вас?.. Не я ли?..
Вы?! Свободы вам не видать,
Если вы не заговорите.
Все останется в Моабите:
Низость, подлость, геройство, страх
Обратятся равну во прах.
Ясно?.. Поняли вы как будто!
Я даю вам еще минуту.

(Наступает.)

Что сосед говорил в бреду?..
Ой, дождешься ты, старый!..

П р о ф е с с о р

Жду,
Брат литовец, расправы брата!

М а й о р

И дождался... Сюда, солдаты!..
Испытаем у старца нервы.
Применяем наш номер первый.
Но легонько... Он – жидковат...

И тотчас же двое солдат,
Щеголя своей сноровкой,

Обмотали старца веревкой,
Стали за два конца тянуть,
Так что чуть не лопнула грудь
У несчастного.

Потемнело
У него в глазах, все пошло
Кругом-кругом...

И тяжело
На веревке обвисло тело.
Он пришел в сознание на миг,
Но солдаты, подняв на стуле,
Об пол с силой его швырнули,
И облился кровью старик.

XIV

Старика в крови и пыли—
Как еще в нем душа держалась?!—
Два седых солдата внесли.
Лица их выражали жалость.

Прошептал один:
— Палачи!—
А другой оборвал:
— Молчи!—
Покосился на дверь:
— Услышат!..

Старичок пока еще дышит.
Но, должно быть, помрет вот-вот...
Покалечил его проклятый...—
Удалились оба солдата.

Номер «тысяча девятьсот»
На соседа взглянул...

О боже!..

Приподнявшись, напряг он слух:
«Жив иль нет?»

Посинел, опух
Бедный старец... На жестком ложе,
Полумертвый, лежит в бессилье.

Слабость кое-как одолев,
Стал Темир на колени...

Гнев,

Злость и слезы его душили.
Гимнастерки выдрав клочок,
Кровь отер у старца со щек,
Приподнял повыше подушку
И губами коснулся лба.
О, бесправных злая судьба!
Чем поможешь?

Наполнил кружку

Тепловатой водою... В рот
Влагу он по капельке льет.

«Что для вас я сделать могу,
Мой сосед, мой старик бесценный?!
Бить снарядами по врагу?..
Я – как вы – безоружный пленный!
Все же мне понятно сполна–
Какова она вам – цена!
Мне вас просто жаль, по-людски.
И до бешеной, злой тоски
Жалко светлой мысли, крылатой,
Что под этим высоким лбом...»

Мысль живая!
В деле любом
Скольким людям служить могла ты!

Мысль! Как долго она росла!
Рост ее давался непросто,
Но по мере трудного роста
Откровения без числа
Появлялись пред нашим глазом,
Озарял вселенную разум!

Тайну неба и океанов
Человек постиг бы вот-вот...
Да неужто, в неизвестность канув,
Обескровится мысль, замрет
По причуде тупого зверя?!
Не поверю!.. Нет, не поверю!

До вершины познаний всех
Уж почти дошел человек –
Верхолаз, открыватель, странник.
Кто ж пресек его славный ход?!
На пути у мысли встает–
Моабит, Бухенвальд, Майданек!..

Все ж не кончится этим, нет!..
Воссияет над миром свет,
И лучей заблестают нити!
Но, победы справляя пир,
О живые!–вздыхнул Темир,–
Недождавшихся помяните!

Жизнь свою отдав борьбе,
Я, как мог, служил тебе.

Слушай, мой народ родной,
Прежний голос мой земной!
Для тебя он вновь поет...
Слушай, вольный мой народ!

Был я болен, слаб и хил,
Знамя все ж не уронил
И, пройдя через войну,
Честь свою сберег в плену.

Партия, страна, народ!
В испытаньях наш оплот,
Вам погибшие в бою
Завещают месть свою!

Бейте, выжгите дотла,
Истребите их дела,
Чтоб немислим был возврат!
И за тех, кто брошен в ад,
Чьих жестоких мук не счесть—
Мечь, мечь, мечь!

XV

— А меня постригли вчера...—
Вдруг профессор сказал...—
Поэт!
Не волнуйтесь. Это — не бред.
Мне в себя приходит пора.

Не пристало болеть в тюрьме.
Верьте мне, я – в здоровом уме.

Но когда в подземелье, там,
Псы меня терзать принялись,
Пол и стены взлетели ввысь
И, подобно пустым весам,
Закачались, чуть-чуть вертяться,—
Я утратил с временем связь.

И казалось мне наяву,
Будто по морю я плыву—
Вверх и вниз, по крутым волнам.
Вдруг меня прибило к камням,
Обжигающим страшно грудь.
На меня – уроды – толпой,
Принялись со злобой слепой
За язык щипцами тянуть.

Ликовало, выло зверье.
И тогда сознание мое,
Обезумевшим псам назло,
В детство, вспять меня унесло
Из ужасного далека.
Все бывшее припомнил я...

Чистота и бедность. Семья.
Был я первенцем бедняка.
Вслед за мной милосердный бог
Дал отцу еще четырех,
Не прибавив денег притом...
...Скудноват был мой отчий дом.

Помню – день в весенней красе.
На припеке – стайка ребят...
Пасха... Нынче хвалятся все–
Кто какой обновкой богат.

Говорит паренек:

– Гляди!

Шапку с бляхою впереди
Подарили на праздник мне...–
А другой:

– Рубаху не мять!..

Мне ее покупала мать
По большой-пребольшой цене!
– Мне вчера подарили мяч!
Видишь, пляшет, несется вскачь!

Звонко хвастает детвора...
Я стою, пришиблен и нем.
И, вздохнув, объявляю всем:
– А меня постригли вчера!!

Вся-то жизнь протекла с тех пор...
Знал бы этот подлец майор,
Чем я мучился там, у них!
Ох, как совестно было мне,
Что провел я жизнь в стороне
От борьбы, от страстей земных!

Люди на́ смерть за правду шли.
Я шуршал страницами книг
От прямого дела вдали
И способствовал делу зла.

Скоро кончится жизнь моя.
Если спросит меня судья:
«Где же, старый, твои дела?
Чем прославил ты жребий свой
И за что угодил в тюрьму?»—
Чем похвастаюсь я ему?..
Разве стриженной головой!
Тем, что выдержал я допрос—
С подлецом словесный турнир—
И на ближнего не донес...

Старика перебил Темир:
— Нет, профессор Густайнис — он
Вправе быть помягче к себе.
То, что он в тюрьму заключен,
Плюс и козырь в нашей борьбе.

Что профессор отнюдь не трус
И фашизма заклятый враг—
Вот второй и серьезный плюс,
Не отбросить его никак.

Если ж гибель нас суждена
В битве, что ведет человек,
Верьте мне, профессор, она—
Третьим плюсом станет навек.

XVI

А Темиру приснился сон,
Будто, к ним в Моабит приехав
Из далеких стран и времен,
Входят вместе — Толстой и Чехов.

Чехов – чуть сутул и высок.
На Темира глядит с любовью.
А Толстой, нахмутив надбровье,
Молвит, как проповедник, строг:
«Вы, мой друг, на верном пути.
Долг писателя не наруша,
Вы сумели живую душу
Через мытарства пронести».

Чехов бросил взгляд сквозь пенсне,
Пульс прослушал, как врач искусный,
Покачал головою грустно
И – чего ни видишь во сне,
И ничто не кажется странно!–
Вынул карточку из кармана,
Оторвал на масло талон:
«Вот лекарство... Оно поможет...»
И Темир взволнован, смущен,
Но во сне его мысль тревожит,
Что не вправе он дар принять,
Чехов болен и сам, видать,
Вот какой он – бледный, недужный,
Самому, верно, масло нужно...

Масло... Масло...

Все расплылось.

Покривилось, поплыло вкось,
Обесцветилось и погасло...
...Утро. Лампочки глаз потух.
Рассуждает профессор вслух:
– Сколько в соус кладется масла...

Ухищренья китайской кухни,
То, чем потчевал Древний Рим...
(«Съесть бы!.. Съесть хотя бы сырым!
Если даже яйца протухли!»)
Славословия в честь обеда
Он слагал, не щадя соседа,
Как завзятый гастроном.
Но Темир понимал смущенно:
Голодает старый ученый,
Это голод рокочет в нем.

Голод!..

        Видел Темир, как пленный
В лагерях у мусорных ям
К смерти путь ускоряет сам...
Что-то он усмотрит мгновенно,
Хватъ движеньем быстрым руки!..
И припрячет по-воровски,
И вгрызется в голову рыбы
(Пахнет падалью голова.
Как ни тошно, а все жратва,
В лагерях и на том – спасибо!),
Рвет зубами, жует, чтоб слечь
Поскорей на нары, – и в печь.

А другой раздобудет соли,
Подсолит воды котелок,
Пьет и пьет...

        А потом – отек.

И ни силы больше, ни воли.
И водою тяжелой налит,

К смерти он бредет напрямик,
Скоро в кучу общую свалят
И привяжут к ногам ярлык...

Знал Темир не хуже других,
Что такое голода муки,
Устремлялись к отбросам руки,
Но себя он держать привык
Неизменно в крепкой узде—
На войне, в лагерях — везде.

Голод!..

Черная эта сила
Скольких под корень подкосила!
Помнишь их?..

Лежат костяки
Друг за дружкой, ничком, на нарах...
Много их — молодых и старых,
Обезумевших от тоски,
Не кричат и не говорят,
Лишь храпят пересохшим ртом,
Да глаза в темноте горят...

Ты не смеешь забыть о том,
Из тюремного ада выйдя...

— На меня не будьте в обиде,
Дорогой профессор, но все ж...
Соус ваш, должно быть, хорош.
И на воле наверняка
Вас бы слушал я...

Но пока—

Договор заключим взаимный:
Кулинарные эти гимны
Прекращаем!

А почему –
Вы, конечно, и сами поймете...
Не сдадимся голодной плоти!
Подчиним аппетит уму!

XVII

Дни в тюрьме...

Как бесцветны они,
Эти долгие, тусклые дни,
Как друг с другом убийственно схожи!
Всё – одно, всё одно и то же
В распорядке унылом своем.
И медлительно день за днем
Чуть влачится, и сердце стынет
В паутине их, в липкой тине.

Двое в клетке

Слабы́, тихи́.
Все же младший пишет стихи.
Все же старший думает...

Оба
Все ж противятся миру злобы
Так, как свойственно им двоим:
Стойким духом, умом живым.

Двое в клетке.

Слабей их нет.
Беззащитны и безоружны.

Обескровлены и недужны.
Но один – молодой поэт,
А другой – аналитик старый.
И жестокой судьбы удары
Силой мысли отражены.

Двое в клетке – они страшны
Тем, кто мысль ненавидит люто.
Их убить – так просто как будто,
Так нетрудно – стереть во прах,
Но, не зная смертного страха,
Словно феникс, взлетит из праха
Мысль на мощных своих крылах.

Мысль!..

Особо она грозна,
Если страстью порождена!
Гром орудия, скрежет танка–
Все ничто перед сердцем Данко!

...День за днем идет чередой,
Усыпляя узников намертво.
Но однажды под вечер в камеру
Надзиратель вошел седой.
На глазок покосившись, он
Молвил тихо:

– Андрей казнен.

Труп его висит на ограде.
Барздаускаса пнул в живот...

И, все так же на двери глядя,
Хлеба два ломтя достает,

И на каждом лежит пластина
Желтоватого маргарина.
К ним на койки кладет он это,
Рядом – свежий номер газеты...

...Умер самый любимый, близкий!..
И вдвойне страшней Моабит.
Нет Андрея. Казнен. Убит.
Как писал он в своей записке?
«Ждать не буду...»

С судьбою споря,
Пнул ногой того подлеца
И теперь висит на заборе...
Я ж терплю... Я жду до конца.

И Темир головой поник.
Понял все профессор, вздыхая.
«Утешенья?.. Что проку в них?»
Безутешна тоска глухая.
Взял газету он, между строк
Тщится вычитать – что творится...
Из газеты скользнул листок–
Так, не более полстраницы...

Развернул Густайнис его,
Пробежал
и в одно мгновенье
Ухватил умом существо
Текста...
«Курское направленье».

Так... Полтава уже вольна.
Путь на Киев... Уходят тучи.
Изменяются времена...
Что такое?! Повешен дуче?..
Муссолини?.. Один подход!
Может, скоро – второй?.. Дай бог!
Значит, не за горами – мир...

Развернул листовку Темир,
И глаза его заблестели...
«Муссолини мертв... Неужели?
Это, правда, благая весть!
В честь нее можно пайку съесть!»

Завершили праздник еды,
Подобрав все до крошки – чисто.

– А скажите, в свои ряды
Согласились бы коммунисты
Взять такого, скажем, как я?
Говорите все, не тая,
И, прошу вас, Темир, без лестии...
– Вам, прошедшему Моабит,
Испытанье сдавшему с честью,
В нашу партию путь открыт.

XVIII

Вновь Темир достает тетрадь.
Стерженьком, засунутым в ложку,
Водит медленно, понемножку.
Отдохнет... И начнет опять...

– Песня?..
– Да, что-то в этом роде.
– Почитайте хоть в переводе,
Попытайтесь, Темир... Идет?..
– Попытаюсь. Хоть перевод,
Да к тому же еще подстрочный,–
Что пейзаж бескрасочный. Точно
Сердце, где погашен огонь,
Иль мелодия на бумаге...
И бескрылы слова, и наги,
Рассыпаются – только тронь.
Что стихи без музыки слов?..
Все ж попробовать я готов.

Любимой

Одоленье тяжких мук,
Новой песни первый звук
Ты мне плешь издалека,
Как мечта моя – легка.

Чую – ты живешь вдали,
И душою вновь ловлю
Счастье внешнее земли...
Вновь живу – ведь я люблю!..

Снова радость бытия
Обдает меня, звеня.
Ты жива, ты ждешь меня,
И – как будто вечен я.

Места переменятся

В холод каменной норы
Заточили нас глупцы,
И глумятся подлецы,
Торжествуя до поры.

Поглотить не в силах тьма
Светоч солнца и луны.
Не убить тебе, тюрьма,
Сыновей своей страны!

Слабые тела людей
Можно камнем придушить,
Но могучий свет идей
Кто способен придушить?!

Нас поймали, заточив,
Нас боятся неспроста.
Ведь понятно всем, кто жив:
Переменятся места!

День Победы

Вижу: колышется алое пламя—
В синь подымается красное знамя.

Красное – в небе, в траве, на воде...
Плещут знамена, знамена – везде.
Выстрелы смолкли. Закончились беды.
Люди справляют Праздник Победы.

Рдеют знамена.

    Пылают знамена.

Нынче восторгом полны миллионы.
Ширится песни победной мотив.
В площадь сливаются толпы густые,
Радостью щедро весь мир одарив,
Праздник Победы справляет Россия.

Жизнь возрождается с нынешним днем.
Правда высокая зло победила.
Каждый сияет, как будто на нем
В складках одежды сокрыто светило.

Вдруг, покачнувшись, поникли знамена,
Кто-то завесу тумана простер
Над головами... Из микрофона
Вечности

    слышен прерывистый хор:

– Кто мы?.. У сердца занывшего спрашивай:
Муж твой, отец, убиенный жених...
Вспомните радости праздника вашего.
Вспомните мертвых на пире живых!

Разве навстречу грохочущим бурям
Мы не бросались, не гибли в бою,
В громе сражений и в холоде тюрем
Родину не прославляли свою?!

Милые!.. Долее вас не тревожа,
Мы замолчим. Погрузимся в покой!..
Радуйтесь!.. Мы веселились бы тоже:
Шумные праздники любит живой.

Пойте!.. Пляшите!.. Но ходу событий
Вы подчиняться, друзья, не должны.
Радуйтесь, люди!..

Но мир берегите
От беспощадного шквала войны.

Смолкли... И снова над ширью окрестной
Солнце плывет, не жалея тепла.
И при ликующих звуках оркестра
Празднуют люди: Победа пришла!

XIX

Дверь открылась, вошли солдаты
И, подняв Темира, вдвоем
Потащили его куда-то...
Ноги он волочил с трудом.

В мыслях тотчас же пронеслось:
«К Бараздаускасу, на допрос...»

Он спускался, на все готовый:
«Ты меня узнаешь, майор!»
Нет, ведут куда-то во двор.
Путь еще не виданный, новый.

Осень. Тучи. Ветер сердитый
Гонит листья...

Мокрые плиты
Обжигают подошвы ног.
Узник – бос.

Он – насквозь продрог.

Почему-то в памяти всплыло:
Как там?..

«Лес... Багряный убор...»

Это в жизни минувшей было,
В той, забытой с давнишних пор.

Может быть, от крутых ступеней,
Из-за стужи, может, осенней
Все поплыло.

Близость конца

Пронизала внезапно разум.
Но его конвоиры – разом –
Подхватили, как мертвеца.

Вовсе не в кабинет подземный, –
Вдоль ограды, минуя вход,
Повлекли через двор тюремный.
Барздаускас там их ждет,
Подает конвоирам знак:

– Встать!.. –

Темир лежит на земле.

Неподвижен он в серой мгле.

– Встать!.. А ну, поднимись,

мертвяк! –

Подтолкнули Темира сзади. –
Посмотри, – кто там, на ограде!
Понял, жалкий, как мы сильны!
Выше голову!.. Посмотри же! –
И Темир подползает ближе,

Поднял голову...

Холодны

Две босые ноги над ним.
Труп в петле висит недвижим.
Налетает ветер студеный
И заводит марш похоронный
Над Андреем, другом твоим,
Вот он – холоден, черен, бос–
Твой Андрей, прошедший допрос...

Встал Темир.

Подался назад.

Прикоснулся к ногам губами
С тем же чувством, с каким солдат
Боевое целует знамя.
– Друг, прощай!..

Был ты честен, лих...

Что святей останков твоих?!

И Темир закричал в ночь,
Так что крик дошел до майора:
– Торжествуете, палачи?!
Но и вы повиснете скоро.
Всех вас тоже веревка ждет!

И майора прошиб пот.
Перед ним представ, зазияла
Яма черная.

Глубь земли...

Конвоирам кивнул он вяло,
Чтобы «номер» назад вели...

* * *

Треснув, будто бы от проклятья,
Краска серая над кроватью,
Словно стружка иль кожа,
Со стены свисает уныло...
До чего это все постыло!..
Не уснуть ему до утра!
А задремлет – в то же мгновенье
За виденьем встает виденье...

Он уже не в тесной норе,
Он опять стоит во дворе.
Ветер вокруг свистит, свирепея,
И раскачивает Андрея,
А веревка напряжена,
Как натянутая струна
У незримой виолончели...
Звуки в воздухе загудели.
Ведь Андрей – не один...

Вокруг

Столько скрюченных, синих рук,
Столько стылых, поникших лбов,
Столько виселичных столбов,
Наводящих тоску и страх,
И земля, как будто в лесах,
В этих дьявольских крестовинах...
На веревках – сотни невинных.

Ветер гонит тучи-буруны,
Все веревки гудят, как струны,

И выводит ветер на них
Скорбный реквием для живых.

Чуть задремлешь – все тот же бред...

– Спите, друг-профессор, иль нет?
Поболтать хотите со мной?..
Вот фантазия разыгралась–
Что б с Землею-старушкой случилось,
Захвати они шар земной?..

...Отменили меридианы,
Параллелей не будет впредь...
Лишь колючки черная сеть
Одевает броней страны.
Гитлер, волею злобных сил,
Мир в единый рейх превратил.

Утром, с первым лучом Авроры,
Блеск прикладов и дружный хай.
Надзиратели, прокуроры
Воют хором:

«Хайль, Гитлер! Хайль!»

И доносчик, начальству вторя,
Не последний в согласном хоре.

Гитлер – бог.

Десницей своей

Правит он, даря и карая.
Есть счастливы в фашистском рае–
Богачи, их – сорок семей.

А рабы, пыхтя и пыля,
Навсегда позабыв про отдых,
Поливают потом поля,
Задыхаются на заводах.
Подгоняет их вертухай.
– Гитлер, хайль!.. О Адольфе, хайль!

Бог-Адольф открывает глаз,
Из-под челки косится взглядом.
Гиммлер – первый пророк – тотчас
Перед ним предстает с докладом.

– Все – прекрасно... Гип-гип ура!
Миллиардика полтора
Днем и ночью трудятся сладко.
Триста пять миллионов больны,
Тридцать – в карцер помещены,
Все во славу правопорядка...

Мир от счастья совсем оглох,
Прославляючи вас, наш бог!

Что в ответ речет божество?
Трепеща в изножье его,
Ждет поэт с историком в паре,
Чтоб немедленно записать
Откровения благодать,
Добавляя свой комментарий.

Если что напишут не так,
Их поправят, с добавкой врак,
Цензора – вчерашние стражи,

Дурачье среди дурачья,
Чья душонка и совесть чья,
Как известно, чернее сажи.

Но пока среди гор и долин
Есть крамольник хотя б один
(Ох, живуче чертово племя!),
Все же в чьей-нибудь голове
Может мысль – а не то и две!–
Зародиться в любое время.

Пусть она пока что нема,
Все ж опасна она весьма.

И очкарики, что-то числя,
В кабинетах своих корпят,
Конструируя аппарат–
Уловитель сокрытой мысли.

Но пока не закончен он
(Счет проектов горой разросся!),
Все работает микрофон,
По старинке строчат доносы.

И по-старому, без затей,
Дяди в формах учат детей
Слушать, чем обмолвился папа.
«В чистоте ребячьей души
Что услышишь,– все запиши
И тащи, малютка, в гестапо!
Не беда, если чуть приврешь.
Миром правят подлог и ложь!»

Вызывал этот страж доверье.
Да и думать – недолгий срок.

Заготовленную бумагу
Дал профессор:

– Прошу вас... В Прагу.–

И Темир протянул листки:
– Передайте иль сохраните,
Хоть в каком-нибудь из укрытий,
Песни горькой моей тоски
И надежды...

Надежды тоже.

Я хочу, чтоб из-под земли
Мои песни к друзьям дошли,
Пусть услышат мой голос,
схожий

С прежним...

Голос – еще живой...–

И солдат, кивнув головой,
Тихо вышел...

«Место другое?..»

Что за место?

Верно, такое,
Где конец страданиям земным.
Не отдаст Моабит живым
Никого...

Не свершится чудо!

Перешлют их туда, откуда
Возвращения больше нет,–
Не на этот,

на тот свет.

Расставаться с землею больно!
К жизни узник воззвал невольно:
– Жизнь моя!

Простимся с тобою.

Переменчива ты была,
То сулила подвиг героя,
На лихие звала дела,
То, как будто родная мать,
Принималась меня ласкать,
По головке гладила нежно,
Но тотчас же вслед, неизбежно,
Надо мной занесся клинок,
Поражала, валила с ног...
И повергла...

Не в силах встать я.

Чашу смертную ныне пью.
Благодарность прими мою!
И прими от меня проклятье!

Но Темир себя оборвал:
– Замолчи, стыдись, недотрога!
Иль не сам ты избрал дорогу,
Где теперь сражен наповал?!
Да не ты ли,

спокойный, сытый,

Клялся в строках звонких стихов,
Что отдать свою жизнь готов?!
Сгинуть в камере Моабита–
Все равно что в сраженье пасть...
Ты не смеешь просить пощады!
Подтвердить свое слово надо,
Если даже сомкнется пасть

И тебя поглотит...

Да разве

Ты считал, что жизнь – это праздник?!

Нет, ты знал и в ясные дни,

Что заплатишь за все по счету,

Самого себя не черни!

Ты не сладость любил – работу!

Да когда бы сейчас,

когда бы

Ты – больной, изможденный, слабый–

Оказался на воле вдруг,

Разве ты искал бы уловку,

Чтоб на отдых уйти?!

Винтовку

Ты не выпустил бы из рук

И сюда, к стенам Моабита,

Как боец, как мститель пришел...

Жизнь!

Спасибо мое прими ты!

Не цепляясь за твой подол,

Жил как мог.

Не страшился боли...

Людам честно служил мой стих.

И себе не искал я воли

Без свободы друзей моих!

Пусть замучен я злой напастью,

Все же сердце полно огня,

И народа нашего счастье

Будет счастьем и для меня,

Если даже стану золою

И смешаюсь с сырой землейю.

Жизнь! Меня ты взвила на дыбу,
Но за эту гибель – спасибо!

Пусть негромко песенка спета,
Жизнь, спасибо!

Пускай меня

Обошла ты славой поэта,
Ухожу, тебя не кляня.
Жарким сердцем – не перестарок,
Возглашаю:

тебе хвала!

Ты дала мне лучший подарок,
Смерть поэта-бойца дала!

Смерти людям не миновать...
Все слова окупил я кровью!..
Положи ко мне в изголовье
Автомат и стихов тетрадь.
Может быть, на родине милой,
Где тепла родная земля,
Этот памятник над могилой,
Возведет моя Камиля,
Хоть мои злосчастные кости
На ином истлеют погосте...

– Завершаем жизненный круг!
Вот она – последняя тайность...
Дайте руку, поэт, мой друг!–
Прошептал Темиру Густайнис.
И Темир подтвердил:

– Конец!

Расстаемся, мой друг, отец,
Погрузимся в темную ночь...

И, прикрыв глаза ненадолго,
Он увидел Россию, Волгу,
И свою Камиллю, и дочь.
Вот они плывут по реке.
Машут ветками вслед березы...
Удаляются...

По щеке
Тяжело покатались слезы.

XXI

Барздаускас – палач, майор,
Мастер многих заплечных дел –
Нос по ветру держать умел,
Остальное, считал он, вздор...

Запах крови давно знаком:
Был отец его мясником,
Но впоследствии стал богат:
Преогромнейший комбинат –
Да, наверно, и не один! –
Унаследовать мог бы сын.

Но Советской стала Литва,
Уничтожив его права.
Из Литвы он не удирал,
Незаметен, беззвучно тих,
Растворился среди других
И по зернышку собирал
Драгоценнейший матерьял.

Барздаускас пока примолк,
Но зато, как бешеный волк,
Стал кидаться на тех, кто был
На допрос к нему приведен,
Проявляя рвенье и пыл,
Лучше многих он вел допрос...

Вдруг дыханье новых времен
Уловил его чуткий нос.
Истекал сорок третий год.
Над Берлином – огонь и дым.
«Как бы мне ускользнуть живым?–
Думал он.– Помоги мне бог!
При Советах меня он спас!..»

Кальтенбруннеровский приказ
Прочитал он...

«Еще не сдох
Тот профессор?.. Крепкий старик!»
И его с Темиром, двоих,
Прежде всех он решил «списать»,
Но затем помыслил опять:
Может, он допросит слегка
Молодого и старика,
Прежде чем их пустить в расход?
Может, пользу он извлечет
И у них разузнает вдруг,
Что начальство прячет, таясь
И от самых преданных слуг?
Ведь у русских друг с другом связь,
И листовки их, говорят,
Проникают и в каземат.

Номер «тысяча девятьсот»,
Как давно уже доносили,
С койки более не встает,
Неподвижно лежит в бессилье.
Полумертв и его сосед...
Что ж, иного выхода нет:
О последних в мире событиях
Надо в камере допросить их.

«Ну и что ж, допрошу, конечно!»
Взявши папку «Хранить вечно»,
Прихватив двух солдат – надзор, –
К заключенным входит майор,
Входит бодро и видит сразу:
Умирают они – вдвоем...
Но четыре яростных глаза
Пронизали, ожгли огнем
Так, что трудно вперед шагнуть,
Как ножом, ударили в грудь.

Что ж, и это уже знакомо...
Говорит он,
    будто дивясь:
– Как?! Профессор еще не дома? –
И к Темиру идет тотчас,
Засияв улыбкой: –
    Здоровье
Нужно смолоду нам беречь...
Чем больны вы? –
    У изголовья
Встал и живо продолжил речь: –
Ну конечно, холод... Простуда.

Одеваться теплей не худо.
Я и сам прихворнул на днях.
Видно, грипп... На дворе – не лето!..–
Он болтал, не слыша ответа...
В их глазах не приметен страх.–
Как вы там, профессор?..

Увы!

Не встаете совсем с постели?
Не поднимете головы?..
Боже мой, как вы ослабели!
Это сплин...

Но средство от сплина

Знает мудрая медицина...–
И майор привскочил, крича:–
Позовите сюда врача!

Снова в камере тишина...
Вдруг негромко сказал ученый:
– Я готов назвать имена
Всех подпольщиков...–

Изумленно

На него мучитель взглянул
(«Расколосся старик... Поди же!»).
– Подойдите, майор, поближе.
В голове – непрерывный гул...
Наклонитесь... Мне труден крик...
Ниже... Ниже...–

шептал старик.

Наклонился майор к лицу,
К маске этой с высохшей кожей,
И плевков, на удар похожий,

Залепил глаза подлецу.

– Получай!–

Глаза протерев,
Барздаускас излил свой гнев:
Точно зверь, вскочив на больного,
Бил, топтал и бил его снова.
Надзиратель сквозь круглый глаз
Видел все, запомнив навеки
Этот бешеный, дикий пляс,
Пляску черта на человеке.
Черт как будто сошел с ума,
Истяжая старое тело.
И похоже, земля сама
Этой мерзости не стерпела,
В недрах словно проснулся ад.
Грохот, визг слились воедино...
Снова бомбы с неба летят,
Сотрясая зданья Берлина.
Звон стекла, содроганья, скрип.
Ходуном заходили стены...

Спрыгнул с койки майор мгновенно.
Распластался. К полу прилип,
Про себя молитву шепча:
«Да минует нас попаданье!..»

Дверь открылась.

Приход врача
Все ж привел майора в сознание.

Как положено, встав по стойке,
Приказаний ждет эскулап.

– Помогите тому, на койке...–

Приказал майор:–

Он ослаб.–

В руку старую ткнув иголку,

Врач промолвил:

– Теперь надолго

Успокоится он... Заснет.

Все снимает лекарство это...–

...Стихло... Кончен, видать, налет.

И майор, взглянув на поэта,

Усмехнулся:

– Цел Моабит

Вместе с теми, кто в Моабите.

Здание это враг не бомбит.

Вы – в надежнейшем из укрытий.

Тут спокойнее, чем в щели...

Т е м и р

Так чего ж вы наземь легли?

М а й о р

Фронтная привычка...

Мы

Сберегаем вас от фугаски

В этих стенах...

Т е м и р

В стенах тюрьмы?

За вниманье ваше и ласки

Мы покорно благодарим.
Впрочем, долг платежом красен.
Передайте вашим тотчас,
Что меняться местом согласен
С вашей кликой любой из нас.
Если эту бражку сполна,
С горлодером-фюрером вместе,
Тут запрут, в этом самом месте,
То Германия спасена.

М а й о р

Если ж нет... Что тогда?

Т е м и р

Тогда-то
Грянет час жестокой расплаты.
И, когда этот час придет,
Пострадает весь ваш народ
Из-за гнусной шайки кровавой.

М а й о р

До чего вы речисты, право!
Видно, впрямь, вы – поэт большой,
Ум у вас, несомненно, светел.
Верьте, всею своей душой
Я ценю таланты...

Т е м и р

Заметил.

М а й о р
(как бы не слыша иронии)

Образ жизни нашей страны
Вы узнать еще не успели.
Вы его оценить должны.
Вам понравится...

Т е м и р

В самом деле?
Оценил я вашу страну,
С вами встретившись...

М а й о р
(как бы добродушно)

Ну и ну!..
Мой поэт, вам понять пора:
Я желаю вам лишь добра.
Ну, отпустим вас, предположим...
Что получите вы взамен?
Ведь небось вы слышали тоже,
Что у вас – не в почете плен.
Ох, не сладко вам будет дома!

Т е м и р

А у вас зато по-другому?
В вашем рейхе мы все цветом!
Вы нам отдали лучший дом –
Замок слез, чье имя – «тюрьма»!

М а й о р

Есть у нас другие дома,
Танцы там и веселый смех,
Дамы, сотни других утех...
Есть у нас дома...

Т е м и р

Под землей?

М а й о р

*(с тем же деланным
добродушием)*

До чего он все-таки злой!..
Да, пока под землей... Пока!..
Но – неделя, месяц один,
Повернут на Москву войска...

Т е м и р

Очевидно, через Берлин?

М а й о р

Что ж, у фюрера – тонкий план.
На войне возможен обход,
И его не всякий поймет.
В деле тактики вы – профан,
Не стратег вы, милый поэт...
Не понять вам дальний прицел...

Т е м и р

Все ж я что-то понять успел...
Да, в течение многих лет,
Может, с Бисмарка начиная,
Вы рвались на восток, я знаю,
И все время терпели крах.
Мольтке, Шлифен и младший Мольтке,
Все о том и мечтали только,
Чтобы Русь была в их руках...
Не выходит!.. Посмотрим дале...

Гитлер лапу к Москве простер.
Что Германию ждет?.. Разор!
Не Версаль – почище Версаля!
Не бывать Москве покоренной!
Разве в памяти не живет
Горький опыт Наполеона?
Тень его – у ее ворот!
Где попал Бонапарт впросак,
Не пройти Адольфу никак.
Людендорфы, Гудерианы,
Кейтли... – даже подумать странно! –
Не прорвутся к нашей Москве.
Сталинград?

Проиграно дело!

Вы лишились армии целой
С вашим Паулюсом во главе!
В плен пошла германская рать...

М а й о р.

Баста!

Хватит митинговать!
Мне риторика надоела.
Обратимся к нашему делу.
Кто – сообщники ваши?
Жду!
И учтите, что, их не выдав,
Только множите вы беду...
Назовите главных бандитов.

Т е м и р

Называю: один бандит
Вот сейчас предо мной стоит.

М а й о р

Что?! Молчать!

Т е м и р
(продолжает)

Но его повесят,
Может статья, и через месяц.
В лучшем случае – через год...
Если крепкий удар в живот
Вы сочли только слабым гриппом, –
Скоро жизнь проклянете с хрипом.
В тесном галстуке из пеньки,
Содрогаясь, повиснет тело...

Шея густо побагровела,
И запрыгал мускул щеки
У майора.

Он по бедру
Начал шарить...

И кобуру
Все ж нащупал и крикнул:
– Стой!

Но была кобура пустой.
Он при входе сдал парабеллум.
– Помогите!–
врачу велел он.

Врач движением палача
Потянулся рукою к шприцу,
Но помедлил, что-то шепча,
И, смутясь, показал на птицу.
Трепыхалась, билась она
У решетки частой окна.

Голубок, от страха чуть жив
(Напугала птицу бомбежка),
Пробивался, крылья сложив,
Между прутьями понемножку.
И пробился.

И воспарил,
Все наполнив шелестом крыл,
Закружился под потолком.

И как будто бы столбняком
Пораженный,
майор застыл,

Словно сроду не видел птиц.
Врач-палач уронил свой шприц,
А солдаты шептались:

– Это –

Знак беды. Дурная примета.

– Ну, вояки!–

вскричал Темир.–

Труссы, втиснутые в мундир!

Вам ли, вам

побеждать Советы!..–

И Темир засмеялся.

Где-то

Далеко отозвался смех.

И расширился мир.

И всех

Отодвинул.

...В родные дали

Отплывает Темир с женой.

А враги у них за спиной

Остаются, мельчают...

Стали

Мельче самых малых букашек...

...Гулкий смех перешел в кашель.

Смертный холод коснулся век.

Серый сверток у изголовья

Обагрился горячей кровью,

И Темир замолчал навек,

Распрямясь, застыл без движенья–

Как боец на поле сраженья.

Эпилог

Закончена война.

Сорок шестой.

Берлин – разрушенный, полупустой,

Берлин, еще не залечивший раны...

Франц Шмидт,

Берлина житель постоянный,

Склонившись низко над столом, сидит.

Правдивые он пишет показания.

Он вспоминает голод, истязанья,

Все то, чем был ужасен Моабит,

И тяжело старику.

А за окном–

Родной Берлин...

Он жутко незнаком–

Безглазый, он не светится в ночи...

Он и сейчас, при свете солнца,– внове:

Багровые зияют кирпичи

На стенах зданий, точно сгустки крови.

Повсюду – разрушенья, глушь и тьма.

Вперили в небо тусклые глазницы

Уродцы – искривленные дома,

Мучительно пытаюсь распрямиться.

Хоть люди есть, но все же город пуст,

Огромная и страшная могила.

Как будто бы проклятье сотен уст–

Не бомбы!– этот город поразило.

Качает ветер ноги мертвецов.
Шуршат лохмотья. И скрипят скелеты:
«Ты видел это? Не забудь про это!»

Не ты ли в страшный день стоял у двери
И через прорезь узкую глазка
Увидел все?! Ты видел пляску зверя
На полумертвом теле старика.
А шприц врача?

Вернее, чем секирой,
Разил иглою эскулап-палач!

Проклятья слышал ты, и хрип, и плач
Замученных...

Ты слышал смех Темира.
Не ты ли в книжку записал число
Последнего злодейского приказа,
Когда в тюрьме пять тысяч полегло,
Пять тысяч жизней оборвалось сразу?

Обуглено в печи пять тысяч тел.
Пять тысяч...

Кальтенбруннер так велел.
Пять тысяч неповинных – наповал.
Все это – правда. Это – было, было...
В чернильнице кончаются чернила,
Исходит сердце кровью.
«Я сказал...»

Но все ж, пера пока не положив,
Добавлю
(времени осталось мало!):

Услышал я, что Барздаускас жив
И делает протезы из металла,
Добытого, должно быть, в Моабите
Из мертвых ртов...

И, как бывало встарь,
Он держит нос по ветру...

Разыщите!
Казните, уничтожьте злую тварь!

Заканчиваю, подходя к итогу...
Друзья! Поверьте сердцу старика:
Они ушли. Но все ж вернуться могут,
Свое обличье изменив слегка,
Под новой кличкой...

Слушать их не смейте!
Коварство, камуфляж – у них в крови.
Но смерть, – ее хоть солнцем назови! –
Она останется все тем же – смертью.

Вы – дети, внуки сгинувших отцов!
Не обольщайтесь лживыми словами,
Не забывайте ваших мертвецов,
Они сейчас проходят перед вами.

Вглядитесь зорко в лица восковые!
Вчитайтесь в глубь их горящих глаз.
Они зывают:

– Помните, живые!..
Потомки!.. Люди!..
– Помните о нас!

Богатырь Эдек

Поэма-сказка

Это случилось в далёкие,
стародавние времена,
Когда на земле зелёной
не отцветала весна,
Когда в родниках прохладных
журчала живая вода
И всюду в степях гуляли
бесчисленные стада...

Благословенная, щедрая,
чистая Волга-река!
В то время
калмыков племя
пришло на твои берега.
В то время в нашем народе
родился один человек —
Был он герой и волшебник,
звали его Эдек.
Был он и мудр, и находчив,
был и силён, и хитёр,
Служ у героя был чуток,
глаз у него был остёр.
На счастье,
на верность народу
был наш Эдек рождён.

Взгляд его лучезарный
был благодатным дождём.
Золотокрылая слава,
звонкая слава о нём
Летела по белому свету,
летела волшебным конём...

Радовались у большой реки
друзья, слыша о нём,
И трепетали злые враги
не зря, слыша о нём.
Весть о нашем герое
до дальней страны дошла,
До земли до которой больше
двенадцати лет пути.
Обыкновенным людям
была та страна страшна –
Была мангасами¹ злобными
населена страна,
Людей с земли благодатной
хотели они смести.

Глава угрюмых мангасов
могучий хан Алангсир,
Великан ни с кем не сравнимый –
такого не видел мир! –
Издад, о герое услышав,
свирепый вой
И вызвать решил Эдека
на смертный бой.

---

¹ *Мангас* – человекоподобное чудовище, великан из калмыцких сказок.

Убить захотел Эдека
этот злодей,
Чтоб завладеть странною
мирных людей,
Чтобы коней забрать –
быстроногих коней степных –
Бесчисленные, бесподобные
чистокровные табуны.
Отары жирных овец,
которым и счёту нет,
Сожрать захотело чудовище,
сожрать за один присест,
Захотел Алангсир, чтоб калмыки
забыли счастье и свет, –
Прогнать захотел калмыков
с их благодатных мест.
И вот стальные доспехи
надел на себя амбал,
Тяжёлым железным поясом
брюхо своё затянул
И в дальний путь уверенно
и поспешно он поскакал
И громоподобную песню
победно он затянул.

Навострили уши свои
наши чуткие жеребцы,
Потом завыли собаки,
зловещую песнь услышав,
И тревожная весть полетела,
полетела во все концы
И дошла до каждой кибитки,
до каждого пастуха...

В своё волшебное зеркало
начал смотреть Эдек,
От думы необычайной
начал стареть Эдек:
Увидел он, как чудовище
с гору величиной,
С песнею громоподобной
скакало к ним напрямик,
И лес, на пути стоявший
могучей плотной стеной,
Будто ковыль, от песни
к самой земле приник.

И погрузился в долгую думу
мудрый батыр Эдек,
Семью семь – сорок девять дней
в кибитке своей сидел,
Семью семь – сорок девять дней
на чудовище он глядел
И вот придумал такое –
другим не придумать вовек!

А народ разложил костры
у белой кибитки его:
Пастухи варили баранов –
для богатырей махан¹,
Храбрым воинам смотр
устроили боевой.

---

¹ *Махан* – варёная баранина, калмыцкое блюдо.

Собрал полководцев в шатёр
седовласый хан.
Были сильны полководцы,
крепки в плечах.
Были смелы полководцы
в лихих речах.
Мечами они бряцали:
– Врага победим легко! –
Были они храбрецами,
зная, что враг далеко.

Вышел Эдек, наконец,
из кибитки своей,
Мудростью и весельем
сияли его глаза,
И сразу вздох облегченья
вырвался у людей.
– Разум сильнее силы! –
Так им Эдек сказал.
Потом потребовал,
чтобы ему привезли
Стволы могучих дубов
из дальней земли.
– «Кроме дубов
котёл отыщите мне –
Самый большой котёл
в нашей стране!
Кипящей сталью
да будет полон котёл!»
Был мудр Эдек солнцеликий
и был он очень хитёр.

Дубы и котёл огромный
оставить он попросил
На той, на большой дороге,
куда придёт Алангсир.

Взял Эдек с собою
тяжёлый топор,
Который едва поднимали
семьдесят человек.
Был, как булат дамасский,
этот топор остёр.
Бережно белым войлоком
острый топор обтёр
И пошёл навстречу чудовищу
мудрый батыр Эдек.

Вот большая дорога,
а вот и дубы лежат,
В огромном котле
кипит и клокочет сталь.
Дубы обтесал богатырь
медленно, не спеша,
И умело соединять
концы воедино стал.

В это время
его окатило вдруг
Набежавшей с ближнего моря
шумной волной,
Вспышками молний
его осветило вдруг,

И ветер завыл-задул,
отчаянный и шальной!
Да, эту бурю поднял
дыханием Алангсир,
Великан бесподобной силы,
готовый разрушить мир.

И вот, закрывая полнеба,
над Эдеком стоит великан.
– Здравствуй, маленький мальчик, –
ему говорит великан.
– Здравствуй, батыр знаменитый, –
Эдек ему отвечал.
– Скажи мне, маленький мальчик,
Эдека ты не встречал?
– Кто ж не встречал Эдека? –
ответил ему Эдек, –
Он ведь во всей вселенной
самый большой человек!
– А что ты делаешь, мальчик? –
спросил, присмирив, гигант.
– Луку для седла Эдека,
ведь я – Эдека слуга. –
Алангсир соскочил поспешно
с богатырского чудо-коня
И сравнил луку исполинскую
с лукой седла своего.
Прорычал Алангсир: – Наверное,
Эдек покрупнее меня –
На два локтя побольше
лука для седла у него...

Каков же Эдек, скажи мне,
        правду, мальчик, открой! –
И ответил Эдек пришельцу:
        – Он схож с большою горой.
В поясице он вам подобен,
        но много шире в плечах,
Во всей вселенной не сыщешь
        такого, как он, силача!
Победить его невозможно –
        души при Эдеке нет,
Душа его – это солнечный,
        неугасимый свет!
Он пьёт по утрам вместо чая
        кипящую сталь из котла
И, пот с лица утирая,
        начинает дневные дела. –

Говорил Алангсир, удивленный:
        – Очень хочется пить!
Вот бы котёл Эдека
        медленно пропустить!
Очень хочу попробовать
        его богатырский чай.
– Ну, что ж, – Эдек отвечает, –
        ложись и рот открывай.
Гигант на землю улёгся –
        ущельем зияет рот,
А зубы торчат, как скалы.
        Котёл наш Эдек берёт...
Котёл опрокинул разом
        в огромную пасть его! –

Гигант не моргнул и глазом,
лишь вытер усы рукавом,
Вслед за расплавленной сталью
заодно и котёл проглотил,
Медленно на ноги встал он
и, довольный, проговорил:
– Приятный чай у Эдека,
вкусный, горячий чай.
А что делает после чая
ваш богатырь? Отвечай!
– После чая он хочет скорее
охладиться в море слегка
И входит в воду по шею,
до последнего позвонка;
Воду в лёд превращает
в девять локтей толщиной!
Охладившись, Эдек разрушает
этот покров ледяной.
Лёд он крошит плечами
и могучей своей спиной,
И всюду топорщатся льдины
белой зубчатой стеной.
Отдуваясь, и громко фыркая,
море разволновал,
Выходит Эдек на берег,
безжалостен и кровав!
Таков наш батыр могучий, –
закончил Эдек хитро,
А сам тревожно подумал:
«Что у него за нутро?
Не взять расплавленной сталью!
Попробую в лёд заковать,

А уж тогда посмотрим,
крепка ль у него голова».

– Мальчик, я тоже хотел бы
охладиться, как ваш батыр.

Сумеешь ли ты заморозить? –
тихо спросил Алангсир.

– Сумею, – Эдек ответил.
В воду гигант вошёл.

– Приятно, – сказал, – приятно,
очень мне хорошо.

А ну, охлаждай скорее! –
Эдек, не жалея сил,

Воду так заморозил,
что ахнул хан Алангсир.

Но вот он вдохнул всей грудью,
пошевелил плечом,

И лёд затрещал и посыпался,
разрушенный силачом.

Тогда он чуть-чуть сильнее
плечами пошевелил

И спокойно вышел на берег
невиданный исполин.

– Хорош у Эдека обычай,
приятно я охлаждён,

Чувствую, стал сильнее.
Эдека теперь подождём.

– Но вы не так охлаждались,
как делает это Эдек, –

Сказал ему, улыбаясь,
ясный, как лето, Эдек.

– А как же он охлаждается? –
тихо его спросил
Дрожащий и посиневший
могучий хан Алангсир.
– Лишь пальцами ног касается
дна морского Эдек,
А вы всей ступней стояли, –
сказал сурово Эдек.
– Ну, что ж, попробуем снова. –
Он в море вошёл опять
И замер на кончиках пальцев.
– Давай, начинай охлаждать! –
Собрав всю волшебную силу,
Эдек с великим трудом
Сковал огромное море
толстым и крепким льдом.
Двенадцать локтей толщиной!
Крепость из белого льда!
Гигант шевелил плечами –
но ни туда, ни сюда.
Опоры нет под ногами –
песок из-под пальцев уплыл.
Повис Алангсир могучий.
Могучим он раньше был.
Богатырь, потерявший опору,
подобен верблюду без ног –
Беспомощен и бессилён,
висит, как костей мешок.
– Мальчик, мне очень холодно,
лёд растопи скорей! –
Взмолился жалобным голосом
сильнейший из богатырей.

– Освобожу ото льда я
        лишь голову злую твою,
А воронов чёрные стаи
        песни над ней споют! –

С топором, что едва поднимали
        семьдесят человек,
Уверенным твёрдым шагом
        Эдек подошёл к голове.
Увидев топор огромный,
        так Алангсир задул,
Что Эдек отлетел, как пёрышко,
        и услышал тяжёлый гул:
Это рушились крепкие скалы,
        и камни ручьями текли.
От бури такой небывалой
        камни ручьями текли.
Эдек за скалу схватился
        и удержался едва,
Но дула и дула по-прежнему
        огромная голова.

К сапогам подковы с шипами
        ремнями Эдек привязал.
Стоял на ногах он крепче,
        чем славный конь Аранзал¹,
И снова пошёл к великану,
        врезаясь шипами в лёд,

---

¹ *Аранзал* – сказочный богатырский конь.

Навстречу свирепому ветру,
только вперёд и вперёд.
Вот голова великана...
Изо всех богатырских сил
Эдек устремился к шее,
но так задул Алангсир,
Что сразу ремни полопались,
слетели подковы с сапог,
А без шипов железных
Эдек наступать не мог.

И он побежал к хотону¹,
чтоб там верёвку найти
Такую, чтобы не лопнула
на этом трудном пути.
И встретил древнего старца
на лёгком гнедом коне.
Эдек к нему обратился:
– Отец, помогите мне! –
Эдек спросил торопливо:
– Что на свете крепче всего? –
И начал ждать терпеливо
ответа старца того.
А старец смотрел и думал:
«Да ведь это же сам Эдек!
Наш богатырь ясноликий,
радость глазам, Эдек!»
И старец ему ответил:
– Слушай, батыр, меня:

---

¹ Хотон – селение.

Из сухожилий мужчины
и сухожилий коня
Крепче всего на свете
верёвку можно сплести. –
И сказал батыр сокрушённо:
– Где же мне их найти?
– А зачем такая верёвка? –
спросил у Эдека старик.
Начал Эдек рассказывать,
а старик головой поник.
Эдек рассказал об угрозе,
нависшей над нашей страной,
О том, что враг небывалый
к нам явился с войной,
О том, как тяжкую битву,
сегодня пришлось вести,
О том, что надо народ наш
и землю нашу спасти...

Старик, как юноша стройный,
соскочил с коня своего
И ударом ножа спокойно
уложил коня своего.
Потом в мгновение ока
в грудь себе нож вогнал.
– Эдек, бери сухожилья, –
умирая, он простонал.

Взял Эдек сухожилья
ясноглазого старика,
Он понял: душа у старца
была, как мир, велика.

И взял Эдек сухожилья
лихого красавца-коня
И подумал: «Душа народа
поддерживает меня».
Он свил такую верёвку,
крепче которой нет,
Он свил такую верёвку,
какой и не видел свет.
К сапогам подковы с шипами
снова Эдек привязал –
Выполнил всё, как надо,
всё, как старик сказал.

С топором, что едва поднимали
семьдесят человек,
На острых шипах железных
снова пошёл к голове,
И снова подул в Эдека
и вызвал бурю гигант,
И снова обрушил скалы
невиданный ураган,
Но, хранивший душу народа
в своей богатырской груди,
Эдек был твёрдо уверен –
победа ждёт впереди.
К голове подошёл с затылка
и топором слегка
Ударил по нежной косточке
шейного позвонка.
И чёрной струёю хлынула
мангаса жадного кровь,

До самого неба хлынула
врага беспощадного кровь.

– Какой я глупец! – воскликнул
в отчаянии Алангсир, –
Зачем я дул, почему я
мальчишку не проглотил?!
Не дуть надо было, а втягивать,
втягивать воздух в рот,
Тогда бы влетел мальчишка
прямо ко мне в живот!! –

Он крикнул громopodobно!
И дрогнул барс на скале,
И печень у барса лопнула,
и толчки пошли по земле,
И небо вдруг расколосось,
и звёзды средь бела дня
Посыпались прямо на землю,
поблескивая и звеня.
Снова Эдек ударил
тяжёлым своим топором,
И снова долины и горы
потряс чудовищный гром.
– Маштык! – заорал неистово
умирающий великан:
Жену он позвал на помощь
из далёкого далека.
И звуки страшного рёва
до мангасов смогли дойти,
До страны, до которой больше
двенадцати лет пути.

Звуки достигли слуха
Маштык, когда та спала.
Мигом она вскочила
и слуг своих собрала.
В десять раз сильнее Алангсира
злая Маштык была,
В десять раз глупей Алангсира
злая Маштык была.
Слугам она приказала,
чтоб слона её привели,
Слона, который пасётся
на самом краю земли,
Слона, который пасётся
в шумных зелёных лесах,
В лесах, что своими вершинами
упираются в небеса.

Слона снарядили для боя,
и вышла Маштык в поход.
Сверкают её доспехи,
а слон шагает вперёд...

А Эдек отдохнул и стремительно
третий нанёс удар.
Третьим могучим ударом
голову снёс без труда,
И затих Алангсир-пришелец,
и замолчал навсегда.
И тут же Эдек услышал
тяжёлый топот слона.
Понял Эдек ясновидящий:
это скачет она.

А народ вздохнул облегчённо,
увидев, что мёртв Алангсир.
– Слава, слава Эдеку!
Отныне здесь будет мир! –
Но дрожь по земле прокатилась,
и замер на миг народ
И понял: новая сила
в земли наши идёт.
С надеждою на Эдека
глянул каждый пастух,
И увидел Эдек: у каждого
взор на минуту потух.
«Страшный враг надвигается», –
Эдек про себя сказал.
Сердце ему ответило:
«На юг устремляй глаза!»
Глянул на юг ясноликий,
мудрый батыр Эдек,
Глянул на юг великий,
мудрый, как мир, Эдек:
На юге гора стояла,
укрыта была гора
Бельми облаками,
как глыбами серебра.
Долго смотрел на гору,
долго смотрел он ввысь,
И вот пришла ему в голову
новая хитрая мысль.
И так он сказал народу:
– Каждый пусть привезёт
Белой шерсти подводу –
семнадцать тысяч подвод.

Шерстью окутайте гору,
всё чтобы было бело.
Закончить надо работу
раньше, чем станет светло. –

Наутро, едва засияла
над нашей землей заря,
Как в пене, гора стояла,
в лучах белизной горя.
И тут же Маштык примчалась
на лучшем своём слоне.
– Эй, мальчик! – она закричала, –
подойди-ка скорей ко мне!
Угощу тебя вкусным пряником,
только скажи скорей:
Где богатырь ваш прячется,
храбрейший из богатырей? –
Больше кибитки пряник
из мешка достала она,
В двух пальцах его держала,
и свесилась со слона.

И тут ей хитро ответил
сильный и мудрый Эдек,
Очень хитро ответил
ясный, как утро, Эдек:
– Если б Эдек был зайцем,
тогда бы прятался он,
Но наш великан не прячется,
Он, как стадо слонов, силен!
Недавно Эдек несравненный,
проехал мимо меня,

Смотри, не угасла пена,
слетевшая с губ коня. –

И посмотрела на гору
не очень смело Маштык,
На укрытую шерстью гору
долго смотрела Маштык
И думала: «Если срывается
столько пены зараз,
Срывается столько пены,
сколько может окинуть глаз,
Каков же тогда несравненный
сам богатырский конь?
Из ноздрей его, несомненно,
непрерывно пышет огонь.
А если и вправду летящий
конь богатырский таков,
Тот всадник, на нём сидящий,
будет тогда каков?
А если сидит и вправду
на коне такой великан,
То какова окажется
у того великана рука?
А если рука богатырская
у всадника такова,
То сила его удара
будет тогда какова?
И меч в руке богатырской
будет тогда каков?
И как он легко рассекает
череп и тела врагов?»

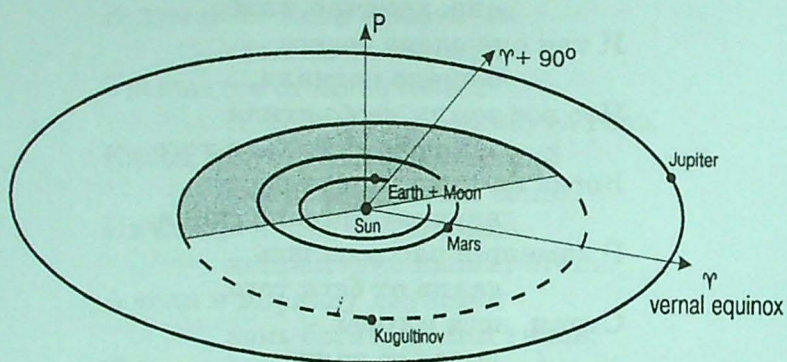

Так думала в диком страхе
    глупая баба Маштык
И подняла от ужаса
    громоподобный крик
И повернула спешно
    назад своего слона –
Решила, что против Эдека
    она, конечно, слаба.
И так она слона своего
    бешено погнала,
Что вся земля необъятная
    задрожала от бега того.
Когда на пути Маштык
    вдруг возникала скала,
В камешки рассыпалась
    скала от бега того.
Степи, леса и горы
    долго её вели,
И так она доскакала
    до самого края земли.
До края она доскакала,
    за край шагнула она,
И прямо в пропасть упала,
    в чёрную пропасть без дна.

А если бы эта баба
    не упала туда, говорят,
Много зла принесла бы,
    много вреда, говорят.

Сведения о малой планете

(2296) KUGULTINOV

Официальное сообщение МАС

Малая планета (2296) KUGULTINOV

Открыта 18 января 1975 г. Л. И. Черных в Крымской
астрофизической обсерватории.

Названа в честь Давида Никитича Кугультинова, известного
советского поэта и национального поэта Калмыкии

Minor Planet Circular № 17465, 1990.

Сар-Герел

*Валентине
Николаевой-Терешковой*

Посвящение

Вам, влюбленной в жизнь, в ее движенье,
Вам, преодолевшей притяженье
Строгой нашей матери-Земли,
Вам, блеснувшей звездочкой вдали,
Вам, чей труд, чьи испытанья, право,
Столь же велики, как Ваша слава,
Та, что в мире Вы приобрели...

Вам, которая почти на "ты"
С бледнолицой Сар – моей луною,
Вам, в пространство неба ледяное
Заронившей искру теплоты,

Вам, бессмертие завоевавшей,
Покорившей восхищенных нас
Ясным мужеством не напоказ
И улыбкой женственной Вашей,

Вам вослед я устремил свой стих,
Времени сместив напластованья,
Смешивая с вымыслом преданья

Прадедов кочующих моих...
Вам – во славу мужества и света –
Посвящается поэма эта.
Вам ее отдал я с первых строк
С той поры, когда еще несмело
Набирала цвет она и сок
И, как яблоко на ветке, зрела.

Пролог

Тысячелетие тысячелетий
Переступало Солнце окоем
И, поднимаясь в небо
на рассвете,
В багряном одиночестве своем
Неутомимо Землю согревало.
Чего при нем в пространствах не бывало?!
В кромешной бездне
вихри огневые
Вращались с дикой скоростью, крутя
Частицы раскаленные...
Впервые
На свет являлась звездочка-дитя
И, расправляя маленькое пламя,
Мир озидала круглыми глазами.
Властитель света улыбался ей
И Землю озарял еще светлей.
...Когда ложилась отдохнуть Земля,
Он также оставлял свой пост бессменный
И шествовал, спускаясь постепенно,
В прозрачный свой дворец из хрусталя,

На одинокое склонялся ложе;
Величье ночи созерцал он лежа...

Извечной тишины не нарушая,
Сменялась череда ночных чудес:
Раскинувшись, Медведица Большая
Покачивалась на волнах небес,
И отражало Млечности течение,
Подобное медлительной реке,
Зеленовато-льדיстые свеченья
Венеры и Урана вдалеке...

Мельчайших звезд мерцанье круговое
Казалось Солнцу в этот час ночной
Сияющим венцом

над головою

Красавицы – той дочери земной,
С которой встреча – раньше или позже!
В веках ему обещана была,
Согласно звездным знакам... Солнцу тоже
Нужна частица нежного тепла,
Как вам и мне...

И огненное сердце

Не может собственным теплом согреться!
И потому столетия подряд
Властитель света, истомившись жаждой,
Бросал нетерпеливый знойный взгляд
Сюда, на Землю нашу... И однажды...

Однажды светоносец встал с постели
В предчувствии невиданного дня,

Случилось это в месяце апреле,
А по-калмыцки – в месяце Юня.
В то утро Огнеликий занял пост
Во всем своем величии и славе,
Являя силу и могучий рост
И золотую бороду расправля.

Весною он с особою охотой
Обогревал планет подвластных круг.
Вдруг до ушей его донесся звук...
Казалось, бегло прикоснулся кто-то
К натянутой серебряной струне...
Нет, это песня где-то задрожала,
Свежо переливаясь, в залежалой,
Давяще-затхлой вечной тишине...
Какой-то женский голос пел вдали...

Сомнений нет – он долетал с Земли!
С Земли, за тонким облаком неясной,
С Земли, где посреди весенних трав
Стояла девушка в одежде красной
И пела, руки смуглые подняв,
Хвалу владыке, Солнцу золотому...
Ему, ему, и некому другому
Предназначалась девичья хвала!
Она звала... Она его ждала!..
И встрепенулся Созидатель света
И, отодвинув облако, взглянул
С высот своих на чаровницу эту.
Потом лучами радостно всплеснул,
Огнем оделся, подался вперед,
Очами искрометными сверкая,

От неба отделился... И плывет,
Как веслами, руками рассекая
Студеную густую синеву,
К ней, смуглолицей, к той, что наяву
Там, на Земле, манит его, зовет,
Невольно на себя беду накликав.
К ней! К ней – во весь разгон, во весь разлет!
...И вот он опустился на траву,
На степь благоуханную калмыков.

Глава I

В середине месяца Коя
Овцы сыты и коровы гладки,
Молоко и масло – все в достатке,
И доносит ветер запах сладкий
В середине месяца Коя.

В середине месяца Коя
Травы пахнут и свежо и пряно,
И пылают в зелени тюльпаны,
Чашечки застенчиво клоня,
В середине месяца Коя.
В день, когда раскрылись все цветы
И в хотонах было все в избытке,
Родилась под кошмами кибитки
Девочка чудесной красоты.
Прелестью ее восхищены,
Старики премудрые сказали:
– Краше девочку найдешь едва ли,
Подлинно, она – дитя весны!
Кто б ни увидал ее впервые,

Тотчас сердцем и умом светлел.
И назвали девочку родные
Именем сияющим – «Герёл».
Имени светлей на свете нет:
Ведь "герел" и означает – "свет".

*

...Начинается в степи дорога.
Времени не мало и не много
Пробежало с памятного дня
В середине месяца Коня,
Не часы, не дни и не недели:
Травы зеленели, вновь желтели,
Лес, прохожих осенявший тенью,
Облетел, чтоб снова стать шумящим,
Выпадал и снова таял снег...
Будущего смутное виденье
Прояснилось, стало настоящим,
В море прошлого направив бег...
Словом, не один промчался год
С той поры...

А девочка растет.

Весело бегут в степи дороги.
Слабый жеребенок тонконогий
Стал конем – красавцем табуна.
Но мелькает за весной весна.
Зубы стерлись, пожелтели... Сбиты
Звонкие певучие копыта,
И, обняв за шею скакуна,

Говорит ему хозяин в горе:
– Старый друг, мы разлучимся вскоре.

Да, всему приходит свой черед...
...Девочка Герел меж тем растет.

Разветвляются в степи дороги.
На закрученном бараньем роге
Много поприбавилось витков,
Все равно как на стволе кругов.
Чертит время на лице морщины...
И – гляди – могучие мужчины
Поддались, пришлось им постареть...
К темным их щекам прилипла сеть,
Та, которую нельзя стереть...
Пробегают годы, как мгновенья,
И – гляди!– другое поколение
Шумно вытесняет стариков...
Что поделаешь?.. Закон таков:
Этот в гору, а под горку – тот...
...Девочка Герел меж тем растет.

И в апреле, как-то утром рано,
Те, кто юн, и те, кто постарел,
Встретили негаданно-нежданно
Взрослую красавицу Герел.
Точно ли Герел?.. А не другая?..
Та ж вчера была еще дитя,
А у этой – черная, тугая
Гибкая коса бежит, блестя,
И почти касается земли...
Эту косу увидав вдали,

Поторапливается прохожий,
Ускоряет шаг, чтоб как-нибудь
На владелицу ее взглянуть:
Вправду ли она собой пригожа?..
И пред светлым девичьим лицом
Застывает вдруг, остолбенев,
И хоть не был никогда певцом,
Слышит у себя в душе напев...
Чем Герел особо хороша?..
Светится в ней чистая душа.
Две звезды из-под прозрачных век
Смотрят в сердце, словно утешая:
"Не печалься, добрый человек.
Будет радость у тебя большая".

*

Девушкам только скажи:
"Герел..." –
Молвят без лести и лжи: – Герел!..
Нет мастериц искусней у нас,
Лучшая наша швея – Герел.
Бархат пушистый, плотный атлас
Режет, смеется, кроя, Герел.
Шубу сошьет она иль цегдék¹ –
Преображается человек.
Если изъян у кого какой –
Все исправляет ее покрой.
Эта – худа чересчур, плоска,
Та полновата в свои лета...

---

¹ Цегдék – женская одежда.

Тронет иголкой Герел слегка –
Где худоба? Где полнота?
Вот как легка у Герел рука!
Ситцы в руке у нее, как шелка!
Лучшая наша швея – Герел!..
Ширится слава твоя, Герел!

При стариках помяни: "Герел..."–
Скажут неспешно они:

– Герел!

Право, подобных разумниц нет!
И не ищи: не найдешь нигде!
В деле толковый подаст совет.
Грянет беда – пособит в беде.
Если в хотоне кто заболел, –
Лекаря звать ли издалека?
Вы обратитесь прямо к Герел:
Так-то – легка у Герел рука!
Лучше, чем лекарь и костоправ,
Вникла в целебные свойства трав,
Знаний своих не тая, Герел...
Ширится слава твоя, Герел!

Юношам лишь намекни: "Герел..."–
Скажут, что солнцу сродни Герел.
Самый застенчивый – с ней болтлив,
С ней неказистый и тот красив.
Робкий становится храбрецом:
Сладит с любым верблюдом-самцом!
Видно, таков он, дар красоты, –
Всех поднимать до своей высоты!
Ходит, сиянье струя, Герел...
Ширится слава твоя, Герел!..

Ветер играет, ковыль колебля...
Степью неслышно Герел идет,
Смуглой рукой разбирает стебли,
Нужные травы в сумку кладет...

"Эта – для сердца, эта – для глаза.
Эта усталость снимает сразу...
Желтый цветочек многолепестный,
Если сварить из него отвар,
От лихорадки лечит чудесно,
Выпьешь – немедля спадает жар.
Этот невзрачный корешок,
Если стереть его в порошок
Да подмешать немного ромашки,
Кашель тотчас унимает тяжкий..."

Нету цветка, чтобы рос без толку,
Каждая травка на что-то гожа..."
В платье своем из красного шелка
Нынче Герел на тюльпан похожа.

Вслушалась... Нет, петухов не слышно!
Значит, и впрямь далеко хотон.
Травы шумят с четырех сторон,
Травы кругом доцветают пышно...
Крепкий курай¹, желтизна отавы...
Ходит Герел, разбирая травы...
"Эта – для сердца, эта – для глаза,
Та очищает больную грудь..."
Сумка большая полна до отказа,
Время пришло назад повернуть.

---

¹ *Курай* – степное растение.

Быстро ведет ее путь обратный,
Веет в лицо холодок приятный.
Длинно

петух за холмом запел,
Невдалеке запылило стадо...
Эй, поторапливайся, Герел!
Слышишь?.. Задерживаться не надо!

Только откуда об этом знать ей?
То ли задумалась, то ли устала...
Ветер играет подолом платья,
Платье, как пламя, полощется ало.
И не спешит Герел никуда,
Чуть улыбаясь, бредет по дороге...
Эй, оглянись! Позади беда!
Глянула...

И подкосились ноги!

Точно обвал, точно страшный бред,
Черен, свиреп, дик,
Грозно трубя, за Герел вслед
Тяжко скакал бык...
Низко пригнув крутые рога,
Хлопья роняя пены,
Несся на красное, на врага,
Чтоб поразить мгновенно.
Алого шелка мелькавший мак
Мучил его и жег...
С места рванулась Герел...

Так,

Волка почуяв, степной сайгак
Делает прыжок.

Мчится Герел сквозь туман ковыля,
К дому бежит напрямик.
Вслед,
        сотрясая землю, пыля,
Бешеной бурей – бык.

Девушка мчится стрелы быстрей,
Страхом окрылена,
Мчится, как птица...

        Но кажется ей,
Все на месте она!
Нет никого, кто бы ей помог.
И беги не беги –
От четырех грохочущих ног
Две не спасут ноги!

Чует Герел – погибель близка,
Жжет ей затылок дыханье быка...
Топот его отдается в мозгу,
Сердце где-то у горла
Бьется отчаянно, как птенец...
Силы иссякли. Дыханье сперло...
Камень!..

        Споткнувшись на всем бегу,
Падает наземь Герел.

        Конец!

Эхом в степи отдается крик.
К жертве лежащей несется бык,
Чтоб на рога поддеть!
Толстую шею он согнул...
Вдруг – словно выстрел воздух рванул!–
Щелкнула плеть...

Стадо стерег молодой пастух.
Он и завидел издалика
Красное платье,

во весь дух

Мчащегося быка.

Соколом он взлетел в седло,
Слился в одно с лихим конем,
Вихря быстрей по степи несло
Всадника и коня вдвоем.

Степь не видала быстрей погонь—
Конь в облака взмывал на скаку!..
Все же мерещилось седоку:
С места не сходит конь!
В кровь исхлестал он коню бока...
Ох, не догнать, не догнать быка!..
Стелется пыль...

И в последний миг,

Только нацелился грозный бык
Жертву на рог поддеть, —
С шумом перемахнув кусты,
Взмыленный конь упал с высоты,
Воздух рванула плеть...

Грозный удар угодил как раз
Между кровью налитых глаз,
Блеск их звериный на миг потух...
Молнией прянул с коня пастух.
Миготом отбрасывает от быка
Девушку, —
Точно былинка легка!

Бык издает громовой клич,
Снова готов ринуться в бой.
Девушку заслонив собой,
Вновь поднимает пастух бич,
Что из пятидесяти и двух
Наипрочнейших ремней свит,
С крепкой сандаловой рукоятью...

...В детстве слышал я об этом сказ,
И, как живую, вижу сейчас
Смуглую девушку в красном платье.
Веки сомкнула, как будто спит,
Словно из бронзы пастух отлит,
Он и в груди и в плечах широк...
...Снова удара с оттяжкой звук,
Вновь оглушен круторогий враг.
Юноша мышцы свои напряг
И, наклонившись слегка вперед,
Мертвою хваткой могучих рук
Комли обоих рогов берет,
Правый и левый сжимает рог...
Голову бычью к земле гнет.
Молча, жестоко идет борьба!
Кто одолеет – решит судьба.

Вот, на колено одно припав,
В силе теперь утроясь,
Вовсе исчез пастух между трав,
В землю войдя по пояс.

Кто одолеет – решит судьба...

Ноги быка – четыре столба!–
Тоже почти неприметны в травах:
В толщу сухую степной земли
Мало-помалу они выросли,
Слабо похрустывая в суставах...

Древняя молча идет борьба.
Кто одолеет – решит судьба.
Бык упирается. Он хрипит,
Не поддается врагу. Напружась,
Шею собрал в упрямые складки...
Но не спасись от железной хватки!..
И вылезают глаза из орбит,
В злобных зрачках нарастает ужас,
Ужас до самых костей проник...
Клонится пред человеком бык!..

Голову бык опускает вбок,
Ниже и ниже – в степные травы,
Их орошая слюной кровавой,
Клейкий из них выжимая сок...
Кончена битва.

Бык лег.

Юноша все ж наподдал немного
И, опьяненный избытком сил,
Два острия, два огромных рога,
Будто играя,

в землю вонзил:

– Ты с человеком тягался, зверь!
Низко ему поклонись теперь!

– Храбрый Церен!

Отец мой и мать
Будут добром тебя поминать!–
И, улыбнувшись ему, она
Быстро уходит – ловка, стройна,
Платье, как пламя, горит, дразня...

Из-за холма сверкнуло... И – нет!
Крепко держа под уздцы коня,
Смотрит смущенный пастух ей вслед,
Сам не поймет, что творится с ним...
Да уж каким смельчаком ни слыви, –
Время придет – и захватят в плен!
Нынешний день, удалой Церен,
Счастьем тебя одарил двойным:
Счастьем победы,
Счастьем любви.

Глава III

Вот чем она обернулась, беда!
Все рассказала дома Герел.
Поволновались родные тогда...
– О, маани, о, маани!¹
Боже спаси! Боже нас сохрани!–
В ужасе мать шептала не раз.–
Ну и Церен!.. И силен и смел!
Дочку от гибели страшной спас!
Девушка кончила свой рассказ...

Маани – начало буддийской молитвы.

Молча отец на мать посмотрел
И усмехнулся едва-едва:
Добрая шла о Церене молва!

...Осень прошла и зима за ней.
Но с пробуждением весенних дней,
Как зажурчали в степях ручьи,
Кто-то в хотоне заметил вслух:
– Новые сваты к Герел...

– Чьи?

Кто же сто первый?

– Церен-пастух.

Следом за сватами наконец
С достопочтенным отцом Герел
Встретился мудрый Церенов отец.
– Поговорить я давно хотел...–
Потолковали друг с другом отцы:
– Так уж оно суждено, видать...
Только начнется месяц Овцы,
Можно, пожалуй, свадьбу играть.–
Славно удумали старики!
Месяц Овцы – благодатный май–
Счастье приносит в калмыцкий край:
Вдоволь и мяса и араки!
"Свадьба готовится!"

Эту весть

Тут же спешит по кибиткам разнести
Свистом и щебетом

птичий народ,

Из дымохода спеша в дымоход...

"Свадьба готовится!"

На Земле—
В белом своем биизе¹ — весна.
Соки играют в любом стебле,
Степи бескрайняя быстрина
День ото дня зеленей, живей...
Степь! Красоту твою вспоминая,
Полнится песней душа степная.
Снова пишу о весне твоей.
Степь!..

Не с тобой ли одной привык
Радость и горе делить калмык?
Все, что в душе у него не вместилося:
Жизнь ли ему подарила милость
Или — случилось чаще оно!—
Сердце, обидой обожжено,
Ныло, болело невыносимо,
Разве он к матери шел родимой?..
Если страданья сносить невмочь,
В силах ли мать и отец помочь?
Может, к ровеснику шел он, к другу?
Другу и так приходилось туго,
Были равны мы в своей судьбе...
Степь!..

Он к тебе приходил, к тебе,
Все претерпевшей, перевидавшей,
В горестях певшей и расцветавшей,
Дышащей мудростью давних лет...
Только с тобой он держал совет.

---

¹Биизе — девичье платье.

Ты утешала своим величьем,
Благоуханьем, говором птичьим,
Блеском и шелестом трав живых
Нищих калмыков – предков моих.
Ты у потомка в душе теснилась,
Ночью полярной, бывало, снилась,—
Выскажешь боль на груди твоей
И пробудишься – вдвое сильнее...

*

...Ну, пошел о горе говорить,
Да еще незадолго до свадьбы!
О Герел пора потолковать бы...
Потеряли мы рассказа нить.
...Выслушав родителей, Герел:
"Воля ваша", – прошептала кротко,
Только взгляд лукаво заблестел
Да резвее сделалась походка.
С той поры, сыскав любой предлог,
Что ни утро в степь она спешила:
Не видать ли стада? Может, милый
Там, на перекрестке двух дорог?..

Степь привычная давным-давно
Стала для нее зеленой новью:
Все в глазах Герел изменено
Полною счастливою любовью.
Ластится к ногам ее трава,
Шелестит и шепчет, как живая,
Девичьему сердцу навевая
Новой песни древние слова:

”Ты приди, любимый мой, скорей!
Стану я женой твоей смиренной.
Нарожу могучих сыновей
Для тебя, для моего Церена...

Если бы Церен мой повелел,
Приказал бы он, хотя сегодня,—
Разве побоялась бы Герел
Холода и жара преисподней?!

Ты приди, приди ко мне сюда,
Покажись из-за кургана, милый!
Будь благословенна та беда,
Что с тобою встречу подарила!”

*

И случилось, что весенней ранью—
Было это в месяце Кюня—
Собралась Герел, как на свиданье...
И отец, и мать, и вся родня
Пред зарей в кибитке спали сладко.

Вышла из дому Герел украдкой.
Отправлялась девушка тайком
На свиданье с утреннею степью,
С предрассветным светлым ветерком,
С солнцем, что во всем великолепии
В этот час всплывает над травой,
Поднимает посох огневой...

Взмах!.. В алмазы превратились росы.
Взмах другой!.. И сад кругом разросся
Позабытой нами красоты...
Огоньки – лиловый, желтый, красный–
Засверкали на траве атласной,
Задышали, ожили цветы.

Донник – золотистые сережки,
И ромашка на высокой ножке,
И тюльпан, и желтый чистотел,
И румянка, и кипрей лиловый,
И чудной цветок змееголовый–
Все они приветствуют Герел.
Все они с Герел заводят игры:
Гладят ноги ей, щекочут икры
И в глаза глядятся...

Сколько их!

От сверканья, воздуха, простора
Зарыдать иль засмеяться впору –
На Герел нашел веселый стих!
Дома ходит чинно, честь по чести,
Так, как полагается невесте,
Воздаёт родителям почет...
А в степи она – совсем другая:
Как ребенок, прыгает, поет,
От цветка к цветку перебегая...
Отбирает лучшие в букет.
Искрятся цветы, меняют цвет,
Друг пред дружкой хвалятся нарядом...
Не сочтешь чудесных перемен!..

Но Герел кого-то ищет взглядом
И зовет, как будто кто-то рядом:
– Мой Церен!.. Поди сюда, Церен!

Никого-то рядом с ней не видно,
И она румянцем залилась,
Рукавом прикрылась:

”Ай, как стыдно!

В детстве, что ль, не наигралась всласть?!
Кто еще подслушал, может быть...
Хорошо ль невесте так шутить?!”
Но бурлит в ней радость бытия
И на волю рвется неустанно.
Ликованья больше не тая,
На вершину старого кургана
Поднялась Герел... Поет меж трав,
К небу руки тонкие подняв:

– Солнце!.. Ты своею доброй властью
Радости даруешь всем живым.
За тепло, за молодое счастье,
Солнце, мы тебя благодарим!

Солнце! Ты сегодня не затем ли
Разоделось в праздничный наряд,
Чтоб еще прекрасней сделать землю
Для далеких внучек и внучат?

Солнце!.. Опустись на землю к нам!
Погости у нас хоть миг единый!
Радости великой половину,
Огнеликое, тебе отдам!..

Так нечаянно Герел послала
Приглашенье Солнцу самому
И, по простодушью своему,
Не обеспокоилась нимало.
Просто так пропела, наобум,
Что пришло на сердце и на ум.

Но внезапно чудо приключилось:
С неба
        облако в огне спустилось.
От него, как блики на воде,
Разбежались искорки везде,
Словно кто-то в щедрости своей
Разбросал пригоршнями червонцы...
Облако все ближе, все плотней,
Огненною сделалось грядой,
Зыбкий край внезапно отвердел...
И тогда увидела Герел
Старца с ярко-рыжей бородой:
В гости к ней пожаловало Солнце!

Глава IV

Вскрикнула Герел:
        – О, маани!–
И, молитвенно сложив ладони,
Как ее прабабки искони,
Перед Солнцем замерла в поклоне.
Но потом опомнилась немного
И сказала гостю, распрямясь,
Гордость человека сохраняя:
– Внушка вас приветствует земная!

Дедушка, мы рады видеть вас!
Как здоровье? Как прошла дорога?

”Дедушка”!.. Такое обращенье
Причинило гостю огорченье.
Но пока что он стерпеть решил
И Герел ответить поспешил,
Как пристало дедушке – степенно:

– Что ж дорога?..

Путь обыкновенный...

Все же Солнце я, не кто-нибудь.
Солнцу ли страшиться расстояний?
Собирался я давно взглянуть,
Каково живете вы, земляне...
Нет ли жалоб или пожеланий?..

Поклонилась вежливо Герел
И сказала:

– Дед наш огнелицкий!

Свет ваш Землю славно обогрел.
Ваша милость нынче не скужится
И на землю нашу шлет в избытке
Волны драгоценного тепла...
Дедушка, я в гости вас звала.
Дайте провожу вас до кибитки,
Чтобы вам доподлинно узнать,
Хорошо ль гостей мы привечаем...
Подкрепитесь там калмыцким чаем,
Порасспросите отца и мать
И других отцов и матерей...
Моего они куда мудрей,

Лучше понимают жизнь людскую,
Знают, чем он дышит, белый свет...
Ведь они, как вы,— преклонных лет...

Слыша речь разумную такую,
Улыбнулся было важный гость
(Все кругом заискрилось, зажглось!..),
Но о возрасте упоминанье
Ввергло вновь его в негодование,
Молнией в глазах блеснула злость,
Брови рыжие нависли круче,—
Словом, Солнце стало туча тучей.
И, однако ж, красота Герел
Восхищала гостя неуклонно,
Объясниться он скорей хотел,
Так же, как любой другой влюбленный,
Как любой ничтожный сын Земли...

И воскликнул он:

— Герел, внимли!

Древнюю тебе открою тайну...

Любопытствуя необычайно,
Из приличья молвила Герел:
— Тайну — мне?! Мой ум еще незрел,
Дедушка...

С о л н ц е

Молчи, моя звезда!
О Герел!.. Я знал тебя, когда
Не было тебя еще на свете!

Сквозь века я образ твой узрел
И за тысячу тысячелетий,
В ожидании тебя, призрел
Все живое на твоей планете!
Для тебя узорами соцветий
Изукрасил я земной предел...
На крылах любви перелетел
Леденящие пространства эти
Для тебя одной, моя Герел!..
Что молчишь, краса моя земная?
Я – огонь!– сгораю от любви!..
Говори, Герел!..

Но заклинаю:
Дедушкой меня ты не зови!

Г е р е л

Дедушка!.. Ой!.. Солнышко!.. Простите,
Слов таких я слушать не должна...

С о л н ц е

О Герел! Предсказан ход событий,
И судьба твоя предрешена!
Славный жребий твой издревле ведом,
И не изменить путей твоих!
Знай, тебе я прихожусь не дедом,
Я – твой суженый, я – твой жених!
И едва ты дашь свое согласие–
Ты познаешь, что такое счастье!
Ты избежнешь участи печальной
Горьких, смертных дочерей Земли...

Мой дворец, блистающий, хрустальный, –
От забот и горестей вдали.

И притом, Герел, хочу сказать я,
Пусть идет мне миллионный год, –
В небесах у нас особый счет,
И свои приличья и понятия...
Звезды есть у нас куда постаре,
Кое-кто и вправду поостыл...
Я ж, Герел, в расцвете буйных сил,
Я – в зените жизни, я – в разгаре...
Видишь, излучаю жар и пыл!..
О Герел!..

Г е р е л

Я вижу все, как есть...
И поверьте мне, о Светозарный,
Что прискорбно быть неблагодарной
За высокую такую честь!
Как подумать, что во всей Вселенной
Вы других избранниц не нашли,
Кроме девушки обыкновенной,
Кроме скромной дочери Земли!..
Мне такое и во сне не снилось!
Солнце!.. Бесконечна ваша милость,
И великодушью нет границ!..
Щедростью своей, своим дыханьем
Вы дарите счастье всем созданьям,
О владыка трав, зверей и птиц!
Вам покорна наша жизнь земная,
И весна, и ликованье дня –

Вот он – вкруг меня кипит, звеня...
Солнце, это все я понимаю,
Но поймите, Солнце, и меня!
Не гневьтесь на прямое слово.
Не мечите молний, как сейчас,
Так, что страшно мне глядеть на вас
Я... О Солнце! Я люблю другого!
Солнце всемогущее!

С высот,
Через дымку тучек легковейных,
Наша жизнь, должно быть, предстает
Точно с муравьями муравейник.
Но в груди любого муравья,
Как бы он для вас ничтожен ни был,
Сотни солнц пылают, блещет небо...
Здесь, в груди, Вселенная своя!
Меры нет сердечным нашим глубям,
Звездный мир души – неисчислим.
И свои светила мы растим
Только для того, кого полюбим,
Будь он даже скромною особой.
Мир любви, о Солнце, мир
особый!

Это – наша высота высот,
Где душа сгорает, не сгорая...
Человек, любовь свою теряя,
Человеком быть перестает!
Солнце!.. Об одном прошу смиренно:
Позабудьте, Солнце, обо мне!
Радость сердца, клад мой сокровенный,
Звезды и миры моей Вселенной,
Все, что я растила в глубине, –
Отдала я пастуху Церену!..

Но, слагая гимн любви своей,
Защитив ее с завидной силой,
В яростном пылу своих речей
О моей любви ты позабыла...
А мои мечты?.. Моя тоска?..
Холод одиночества?..

И гулкий
Посвист мирового сквозняка?..
Нет, Герел!.. Я ждал тебя века
И сюда отнюдь не для прогулки
Совершил опасный перелет!..
За тобою вслед я повторяю:
"Человек, любовь свою теряя,
Человеком быть перестает".

Проще говоря – в разлуке с милым
Для тебя на свете нет житья...
Ну, а для меня, Герел?..

Ведь я,
Потеряв тебя, любовь моя,
Тоже перестану быть светилом!
Ты, Герел, забыла обо мне!..
И к тому же по твоей вине
Могут люди пострадать другие,
Близкие тебе и дорогие:
Мать, отец и этот... твой жених...
Ты, Герел, забыла и о них!

Не шути, красавица, со мною!
Соглашайся быть моей женою,
На своей планете жизнь продли!..

А иначе я
лицо земное
Превращу в кладбище ледяное,
Отвратясь навеки от Земли!

Г е р е л

Солнце!.. Нет, мне изменяет слух...
Странность мне послышалась такая...
Солнце, вы... Нет, нет, не допускаю!
Светлый дух, великодушный друг!
Вы, сияющее божество,
Чтоб достигь желанья своего,
На угрозу вы идти готовы,
Справедливости попрасть основы,
Силу применить?.. И для чего?..
Это ж совершенно бесполезно!
Хоть сейчас меня ввергайте в бездну,
Насылайте холод и пургу!..
Я же полюбить вас не могу!
Свет вовек не совместится с тенью,
Это ясно вам, владыке дня!
Где любовь – нет места принуждению,
Сердце не послушает меня,
Что ему не мило – то не мило!
Повторять ли сказанное вновь?
Вероятно, Солнце пошутило...
До свиданья!.. Если надерзила,
В том не я повинна, а любовь!

Солнцу головой кивнув слегка,
В степь сошла Герел...

И как ни странно –

Только степь в лицо дохнула пряно,
Зашептала и заговорила,
Так Герел тотчас же позабыла
И слова и облик старика
И опять беспечна, как ребенок...
Может, все привиделось спросонок?..

Поскорей бы добежать в хотон:
Перед свадьбой дома столько дела!..
...Но в степи внезапно потемнело.
Пал туман... Откуда взялся он?
Да когда же он успел сгуститься?..
Смолкли и кузнечики и птицы.

Туча, что ли?.. Ни дождя, ни грома!
Дико стало все и незнакомо...
Вдруг какой-то луч полуслепой
Прорвался... Герел назад взглянула...
Видит: огненной своей стопой
Солнце окоем перешагнуло
Прямо в бездну... И в нее нырнуло.
И сейчас же на небе, мигая,
Звездочка зажглась, за ней другая,
Синей мглой оделся небосклон,
Ночь над степью крылья распростерла...
Девушка глаза свои протерла:
"Звезды в полдень?! Может, это сон?"
Нет, и вправду степь в туманной мгле.
Страшно так, как не бывало сроду.
"Значит, вправду тот, огнебородый,
Отомстил всем людям, всей Земле?!"

С плачем девушка идет к хотону.
Из хотона слышны крики, стоны.
Кто-то горько прокликает ночь.
У кибиток люди, сбившись вместе,
В барабаны бьют, стучат по жести,
Чтоб немедля убирался прочь
Араха – жестокий, черный дух,
Чудище, которое, по мнению
Стариков древнейших и старух,
Солнце пожирает в час затмения.

Грохот, крики, уханье сыча...
Да еще: какой-то многогогий
Тянется во мраке по дороге,
Завывая, блея и мыча...

Что тебе у нас в хотоне надо,
Араха?!

Да нет же, это – стадо,
Раннею застигнутое тьмой,
Воротиться вздумало домой!..
Вон коровы. Вон бредут собаки.
Щелкнул бич... Знакомый голос глух.
Хоть лица не различить во мраке,
Но Герел узнала, кто пастух!

– О Церен! Из-за меня беда!–
Девушка взывает, горько плача.–
Я, Герел, одна всему виной!
Всех мудрейших созови сюда!
Пусть рассудят, что стряслось со мной
И могла ль я поступить иначе?!

Глава V

Вечер, ночь ли, осень ли, зима –
Странная пора сошла на Землю,
Степи, дальние леса объемля...
Потускнело все в природе вокруг,
Глуше стал не только цвет, но звук,
Точно прекратилась жизнь сама.

Мгла сгущалась... И притом с востока
Ветер ледяной задул жестоко,
Словно тысячи холодных змей
Кóльчато вползают под рубаху...
Лечь ничком и заскулить со страху?!
Да не то в уме у матерей–
Тщатся все же сделать жизнь теплой!

Эта достает из сундука
Для детишек теплые пожитки,
Та дыру в кошме своей кибитки
Чем-ничем пытается заткнуть,
Третья, взяв побольше кизяка,
Под треножником огонь разводит:
Если даже Солнце и не всходит,
Жить-то людям надо как-нибудь!

А старухи, с четками в руках,
Вид хранят невозмутимо строгий
И бормочут:– Рассердились боги
И людей оставили впотьмах.
Ведьма нашу Землю прокляла,
Насыляет нам погибель – Зут,

Но темны пути добра и зла:
Боги и накажут и спасут...

А мужчины, те, косясь на бабок,
Все же не теряют хладнокровья
И из молодого поголовья
Отобрав животных самых слабых,
Загоняют их в кибитки: – Ну же!
Не упрямясь!.. Пропадешь
от стужи!..–

Голоса слышались из мглы:
– Эй, калмыки!.. На совет! На сбор! –
Скачут улицей во весь опор
Молодые всадники – орлы,–
Удалых коней своих прищпоря,
Мчатся лихо, как на торжество.

...О, веселье гуря!.. О, подспорье
Человеку в трудный час его!..

Был назначен важный этот сбор
У подножия одной из гор...
На опушке векового леса
Сыпал искры и трещал костер.
И в полнейшем равенстве друг с другом,
У костра расположившись крúгом,
Люди разных званий, лет и веса
Меж собой вели негромкий спор.

Каждый думал так, как он умел,
Каждый говорил, что думал он...
Был хотон уже оповещен
О свиданье Солнца и Герел...

Рассуждал о том юнец бедовый
И его отец седоголовый,
Шутками блистали острословы,
Для которых жизнь всегда игра.
И Герел

с отцом своим почтенным,
Рядом с женихом своим Цереном,
Рядом с кротким мудрецом Цеценом
Молчаливо грелись у костра...

Долго длился спор, но тем не мене
Люди к заключенью не пришли,
Всех томили страхи и сомненья,
И хотелось всем услышать мнение
Мудреца из мудрецов Земли.

Доброту его и ум великий
Уважали не одни калмыки,
И не только в нашей стороне,
Но в краях заморских
знали цену

Мудрецу калмыцкому Цецену...
В тонком этом деле,
несомненно,
Разберется лишь Цецен вполне...
И когда привстал он

и во тьму
Устремил спокойный взор провидца,
Тотчас обратили все к нему
Озаренные вниманьем лица.

Голос мудреца был слаб и тих,
Речь его дышала добротой.
– Люди, это случай не простой, –
Он сказал. – Не знали мы таких...
Здесь не место гневу или злости.
Мы решим, кто прав, а кто не прав,
Только обе стороны поняв:
И Герел, и солнечного гостя.
Солнце?.. Что ж, у Солнца, может статься,
Кроме силы, есть и правота:
Девушка Герел – его мечта...
От мечты легко ли отказаться?..

А Герел?.. Да разве мы вольны
Поведенья требовать иного
От невесты, будущей жены?
Ведь она дала Церену слово!

Правда – здесь. Но правда есть и там...
Как разделить правду пополам?..
Вы решенья ждете от меня...
Приговор судьи здесь не годится:
Тот, кто прав, не может быть судим.
Подождем до завтрашнего дня
И смиренно возблагодарим
Солнце,
    если Солнце возвратится...
– Ну, а если Солнце не взойдет,
Значит, гибнуть всем с Землею вместе?!–
Чей-то низкий голос прогудел.–

– Голод, холод; бед невпроворот,
Вот какой достался нам удел!
А загвоздка – лишь в одной невесте!
Справедливо ль, честь ее храня,
Весь народ обречь на злую муку?.. –
Старец поднял сухонькую руку:
– Подождем до завтрашнего дня.–

Все примолкли...

В этот самый миг
Слабый огонек во тьме возник,
Стук копыт донесся отдаленный...
Слышно – кто-то скачет из хотона,
Машет факелом...

Раздался крик:
– Эй, на помощь!.. Эй, скорей, сюда!..
Волки нападают на стада!

На коня вскочил Церен
и те,
Кто покрепче был и поудáлей,
Кони их шарахнулись, пропали,
Точно растворились в темноте...
Лишь копыта цокают, звеня...

Ветер взвыл... Иль это голос волчий?..
И друг к другу – сиротливо, молча–
Прижимались люди у огня,
За спиною чуя темноту,
Ледяную, жадную пустыню...
Дождь пошел. И превратился в ивей,

Замерзая тут же, на лету.
Видно, землю гололед одел...
В ожиданье смерти неминуемой
Люди были сумрачны, как тучи...
И как раз тогда к ногам Герел
Черный, трепетный упал комок.
Девушка очнулась...

Что такое
Шевелится возле самых ног?
Наклонилась... Тронула рукою...

Ласточка замерзшая! Едва ли
Отогреть ее теплом руки!
Лапки жалко скрючены. Отпали
Отмороженные коготки.
Крылья в воздухе обледенели...
Бьется слабо. Дышит еле-еле...

"Птица бедная, полуживая!"
Сердце у Герел от боли сжалось.
Слезы побежали по лицу...
Ласточку дыханьем согревая,
Девушка сказала мудрецу:
– Гляньте, дед Цецен! Какая жалость!

Был в раздумье погружен Цецен,
Но услышал он слова Герел...
Ласточку он взял с ее колен,
Долго и задумчиво смотрел
В черные дробинки – глазки птичьи,
Влажные, как будто бы в росе...

Помолчав, сказал:
– Вникайте все
В мудрые слова старинной притчи.

Притча о Ласточке

В сказках правдивый смысл заключен.
Слушайте притчу давних времен.

С локоть тогда был взрослый мужчина.
Конь, говорят, был с зайца, не выше.
Море в ту пору было с овчину.
Небо в ту пору было с крышу.

В те времена на краю земли,
Где облака в горах залегли,
В дикой, суровой стране камней
Ханствовал некий угрюмый Змей.

Змея терзал недуг, говорят:
Что ни увидит – все жрет подряд,
То, что дышало и не дышало...
Все ненасытной утробе мало!

Камень сглотнет, берется за птицу,
На своего же гада польстится,
А насыщения нет как нет!..
Так проболел он сто сотен лет.
С виду как будто и слаб и стар,
Жадность зато –
что ни год – сильней.

Змей посмотрел, точно в первый раз...
"Всякой букашке отпущен разум",—
Втайне подумал

и дал наказ:

— Друг, отправляйся в луга и чащи,
Все язычком своим перепробуй!
Пищу сыщи для меня послаще,
Чтоб я возрадовался утробой!

И, услышав обращение "друг",
С писком Комар проплясал свой круг
И полетел, по змеиному слову,
Пробовать кровь у всего живого.

Пьет, с высочайшего изволения,
Кровь — и звериную и людскую,—
Пьет и причмокивает, смакуя,
И, наконец, составляет мнение...

Гордый догадливостью своею,
Чуть не вприпляс он пустился к Змею,
Да на пути, у большой реки,
С Ласточкой встретился легкокрылой.

— Что ты, Пискливый,— она
спросила,—
Пляшешь, как будто хлебнул араки?..

Начал Пискливый пред ней хвалиться.
Стал он рассказывать умной птице,
Как, не щадя комариных сил,

Важную оказал услугу
Змею—

родному брату и другу.

И, подбоченясь, Комар спросил:

— Знаешь ли, птица, какая пища

И благородней другой, и чище,

И драгоценней всего от века?

— Что ж, о Пискливый?..

— Кровь человека!

Ею не брезгают даже люди!

Кто хоть единственный раз когда-то

Крови вкусил своего собрата,

Тот об ином не мечтает блюде!..

Змей, как попробует крови сладкой,—

Взвизгнул Комар,— как во вкус войдет,

Так человеческий гордый род

Весь истребит он, весь без остатка!..

Только об этом пока — молчок...

Ласточка молвит, как будто льстиво:

— Ну и остер у тебя язычок!

Вот бы взглянуть на такое диво!..

— Что же, любуйся всласть на него!—

Тотчас же пискнул Комар хвастливо...

Дорого встало ему хвастовство!

Только он высунул

тонкий, длинный

Жалящий свой язычок комариный,—

Птица проворно

голову вбок,

Стукнула клювом... Где язычок?!

Выклюнула

и сплюнула сразу,

Чтоб не схватить от него заразу.

Сплюнула...

И поднялась в облака,

На язычок не взглянула даже...

Ибо – хотя протекли века!–

Но ничего в нашем мире пока

Не было, нет и не будет

гаже

Длинного злобного языка!

Мчится Комар безъязыкий к Змею,

Но, объяснить ничего не умея,

В воздухе что-то ему чертит,

Ножками тоненькими сучит,

Крутится, мечется вправо, влево...

Змей посмотрел, зашипел от гнева:

– Смеха достойна твоя игра!–

И проглотил самого Комара.

...Вот что о Ласточке говорится

В притче правдивой старых времен.

Род человеческий ею спасен,

Ею наказан низкий злодей...

Нынче же

правнучка мудрой птицы

Мучится здесь на глазах людей.

Так завершил свой рассказ мудрец.

– Помню, слышал я другой конец.

Да и начало слышал не то,–

Словно с собой рассуждая вслух,
Вымолвил старый-престарый пастух,
Прежде гонявший отары пастух.
Лет ему, верно, стукнуло сто,
Может, перевалило за сто...
– Притчу о Ласточке слышал я часто,
Дед ее сказывал и отец,
Ночью, когда сторожил овец...
Притча о ласточке мне знакома,
Только рассказанная по-другому...

Вот ведь, Цецен, какие дела:
Ласточка эта – совсем не птица..
Прежде, чем птицей оборотиться,
Девушкою она была.

Так-то красива, так-то мудра,
Все языки превзошла человечьи,
Да и змеиное знала наречье,
Да и пищание комара.
Речи звериные разумея,
Всех поняла – комара и змея...
Вот и решилась на колдовство:
Ради спасения рода людского
Ласточкой стала круглоголовой...
Только не ведала одного,
Лишь одного и не знала слова–
Как человеком сделаться снова.
Птицей она навсегда осталась,
А ведь с каким женихом рассталась!
Мертвой нашли ее на пути...
Так-то ей горько было и тяжело...

Не пожалела жизни бедняжка,
Чтобы других от смерти спасти!..

– Так и нужно людям поступать!
Девушка вела себя отменно!–
Низкий голос прогудел опять.
Тот, что раньше возражал Цецену.
– И Герел согласие дать должна,
Не светила гневному в угоду,
Пусть собой пожертвует она
Для народа, чтоб помочь народу!

– Пусть Герел пожертвует собой!–
Люди закричали вразнобой.

И, поникнув головой красивой,
Ни жива Герел и ни мертва...

Но встает Цецен... Его слова,
Как всегда, просты, неторопливы...

Человеку, что судил всех строже,
Говорит он ласково:

– Сынок!

То, что здесь, на круге, ты изрек,
Будто бы на истину похоже,
Справедливо будто бы. Но все же
Есть в твоих суждениях порок.
Убоявшись холода и мрака
(Что вполне простительно, однако!),
Ты, под жестким натиском невзгод,
Приказал Герел весьма сурово:

”Пусть народу жертву принесет!..”
Ты, сынок, упомянул народ,
Но скажи, что значит это слово
И какая мысль таится в нем?..
Всякое ли скопище зовем
Славным этим именем?..

Едва ли

Так бы нас праправнуки назвали,
Если б дали мы Герел наказ,—
Мол, ”собой пожертвуй ради нас,
Ты, Герел, одна за всех в ответе!”,
Так народ не поступает, дети!

Свойственно народу чувство чести.
Мы ж сейчас, как стадо, сбились вместе,
В страхе покоряемся судьбе,
Каждый думает лишь о себе,
О своей беде, своей кибитке...
Верьте мне, народом нам не быть,
Если мы не сделаем попытки
И любовь и правду защитить!

Потому что подлинный народ—
Это справедливости оплот.
Разума и сердца торжество
Он осуществляет без помех.
Здесь

один

горой стоит за всех.

И стеною

все за одного!

Облеченный истинною властью,

Звезды – на небе.

И на земле

Скорбные звезды – костры.

День или ночь?

Неуследим

Ход их в глухом тумане.

К небу восходит горчайший дым

Горестей и страданий.

Даже отдельные деревья

Вырублены до корня...

Степь – словно бритая голова.

Стало ветрам просторней.

Рвутся в кибитку. Треплют кошму,

Хрипло визжат от злости...

Голос их сводит людей с ума...

Кажется людям, что смерть сама

На ледяном погосте

Пляшет и, вглядываясь во тьму,

Дует в дуду свою – гаганьму́

Из человеческой кости.

Пляшет, кривляется чья-то тень –

Смерти, судьбы ли, черта?..

Третья ночь или третий день?

Вечность

иль день четвертый?..

Нет ни луча.

Над головой–

Хохот сыча...

Собачий вой

Людам сулит злую беду...

Дует смерть в гаганьму-дуду...

Душу тянет, томит во мгле

Чтоб Герел – Цереновой невесте –
И Церену

поспешить в хотон.

...Вьюга замела привычный путь.
Двое, продвигаясь понемногу,
Бросили поводья...

Как-нибудь

Коня сами высмотрят дорогу
Там, где людям не видать ни зги...
Пелена кольшется седая,
За сердце хватает вой пурги...

И воскликнула Герел, рыдая:
– О, скажи, Церен мой!

Неужели

Эта стужа в месяце Коня,
Одичанье, тонкий плач метели,
Мука всей Земли – из-за меня?!
Почему жестокое светило,
Распалившись гневом,

не казнило

Лишь меня: ведь я – причина зла?!
Стала бы я пеплом и золою,
Но зато бы это горе злое
На других людей не привлекла!

Ц е р е н

Милая моя! Себя не мучай
И причиной бедствий не зови!
Ты своей душой – из лучших лучшей, –
Повинуйся голосу любви,

Не хотела никому худого...
Но...
Когда б тебе вернул я слово,
То, что столько счастья мне дало,—
Солнце воротилось бы, взошло
Над Землей, обид не поминая?!

Г е р е л

О Церен! И я того не знаю!
Может, Солнце и продлило б мечь,
Может, все осталось бы как есть
Даже после моего согласия...
Но скажи мне, что такое счастье?
Думалось – нет в мире ничего,
О Церен, твоей любви дороже...
Я люблю Церена моего.
Любим мы по-прежнему... И все же...
Если вправду вымрет все живое
И останутся на свете двое,
Уцелеем только мы вдвоем,
Разве счастье мы с тобой найдем
В ледяной пустыне, на могилах
Матерей, отцов, подружек милых?!

Ц е р е н

Что тебе сказать, моя Герел?..
От неисчислимой силы вражьей
Защитить бы я тебя сумел!
День и ночь стоял бы я на страже,
Чтоб тебя, любовь мою, сберечь...

Я бы на дракона поднял меч,
Если бы он к нам заявился в гости...
Но, Герел, на ледяном погосте
Прекращаются любви права:
Где иссякла жизнь – любовь мертва,
Страшно сердцу в этой бездне черной.
Вымрет все: надежда, радость, гнев,
И навек замрет, оледенев,
Ключ любви, источник животворный...
Без людей, без дружбы и участия
Нас добьют отчаянье и страх.
Нет, на человеческих костях
Человеку не построить счастья!
Я сказал, что думал... Не сердись!

Г е р е л

Милый, те же мысли родились
И во мне... Мне тоже так казалось...
Милый, за твою прямую душу
Всей душой благодарю тебя...
Что бы там потом со мной ни случилось,
Помни, я обета не нарушу,
Одного тебя всегда любя...

Ц е р е н

О Герел!.. Ты говоришь, как будто
Ты со мной последние минуты,
Точно сотня ядовитых стрел
Сердце бедное твое пронзила...
В этой мгле ты – словно бы вдали...

Но седьмые сутки не прошли,
Может, сжалится еще светило...
Веселее будь, моя Герел!..

Г е р е л

Для веселья нет причины, милый...

С верного пути не сбились кони.
Мрак вокруг немного поредел:
Кое-где горят костры в хотоне...
Вот кибитка, где живет Герел...

Под кошмою – говор приглушенный...
Гости собрались... Но где же мать?..
Матери в кибитке не видать.
Вкруг огня – все старики хотона...
А в углу, похоже, кто-то спит,
Толстыми овчинами прикрыт,
Тяжело и слабо их колышет, –
Кажется, овчины сами дышат...

Дед Цецен взялся за кочергу,
Угольки разгреб...
– Садитесь ближе,
Ближе подвигайтесь к очагу..
Нелегко приходится?.. Я вижу,
Что за эту тяжкую неделю
Вы как будто вдвое повзрослели...

Но тревожит что-то старика:
Нет в лице спокойствия былого...

Нехотя, цедя за словом слово,
Пристужает он издалека:
– Дети, если океан в волнение,
Рыбке, говорят, несдобровать...
Учит жизнь терпению и терпению...
Ты, Герел, спросила: "Где же мать?"
Из кибитки вышла мать вчера:
Отвязалась у нее корова,
Сами знаете – мороз суровый
Да еще кругом такая мгла...
В темноте тропу найти легко ли?
Чуть, бедняга, не замерзла в поле.

Девушку как будто обожгло...
Вызова понятны ей причины:
Там, в углу, где зыблются овчины,
Мать лежит и дышит тяжело...
Вся в слезах

Герел ломает руки...

– Плачь, Герел!–

сказал другой старик.–

Долг наш перед матерью велик.
Не оплатишь материнской муки,
День и ночь ее благодаря...
Мы, калмыки, говорим не зря:
"Если мать попросит, вскипяти
Чаю даже у себя в горсти".

Плачь, Герел, над ней и над собой,
Но поплачь и о своем народе...
Ведь седьмые сутки на исходе,
Нелегко тягаться нам с судьбой.

Мать отбросила овчины, села...
Страшен вид ее в рубахе белой,
Голос кажется чужим, тугим:
– Слышишь, дочка, помоги другим!
Людам, людам надобно помочь.
Трудно людам... Помоги им, дочь!

И плывут в дыму перед Герел
Скорбные, измученные лица...
Да, седьмые сутки пытка длится,
Не пора ли положить предел?
Девушка в слезах глядит на мать,
На Церена, на других, опять
На Церена... Вздогнула от боли:
"Разлучиться с ним по доброй воле?!"

Столько у нее в глазах тоски
И любви – неуголенной, лютой,–
Что Цецен не вынес...

– Старики!

Час рассвета не пришел как будто.
И к тому же – надо отдохнуть...
С матерью своей, Герел, побудь!

И ушел Цецен со стариками,
И Церен ушел за ними вслед...
Мать уснула...
Пляшет красный свет.
Съежилась Герел, глядит на пламя.
В теплую золу кладет ладонь
И тихонько говорит:

– Огонь!

Ты, что всех отважней и мудрей,
Душу робкую мою согрей!
Ты, могучий и прекрасоликий,
Силой одари меня великой!
Расточающий во тьму

лучи,

Озари Герел

и научи!

О, цветущий в глубине тумана!
Не твои ль живые языки
Шевелятся, словно лепестки
Красного огромного тюльпана?!

И не ты ли борешься со мглой,
Высоко взлетая над землей
Птицей краснокрылою?

И все же

Черной осыпашешься золой...
И тебе, быть может, трудно тоже?..
Может статься, чтоб светить и греть,
Надо, не щадя себя, гореть,
До конца сгореть, испепелиться,
Птицей-ласточкой оборотиться
И людей от гибели спасти...
Видно, так...

Прощай, Церен!.. Прости!

И она откинула кошму
И вступила в ледяную тьму.

Стих буран, и ветер ослабел,
И в хотоне услышали ясно:
– Солнце, Солнце!.. Это я, Герел!
Я решила, Солнце!.. Я – согласна.

Новый слух кибитки облетел:
– Люди, поспешите к Меч-горе!
С Меч-горы
на утренней заре
В небеса поднимется Герел!

Меч-гора – ох, стара она!
Меч-гора – что вверх, то и вширь!
Меч-горе стоять и стоять.
В стародавние времена
Поднял свой булат богатырь,
Сжав тяжелую рукоять,
Возгласил:

– Пускай племена
Позабудут слово "война"!
Да вкусят все люди покой,
Перестанут колоть и жечь!–

И воткнул могучей рукой
В землю
свой боевой меч!

... Что воды с тех пор утекло!..
Меч песками обволокло.
Поливало его дождем,
Опалял его летний зной,
Обвевал его вихрь степной,
Нарастали скалы на нем...
Тот обросший камнем
булат
Меч-горою стал, говорят.
У подножия Меч-горы

Пред рассветом сошлись на зов
Люди из окрестных краев.
Здесь они развели костры,
И во тьме зловеще багров
Был неверный отблеск костров,
Словно крови поток стекал
С Меч-горы

по уступам скал...

А на самом верху, где пик
В облака ушел напрямик, –
Там, пылая словно тюльпан,
Разрывая черный туман,
Далеко озаря тьму,
Небывалый костер горел...
И увидели все –

к нему

По горе всходила Герел.

Поднималась она, легка,
И казалось издалека –
Не касалась рукой своей
Ни кустарника, ни камней...

Словно бурю взметена,
Вверх по гладким скалам

она

Поднималась легкой стопой.
И предстала перед толпой
Наверху – меж огней и звезд,
Распрямившись во весь рост.
Красным светом светился пик,
И в толпе, притихшей вокруг,

Не один промолвил старик,
Произнес отец не один:
– Этот день ты запомни, сын!
– Этот день ты запомни, внук!

А Герел стояла, стройна,
Красным светом озарена.
Подняла она руки ввысь
И сказала:– Страданье мое!–
И сказала:– Желанье мое!
Белым лебедем обернись!

И едва воззвала Герел,
Лебедь, словно облако бел,
В небесах широко плеснув,
Опустился, встал на горе,
И горел его красный клюв
Жарче красных углей в костре.
И заплакала вслух Герел,
Как не плакала отродясь,
Посмотрела вокруг Герел,
На все стороны поклонясь:

– Вы, родные мои, семья!..
Вы, степные мои края!
Дайте я на всех погляжу...
Я от вас навек ухожу,
Потому что я вас люблю...
От земной любви во хмелю,
Совладать не умея с ней,
Истерзала я вас, казня,
Целых семь беспросветных дней!..
Вы простите, люди, меня!

Потону я сейчас во мгле.
Будьте счастливы здесь, в тепле,
В нашем светлом краю земном!..
Помяните меня добром!..
Говорила Герел с мольбой,
И рыдали люди кругом
Над несчастной ее судьбой,
И готов был сейчас любой
Удержать ее за подол...
Человек – он совсем не зол,
Он бывает добрым, когда
Отлегла от сердца беда,
Позабылся на время гнев...

А Герел, на лебедя сев,
Головой кивнула родным,
Золотым кольцом
своих рук

Шею лебедя обвила,
Приказала птице:
– Летим!–

Взмыли вверх лебяжьи крыла,
И в ушах только сердца стук.
Отошла Земля, поплыла, –
Уменьшаются огоньки...
Но внизу поредела мгла,
И внезапно к звукам тоски
Примешался радости звук.

А Земля внизу, отдалясь,
А Земля внизу, округлясь,
В голубой завернулась дым,
Шаром сделалась голубым...

И внизу в этот самый час
Жизнь по-новому началась.

Только лебедь из глаз исчез,
Только он ушел в небеса,
Вслед за ним – в черноте небес–
Узкой щелкою

полоса

Обозначилась, разлилась,
Разбежались пучком лучи,
Красный, розовый брызнул цвет...
И, ликуя,

люди в ночи

Закричали:

– Рассвет!.. Рассвет!..–

А лучи лились без конца
Снова сын увидал отца,
Снова брата увидел брат.
И узнали все, говорят,
Что на свете прекрасней нет
Человеческого лица...
И, увидев опять вдали
Ширь степей

и простор полей,

Все узнали, что нет милей,
Чем лицо родимой Земли...

А когда отогрелись все,
А когда насмотрелись все
На забытую красоту,
На сияющий мир земной,–

Все увидели в небе
ту,
Что такую тяжелой ценой
Людям свет вернула и жар,
Принеся свое сердце в дар:
Высоко над Землей ночной
И над Меч-горою родной
Обернулась Герел
Луной,
Серебристой Луною – Сар.

Меч-горе – стоять и стоять.
Сар-Луне – сиять и сиять.

Эпилог

Но где ж скрывался тот, кого Земля
Ждала с такой тоской и
упованьем?..

Он в голубом дворце из хрусталя
Все эти дни томился ожиданьем.
Все эти семь невыносимых дней
Световластитель

света сам не видел.
И Землю он отнюдь не ненавидел, –
Он просто-напросто забыл о ней,

Единственную мыслью поглощен,
Что нет Герел, что истекают сроки...
...Вдруг засияло что-то на востоке,
Властитель вздрогнул...

И увидел он:

Вдали, где мрак внезапно поредел,
Восходит юная Луна – Герел!
И засмеялось Солнце...

Добрый смех

Насквозь пронзил пространство ледяное
И обернулся на Землю весною!
Запели птицы, и растаял снег.

Был ясен Солнца светозарный лик,
Однако на щеках чернели пятна...
Происхождение их теперь понятно:
В чертог Световластителя проник
Дым от костров, курившихся в тумане, –
Едучий, горький дым людских страданий!

...Навстречу девушке спешит Великий...
Но пятна черные на светлом лице
Напомнили Герел, какое зло
Земле несчастной

Солнце принесло.

И вот Луна-Герел, в приливе гнева,
Бегом от Солнца, к западу, налево
Летит в струистом биизе своем...
Легко переступила окоем
И спряталась...

(Напору силы грубой

Случается порой и уступить,
Но совести и сердца не купить,
И то, что нам не любо, – то не любо!)
Тысячелетия тысячелетий
Прошли с тех пор...

Но только на рассвете

Проглянет Солнце, –
трепетна, бледна,
Сойти с небес торопится Луна.

Так было и пребудет неизменно,
Покамест день еще сменяет ночь:
Луна от Солнца убегает прочь,
Верна Герел любимому Церену...

А что Церен?

От горя и печали
В хотоне всех он избегал вначале
И в одиночку (иль вдвоем с Луной?)
Блуждал в степи серебряной, ночной...

Потом пронесся по кибиткам слух
(Охотно рассуждаем мы о ближних!),
Что стал общительней Церен-пастух,
Но все же он – чужак и чернокнижник.
Что по ночам он строит корабли,
С пристрастьем изучает птичьи крылья, –
Короче, прилагает все усилья,
Чтоб оторваться от родной Земли
И где-то там, в дали неодолимой,
С невестой встретиться своей любимой...
Кипучая жила в Церене сила...
Но в небеса подняться он не смог,
В своих исканьях горько одинок...
Не это ли ошибкой главной было?..

И говорят, что завещал он внукам:
Да посвятят они себя наукам

И в небо дерзко устремят полет,
Там храбрецов нетерпеливо ждет
Луна-Герел
в извечной круговерти.

И те, что ради счастья всех людей
Способны жизнью рисковать своей,
Стяжая славу,
не подвластны смерти!

Пастух Церен свершенья не достиг,
Желанной цели не сумел добиться.
Но сквозь века летят легенды-птицы,
И гнезда вьют они в умах людских,
Пронесут птицы в клювах золотых
Познания зерна, мудрости крупицы...
И может стать, в этот век чудес,
В котором мы ведем беседу с вами,
Для смельчаков, проникших в глубь небес,
Церенова мечта – не за горами...
("Не за горами!.." Разве не смешно,
Что некогда преградой были горы?)
Мудрейшим и храбрейшим суждено
Пуститься в дальний путь, должно быть,
скоро.

Они, усилия объединив
И подкрепив познанием порыв,
Преодолели прошлого ошибку.
И тем, кто мудр и беззаветно смел,
Готова подарить свою улыбку
Луна-Герел, иначе – Сар-Герел.

Повелитель время

Глава I

О том, как степь стала безлюдной

Без поводьев, без узды,
Без плетеного хлыста
Мчится черный конь беды,
Мчится весть из уст в уста.

Сквозь дырявую кошму
Пробрался в кибитки страх
И, как свойственно ему,
Гнезда вьет в людских сердцах.

Страшный слух ползет окрест,
И, кибитки разобрав,
Поднялись калмыки с мест,
Подались от сочных трав
В неизвестный тяжкий путь,
Уторапливая шаг,
Кто в леса куда-нибудь,
Кто в пещеру, кто в овраг...

Хоть скачи неделю вскачь,
Степь – безлюдна, степь – мертва
Лишь ягнят забытых плач
Слышен в ней едва-едва.
Всюду – пыль да солончак.

Веет ветер вестник зла...
Где дышал теплом очаг,
Там холодная зола.
Жизнь застыла, замерла,
Слышен дальний волчий вой...
И, поникнув всей травой,
Степь калмыка позвала:
– Где ты, сын мой?.. Где калмык?
Кочевать ушел куда?
Ты пасти в траве привык
Четырех родов стада.

Где теперь верблюдиц крик,
Ржанье, бляенье и мык?!
Вид мой нынче гол и дик...
Где хозяин, где калмык?!

Что нашел ты мне взамен?
Разве плохо меж цветов
Отдыхал ты от трудов?!
Брынзу съешь, попьешь чиген¹
И затянешь наконец
Песню грустную свою...
Стихло все в степном краю...
Где красот моих певец?..
Что калмыка не видать–
Озорного удальца?..
Выйди в теплой шубе... Сядь
На лихого бегунца!

---

¹ Чиген – кумыс.

Вихрем будет он лететь,
Ты ж покрикивай: «Хедь! Хедь!»
Да стремительней орла,
Выпадая из седла,
Изловчись и на весу
Ухвати за хвост лису!

Или плеткою своей
Волка серого огрей,
Чтобы он, пластаясь, лег,
Чтобы ты, удалый, мог
Прикрутить его ремнем,
Прихватить домой живьем,
Вот, мол, «вся и недолга!
Полюбуйтесь на врага!».
Кличет степь... Калмыка нет.
Завевает ветер след,
Далеко ушел хотон.

Где же, в чем причина бед?..
Может, с четырех сторон,
Из чужих, коварных стран,
С тихим позвукoм стремян,
Ощетинивши штыки,
Враг ведет свои полки?!
Может быть, набравшись сил,
Он мгновенье улучил
И теперь, в глухой ночи,
Подошел исподтишка?
Может, тучей саранчи
Двигутся его войска?!

Значит, враг напал врасплох?..
А быть может, это – бог?!
Может, он смотрел на нас,
Видит: мир в грехе погряз,
Каждый третий – лжец иль вор,
И разгневался творец
И наслал на землю мор,
Чтоб живым пришел конец!..
Может, он средь бела дня
Столп воды и столп огня
Двинул по степям стеной,
Насылая холод, зной,
Низвергая наугад
Серный дождь, железный град,
Синих молний снегопад,
Черных молний шквал пальной...
В том, что вымер край степной,
Враг ли, бог ли виноват?..

Но когда случилось так,
Что коварный грозный враг
Неожиданно напал,–
Где ж великий был Хамбал?..

Где его богатыри–
Смельчаки и силачи?..
...От зари и до зари
Славят хана джангарчи.
У него стальных мечей–
Что иголок у ежа.
От огня его очей
Скалы руются, дрожа.

У него войон Хаджи,
Что превыше всяких слав.
Купит он – лишь прикажи!–
Семьдесят любых держав...

Хан Хамбал непобедим.
Кто сравнится властью с ним?..

Он премудр, и он силен
Неизменной правотой.
Враг склонится, посрамлен,
Перед желтой пестротой
Боевых его знамен!

Быть не может, чтоб Хамбал–
Он, могучий лев степной,–
Точно заяц, побежал,
Обратясь к врагу спиной?!

Хан Хамбал бежать не мог!
Виноват небесный бог!..

Но когда б и впрямь господь,
На престол из туч воссев,
Свой – не слишком правый – гнев
Не сумев перебороть,
Руку в ярости простер,
Шевельнул перстом... И вот
Смерчи напустил и мор
На людской злосчастный род,–
Что же медлили они,
В пагодах своих, в тени,

Те, причастные к богам
Ламы, сотни сытых лам,
Что взирают свысока
На калмыка-бедняка
И искательно-добры
С теми, кто несет дары?!
Неужели в трудный час
Ламы, к богу обратясь,
Заступиться не могли
За простых сынов земли?!

Так виновны ламы?..

Нет!

Где же он – источник бед?!

Глава II

О хане Хамбале

В чем же он, источник бед?..
Любопытный, потерпи,
И услышишь ты ответ,
И узнаешь – что в степи.

Кто народ в бега погнал,
Оттеснил на рубежи?..
Это сделал хан Хамбал
И войон его Хаджи,
Убедив людей вдвоем,
Что страшней, чем божий гром,
Что опаснее войны
Зло внутри самой страны.

Распалая хана страсть.
Имя этой страсти – «власть».
Свой народ скрутил, связал
Прочной нитью хан Хамбал.
Он держал ее в руках.
Имя этой нити – «страх».

Был Хамбал стоглаз, стоух.
Кто бы что ни молвил вслух,
Доносил о том тотчас
Недреманный ханский глаз,
Ухо ханское и нос,
Соглядатай, верный пес,
И за дерзкие слова
С плеч катилась голова!

Днем и ночью кровь лилась.
Ощувив, что значит власть,
Сердцем хан окаменел,
И никто вокруг не смел
Искру света заронить
В темноту его души...
Всех держала страха нить...

А вайоны и тайши
Уловляли на лету
Приказанья его,
Прославляли доброту
И всезнание его.
И хвалу его делам,
Воскуря фимиами,
Возносили к небесам

Ламы – сотни сытых лам.
Столь манил их блеск наград
На бортах одежд святых...
(Ламы в пагодах своих
За погоду следят!)

Возражений не слыхав, –
Кто посмел бы спорить с ним! –
Хан Хамбал всегда был прав,
Прозорлив, непогрешим,
И под сладкий хор льстецов
(Лучшим был Хаджи-нойон!)
Понял, что из мудрецов
Самый-самый мудрый –
он!..

Помня это, хан Хамбал
Редко-редко раскрывал
Уважаемый свой рот,
Чтоб трепещущий народ,
Как жемчужины, берег
Те слова, что хан изрек,
Чтоб, восторгом обуян,
Лобызал он ханский след...
Был ли вправду счастлив хан?
Кто сказал посмеет «нет»?
Над людьми натешась всласть,
Рассуждал он:
«Под луной
Есть ли что ценней, чем власть?!
Я ль, Хамбал, не бог земной?!
Захочу – озолочу,

Захочу – предам мечу!
Я – владыка из владык!»

Но, случилось, в некий миг,
Гордым помыслам назло,
Вдруг сомненьице скребло
Душу где-то в глубине,
Копошась, как мышь в копне,
Подступив слюной ко рту,
Портя жизни полноту.
Если б мог он как-нибудь
Сам себе проникнуть в грудь!..

О, тогда бы хан Хамбал
Мышь проклятую достал
И швырнул бы злобно сам
На потеху жадным псам!
Но не властен он над ней–
Непонятно почему,
И она скребет сильнее!..

И не раз, не раз к нему
Сквозь закрытый плотно вход,
Через семь глухих ворот
Пробирался рой теней...
Возле спальни – караул.
А у ложа – смутный гул,
Стоны, лязг и скрип костей...
Тьма непрошенных гостей
Колобродит здесь всю ночь...
Хан привстанет, крикнет:– Прочь!
Где визирь? Ко мне скорей!..

И немедля из дверей,
Раздвигая створы вширь,
Грузно движется визирь.
Хан белей, чем полотно:
– Сколько нынче казнено?..–
И, согнув с трудом свой стан,
Назовет визирь число.
С каждым днем оно росло!..

Помолчит и скажет хан:
– Да, враги, враги вокруг...
Злонамеренна их речь.
Ты, визирь, со сворой слуг,
Вы должны меня беречь,
Лишь в моей большой тени
Могут длиться ваши дни!
Я паду – не станет вас,
Вы повиснете в петле,
Ибо вслед за мной тотчас
Страх исчезнет на земле!

Нитью страха хан Хамбал
Свой народ скрутил, связал...
Отчего ж его впотьмах
Самого терзает страх?

Что же в гулкой тишине
Он со лба стирает пот?!
– Прочно ль связан мой народ?
Может, заговор в стране?..
Соглядатая ко мне!..–
Соглядатай – ханский глаз–
Вполз, сквозь двери просочась...

– Обойди дома кругом!
Если сыщется жильё,
Где пред Буддой не стоит
Изваяние мое,
Пусть сожжен он будет, срыт,
Нечестивый этот дом!..
А того, кто в доме том
Угнездится, как змея,
Гнусный замысел тая,
Вместе с домом ты сожжешь!..
Голову собачью – с плеч!
Размозжить!.. Казнить! Отсечь!

Хан хрипит, впадая в дрожь.
...День и ночь дрожал Хамбал:
Как бы с трона не упасть!..
Но по-прежнему считал
Наивысшим счастьем
Власть.

Глава III

О нойоне Хаджи

Властью дорожа, Хамбал
Лишь вернейших возвышал.
Спросишь ты: средь ханских слуг
Кто особо отличен?
Кто у хана первый друг?..
Скажут все: Хаджи-нойон!

Поутру, глаза открыв,
Только он исподтишка
Не щипал себя слегка,
Проверяя: точно ль жив?..
Не страшны ему ножи,
Не опасна булава.
У щекастого Хаджи
Не такая голова!

С толстой шеи, с круглых плеч
Палачу ее не снести.
Должен хан ее беречь:
У Хаджи таланты есть!

В чем талантов этих суть?..
Может быть, Хаджи умен?
Может быть, Хаджи-нойон,
Прозревая жизни путь,
Настоящее с былым
Сверил разумом своим
И направил мыслей бег
Далеко, в грядущий век?..
Или, может быть, в боях
Слыл Хаджи богатырем:
Сек врагов во весь размах,
Подминал гнедым конем,
На копье низал тела,
Как кусочки шашлыка?..
Может быть, его рука
От врага страну спасла?..
Иль искусство скрипача

В совершенстве он постиг?
Души музыкой леча,
Украшая жизни лик,
Сея радость и тепло,
Чтобы все кругом цвело?..

Нет,— увы!— Хаджи-нойон
Не был знаньем умудрен
И, не склонный рисковать,
Не крушил он вражью рать.
Да и скрипка — ни при чем,
Не был он и скрипачом!

Дар Хаджи ни с чем не схож,
Но, однако же, хорош!
Право, впору хоть кому
Позавидовать ему!
Усмехнется он хоть раз,
С губ его слетит алмаз!
Чуть зубов покажет ряд—
И жемчужин крупных град
Звонко сыплется в мешок:
Сто жемчужин за смешок!
Как наполнятся мешки,
Прекратит Хаджи смешки!
Зарыдает он навзрыд—
Не слеза из глаз бежит:
Как струя степной реки,
Льется золото в мешки.
Лишь набив их до краев,
Прекратит Хаджи свой рев!

Были слуги у Хаджи–
Предостойные мужи!
Он из родичей своих
Во дворец привел троих,
И великий хан Хамбал
Всем троим посты раздал.

А какие – спросишь ты–
Были им даны посты?

Заостри вниманьем слух:
Первый муж – Пощечник был,
Главный мастер оплеух,
По щекам Хаджи он бил!
Сокрушительно крепка
У него была рука.
От пощечин выл нойон,
И мозольные кряжи
На крутых щеках Хаджи
Нарастали с двух сторон,
И бежала в три ручья
Золотых монет струя!

А когда на ханский двор
Звали плакальщиков хор
И, заполнив тронный зал,
Хор нойону подвывал,
Смотрит хан: в его казне
Нынче золота вдвойне!
И Пощечнику за труд
Хоть монетку, а дадут!

Что же муж второй умел?..
Мастер щекотальных дел,
Или проще – Щекотун,
Он касался тонких струн,
Превращая в мастерство
Все оттенки ремесла:
Ведь на пальцах у него
Шерсть пучочками росла,
Чуть Хаджи коснется он,
Хохотать пойдет нойон!..
За смешком звучит смешок,
За мешком набит мешок!..
А когда на ханский двор
Смехачей сзывали хор
И они вставали в ряд,
Хохоча с нойоном в лад,
Драгоценности – рекой!..
Хан подергает щекой
И, глядишь, Щекотуну
Даст жемчужину одну!

Ну а третий?.. Третий... что ж?
Третий муж – не ровня двум!–
Назывался «мастер дум»,
Думатель наемный тож.

Думать ханам – не под стать,
Ханам свойственно карать,
Изрекая приговор,
Подавляя мятежи...
И за хана до сих пор

Думал родственник Хаджи.
(Если только сгоряча
Хан не кликнет палача!)
Мысли изредка нужны,
Все ж они не жемчуга.
Посему большой цены
Третий не имел слуга,
И не так, как первых двух,
Содержал его Хаджи:
Мяса кус да брынзы круг, –
И не так чтобы свежи!

Так он жил, Хаджи-нойон:
И здоров, и невредим.
И надежно защищен
Дарованием своим.
Хоть крутенок был Хамбал,
Цену золоту он знал!

И нойон, раскрыв сундук,
Рассуждал:– Вот лучший друг,
Если он добром набит!
Я ль, Хаджи, не знаменит?!
Я – владыка из владык!..

Но случилось в некий миг,
Гордым помыслам назло,
В нем сомненьице росло,
Там, в душе, на самом дне,
Копошась, как мышь в копне:
«Только ль в золоте и честь?
Может, что другое есть?..»

И порой Хаджи-нойон
Видел ночью страшный сон,
Будто стал он хохотать:
Нет жемчужин, глядь-поглядь!..
Будто стал тереть глаза,
А из глаз бежит... слеза!
Словом, дар его иссяк.
Хан ему – заклятый враг.
Как лихой беде помочь?
Жизнь теперь невоготу!
Просыпался он в поту
И дрожмя дрожал всю ночь.

Но, сложив мешки в подвал,
Забывал Хаджи свой сон,
И Богатство почитал
Наивысшим счастьем он.

Глава IV

*О том, как жена изменила Хаджи
с верблюжатником*

«Только деньги – к счастью ключ».
Если ты богат, могуч,
Для тебя твоя жена
Вдруг становится стара.
Почему б тебе одра
Не сменить на скакуна?..

Так решил нойон Хаджи
И сказал жене седой:

Усмехаясь, он ронял
Белый жемчуг, алый лал
И скорей совал в мошну,
Покосившись на жену.

Был он толст, сутул и сед,
А она – весны юней.
С той поры прошло семь лет,
Словно семь коротких дней.

На запоре дом и двор.
Не войдет к нойону вор!

Но однажды вышло так:
Из наушников один
Возопил:

– О господин!–

И, бескостный, как червяк,
Стал ползти к ногам Хаджи
И, цепляясь за полу,
Целовал кафтан Хаджи,
Извиваясь на полу...

– Что стряслось?– спросил нойон.

– Ох, да буду я казнен!

Лучше б я ослеп, оглох...

Ваша честная жена...

К верблюжатнику она

По ночам приходит... Ох!

И поганец этот...

– Ложь!

Нечестивец! Все ты врешь!..–

Завизжал нойон, вскипев,
Но тотчас умерил гнев,
Ибо в глубине души
И жене своей Хаджи
Доверял, да не вполне...

«Поразмыслим в тишине.
Ни к чему излишний шум»,—
Он решил... Где Мастер дум?
Думатель приполз ужом,
Стал раскидывать умом:
— Может, и не врет шпион.
Но, однако же, нойон,
В этом деле, знаешь сам,
Верят лишь своим глазам.
Чуть жена твоя за дверь,
Ты за ней. И все проверь.

С наступленьем темноты
Слуг поставив на посты
У дверей и у ворот,
Всем наказ нойон дает:
— Кто пройдет — так знак подашь...

Полночь било. Слышит страж:
Чья-то робкая рука
Приоткрыла дверь слегка,
Кто-то
        кошкой
                в двери шасть!..
Женщина спешит, гибка,

В белом облаке платка...
Шепчет страж:– Нойон, беда!..

И нойон ползком, ползком
За знакомым за платком...
Да, жена, чтоб ей пропасть!..
У двукосых нет стыда,
Лгут, презренные, с пелен...
Видно, страх ее силен,
Но еще сильнее страсть!..

Вниз скользит она, во двор...
А нойон за ней как вор,
Злостью, гневом распален,
Кашель душит старика...
Возле груды кизяка–
Верблюжатник?.. Точно, он!..
К ней шагнул:
– Так ты опять
Заставляешь ждать и ждать?!

И, схватив большую жердь,
Замахнулся на нее.

А она:
– Уж лучше смерть,
Чем постылое житье!
Милый! Слаще твой удар,
Чем лобзанья мокрых губ
Муженька, что глуп и стар,
Муженька, что стар и скуп!
Бей, любимый!.. Крепче бей!..

И она, не помня зла,
Шею парня обвила
Белою рукой своей!..
Вот что увидал нойон,
Лютой ревностью палим!..
Кровь и жир кипели в нем,
Сердце билось, как налим,
Угодивший сдуру в сеть...
Больше он не мог терпеть!..
И взревел нойон Хаджи:
– Воры!.. Эй!.. Держи!.. Вяжи!..

И тотчас десятки слуг,
Притаившихся вокруг,
Устремились на двоих,
Навалились, сбили с ног
И, связав, швырнули их
В яму, в каменный мешок!

А потом пошел допрос
Так, как в ханстве повелось:
Установлена вина –
Палачу ведро вина.
Не доказана вина –
Палачу тогда хана!..
А подсудного казнят,
Виноват не виноват...

...Снова призван Мастер дум.
Чтобы казнь была страшна,
Тоже выдумка нужна:

Не карать же наобум!..
Все расчислив, наконец,
Думатель решает так:
– Лишь премудрый наш отец,
Озаривший светом мрак,
Он, великий, он один
В силах казнь изобрести,
Чтоб сумела потрясти
Обитателей равнин,
И вершин, и дальних стран...
Только он, всеильный хан,
В этом деле умудрен...
Поезжай к нему, нойон!

Глава V

*О том, как Хаджи-нойон
жаловался хану Хамбалу*

Пока допрос снимал палач,
Хаджи домчался к хану вскачь,
Признавшись через силу:
«Жена, мол, изменила...»
– Притом, – согнулся он дугой, –
Подумать только!.. Со слугой!

Узнав, что друг в беду попал,
Вздыхнул сочувственно Хамбал,
Но весть об этом странно
Омолодила хана:
В глазах блеснуло торжество,
Раздулись ноздри у него.

И, как булавки, в грудь Хаджи
Вонзает он вопросы:

– Что не хватало ей, скажи,
Хаджи, твоей двукосой?..
Малы казались сундуки?
Иль с золотом тюки легки?..
Сапфиры ли, алмазы
Не радовали глаза?

Иль не богатство – лучший клад?
Быть может, что другое?
Да как же так, Хаджи, мой брат,
Слюбилась со слугою
Нойонша, честь твою губя?..

(Тут хан подумал про себя:
«Удерживают счастье
Не золотом, а властью!»)

Повел рассказ Хаджи-нойон:
– Я был уже в дороге,
Когда палач – слегка хмелен!–
Выкручивал им ноги.
Но весть спешила вслед за мной:
Та, что звалась моей женой,
Презрела все обычаи,
Законы и приличия.

Она под плетью палача
Не плакала, не билась.

Одно шепча, одно крича:
«К нему явите милость!
Мол, я не то еще стерплю,
Снесу все муки ада!
Люблю его!.. Люблю! Люблю!..
Сокровищ мне не надо!
За все я расплачусь стократ!
А он ни в чем не виноват!
За все лишь я в ответе,
Поймав беднягу в сети!»

Палач, хотя и во хмелю,
Сил не щадил нимало.
Она ж свое: «Люблю! Люблю!»—
Упрямо повторяла.

При этом, правда, не был я,
Но я все время вижу,
Как корчится она, змея,
И слышу крик бесстыжий.

Короткий ум двукосой дан,
Хоть волосы длинны ее...
Придумай казнь, великий хан,
Достойную вины ее!

Хамбал на казни тороват,
Но тут потеха – тоньше!..
Хан помолчал...

– Хаджи, мой брат!

Подумай: казнь нойонши!

Легко ль казнить жену Хаджи,
Жену такого мужа!..
Казнь самой знатной госпожи!
Казнь женщины к тому же!..
Пожалуй, скажут, что Хамбал
С бабьем вступает в войны...
Нет, созовем большой хурал
И все решим достойно,

Продуманно, не впопыхах...
(Доволен хан заранее:
«Ох, будешь ты, гордец, в шутах
У всей придворной дряни!»)–
Хан позвонил. И на звонок
Примчались слуги со всех ног.
– Нойонов и вельмож ко мне,
И лам – господних стражей!
Всех уважаемых в стране
Созвать сюда сейчас же!

...И собирается хурал...
Визири и нойоны
Поспешно заполняют зал
Толпою золоченой.
И ламы – столько сытых лам!
Их лица словно маски.
Склонясь к Хамбаловым стопам,
Ждут ласки иль остратки.

Хан подымается на трон...
И все, отдав земной поклон,
Притихли...

Так во храме
Внимают далай-ламе.

Расслышать бы сейчас должны,
Как муха прожужжала,
Да мухи все истреблены
Велением Хамбала.
Подавшись корпусом вперед,
Все жадно смотрят хану в рот:
Чем их Хамбал одарит—
Погладит иль опшарит?

Едва пошутит хан Хамбал,
От смеха содрогнется зал.
Чихнет – все на колени,
И слышен шепот: «Гений!»
Как поглядишь со стороны:
Визири, и нойоны,
И все военные чины—
Совсем как псы хотона.
Хозяин кость метнет, и вот
Сосед, дрожа от злости,
Соседа насмерть загрызет
Из-за бараньей кости...

Пока что пици нет для свар,
И стая человечья
Благоговейно пьет нектар
Пространной ханской речи.
Но тот, кто приоткрыть бы мог
Коробку черепную,
Тот незаметно, под шумок,

Прочел бы мысль иную:
«Ну, и великие слова!
Да это ж все – как дважды два –
Известно и убого...
Кончай уж, ради бога!..»

По счастью, череп, он закрыт,
И, глядя на тупицу,
Шпион – и тот не разглядит,
Что там, внутри, творится...

Так долго речь Хамбал держал,
Что все кругом взопрели.
Тут к преньям приступил хурал
Уже на самом деле.

Приходит время говорить,
И натянулась страха нить...
Однако ж, просит слова
Визирь бритоголовый.

Он при дворе не новичок,
Поэт с повадкой лиса,
Усердный рифмователь строк...
Погладив череп лысый,

Он начал:
– Тот, кто столь велик,
Что буйных рек течение
Осилит за единый миг,
Кто поднялся на горный пик,

Кто пика мудрости достиг,
Прозрачным сохранив родник
Высокого ученья,
Тот, кто врагов развеял в прах,
Тот, кто, сравнившись с Брамой,
Свой образ утвердил в веках,
Наш красный, самый-самый
Наикраснейший меж светил
Отец-солнцеподатель,
Тот – волею небесных сил–
Хурала председатель,
Нам истину сейчас изрек,
Что с божьей искрой схожа...
Нет!.. Стоя не могу... Я лег
И продолжаю лежа
Здесь, в драгоценнейшей пыли...
Кто я?.. Ничтожный червь земли!..
Все, что великий хан сказал,–
Визирь пополз на брюхе,–
Все, что открыл нам хан Хамбал,
Стоглазый и стоухий,
Надежней каменной скалы.
А слог!.. Он столь прекрасен,
Что выше всякой похвалы!..
И я со всем согласен!–
И за визирем вслед все те,
Что были на хурале,
Ползком ползя на животе,
Свое согласие дали
С решением хана... Хоть Хамбал
Пока его не изрекал.

Хан, зная всех по голосам,
Внимал им, вял и ровен...
И вдруг хихикнул:
– Может, сам
Хаджи в беде виновен?..

О, что тут только поднялось!
Подобострастье, зависть, злость!
Загрохотало эхо
Неслыханного смеха!

Ходили стены ходуном.
Назвав войона каплуном,
Пицал толстяк сановник:
– Сам, сам всему виновник!–
Скопцы смеялись и ханжи,
Обжоры, опивалы...
Все выло, хохотало...
Молчал один Хаджи.

Глава VI

*Об измене ханши
и о великом решении*

Смех то стихал, то закипал,
Росли его раскаты,
Когда Хамбалу в ноги пал
Дрожащий соглядатай
И что-то под всеобщий гул
Владьке на ухо шепнул.

И побелел Хамбал как мел,
И почернел как туча.
Ногою топнул и взревел.
– Ты лжешь!– ревел могучий.

Столь страшен был державный гнев,
Что все притихли, помертвев.

Доносчик скрылся... И потом
Втащил, но без усилий,
Мужчину с женщиной... Жгутом
Обоих их скрутили.
Но женщина – почти дитя!–
Шла горделиво.

И хотя
Была в одежде рваной,
Хотя под взглядом хана
Глаза потупил весь хурал,
Но кто в ней ханшу не узнал?!
А рядом с нею, будто он
Побыл в когтях драконьих,
Но отпустил его дракон,
С ней рядом ханский конюх
Шагал, истерзан, грязен, дик,
Но молод, статен, светлолик!

Высоко голову подняв,
Сказала ханша твердо:
– Он прав, доносчик твой. Он прав,
Червяк с шакальей мордой!
На этот раз тебе поднес
Он истину из истин.

Люблю его, кровавый пес!
А ты мне ненавистен!
Люблю его! Он с песней схож,
С ним я познала счастье.
А ты вонзал мне в сердце нож...
Ты – стар!.. И скоро ты умрешь,
Со всей своею властью,
Что над душою не властна!..–
И... хану плюнула она
В лицо...

Почти что в забытьи
Он подал знак: их увести,
А сам – лицо в ладони–
Оцепенел на троне.
Страх, навалясь, расплющил всех.
Вдруг в тишине сгущенной
Послышался негромкий смех...
Да, смех Хаджи-нойона!
Смеялся он из-под руки,
И вокруг собирали воровски
Жемчужины, алмазы,
В карманы пряча сразу...

Хамбал молчал. И весь хурал
Вкруг трона в страхе обмирал.

Ночь в напряженности прошла.
Рассветная сочится мгла.
Все начеку, все молча
Чего-то ждут, чего – бог весть...
Вдруг хан привстал и крикнул:
– Мечь!

Ощерившись по-волчьи,
Вперяя в зал угрюмый взор.
– Нойоны и визири!
Земле не быть без двух опор.
Есть две основы в мире,
Которым никогда не пасть.
Задеть их – святотатство.
На первом месте в мире Власть,
А на втором – Богатство.
Те, что, измену затая,
Презрели без боязни
Первоосновы бытия,
Достойны лютой казни.–
Он вновь ощерился, как волк:–
Казнить жену – мой высший долг!
Нойоншу с ханшей плаха ждет,
И это справедливо.
А дальше... Дальше – твой черед,
Хурал мой терпеливый!
А дальше мы решать должны...
Ведь если... если две жены
Знатнейшие на свете
Своим супругам не верны,
Хаджи и мне – заметьте!–
Что стоит весь их женский пол?!
Средь них не сыщешь верной!
Пора пресечь источник зол,
Очиститься от скверны!
Скажите «да». Я дам приказ.
И мы веленьем божьим
Немедля
на земле у нас

Всех женщин
уничтожим!

Он кончил речь. Хурал молчал.
И каждый в страхе ощущал,
Как медленно идет ко дну,
Гуртом и в одиночку.
Кто вспоминал свою жену,
Кто мать, жену и дочку...
Но ханский глаз,
хоть хан замолк,
Сверлил их всех, пиявя.
В уме кружилось: «Высший долг»,
«Быть мягким я не вправе».

К тому же шкура... вот беда!
Другой не купишь шкуры...
И друг за другом:
«Да», «Да», «Да»,—
Все выдавили хмуρο.

Приказ подписан был и дан
От имени хурала.
Всех по домам отправил хан,
Не задержав нимало.

Военачальников зовет,
Сулит чины, награды...
— Уничтожайте женский род!
Рубите без пощады!..—
Пришел палач. Стоит, топчась,
В малиновой рубахе.

И хан велит ему тотчас
Две приготовить плахи:

– Как только пропоет петух,
Не позже и не раньше,
Казнишь прелюбодеек двух:
Нойоншу вслед за ханшей!

Глава VII

*Об исчезновении войск,
а также о странном старике*

Слух о том, что хан Хамбал
Уничтожить приказал
Женщин, девушек, старух, –
Леденящий душу слух,
Словно конь, порвав гужи,
В степь примчался на рысях.
И Хамбала и Хаджи
Проклиная так и сяк,
Поднялись хотоны с мест.

Тишь, безлюдие окрест.
Стала степь мертвым-мертва:
Только ветер да трава,
И хотя прошло семь дней,
Как, гоня лихих коней,
В степь отправились войска,
Нет от них вестей пока.

Но зудящим роем ос
В уши входят шепотки,

Будто войско разбрелось,
Всем приказам вопреки,
Словно кануло в туман...
Но о том не знает хан.
Все ж, того не зная, он
И смущен и раздражен.

Ибо дерзостный народ –
Точно вымерла страна!–
К хану в город не везет
Ни скота и ни зерна,
А из камешков Хаджи
Не печет никто коржи!

За напастями напасть.
От таких крутых времен
Похудел Хаджи-нойон
И слабее стала власть.

И надумал хан:
    «Я сам
Поскачу к своим войскам!»
И легко вскочил в седло:
Был он телом сухопар,
Рядом с ним Хаджи – как шар,
Хоть его и подвело!

Скачет степью хан сам-друг.
Видит хан, что степь мертва.
Ни живой души вокруг:
Только ветер да трава!
Да ковыль, как белый дым,

Расступается пред ним,
Словно две сквозных стены,
Две клонящихся волны,
Да порой из-под копыт
Птица с клеткотом взлетит!
Пыль и белый солончак...
Хоть бы где какой очаг!
Хоть бы где какой очаг!
Хоть бы где вдали хотон!..
Ни людей, ни тучных стад...

– Может, повернем назад?–
Предложил Хаджи-нойон.
Но могучий хан упряма,
И наметом по степям!

Воды Гооджур-реки
Проскочили напрямки,
Скакунов пустивши вброд,
Черный обошли курган
Вкруг подножия в обход,
Борогчон блеснул – лиман...
И тогда увидел хан:
Вдалеке белеет скот!..

Овцы белые паслись,
Возле них старик стоял,
На герлыгу опершись...

Вот к нему-то хан Хамбал
И направил скакуна,
Шпоры давши скакуну,

И, взглянув на чабана,
Подивился чабану.

Семь десятков старине,
Все ли восемьдесят лет,
А таскает на спине
Сундучище

                                дряхлый дед,
И такой, что по плечу
Молодому силачу!

Спешился великий хан,
Чабану он руку дал.

Молвил:

                        – Дедушка чабан!
Где, скажите, ваш хотон?
Далеко ль откочевал?..–
Зная наш степной закон,
Был учтивым хан Хамбал.

Спешился Хаджи-нойон:
«Старичок, видать, умен:
Что за долгий век земной
Прикопил он до сих пор,
Все таскает за спиной,
Чтоб добра не тронул вор!»

А старик, не торопясь,
Мерный свой повел рассказ:
– Вот ведь дожил до седин,
А в степи теперь один.
Все бежали кто куда,

Может, и за Борогчон...
Не догнать их ничем:
В спину гонит их беда.
Верно, слышали?.. Хамбал,
Тот, что горя не хлебал, –
Чтоб ему живому сгнить!
Взбеленился, что ль, злодей? –
Женщин всех велел убить.
Вот и нет в степи людей!
Кто в леса увел сестру,
Кто жену свою и мать...
Я же, старый, здесь умру,
Не под силу мне бежать –
Мне за восемьдесят лет!
Здесь помру, в родном краю...

А ее – жену мою,
Что дарит мне тихий свет,
Помогает в трудный час,
Я от глаз драконьих спас,
Утаил от ханских слуг,
Посадил сюда, в сундук,
И таскаю за спиной:
Не расстанусь я с женой!

Пресеклась у старца речь,
Увлажнился тусклый взор.
Бережно спустил он с плеч
Ношу, будто там фарфор...

Больше хан не мог терпеть!
Заревел он, как медведь,

Начал рвать на голове
Космы белые волос,
И по степи разнеслось:

– Луч последний мой погас!
Если встану я сейчас,
Ветер с ног меня собьет...
Рухнул добрый мой оплот,
Что меня десятки лет
Охранял от бурь и бед!

Ты была моей женой,
Ты детей мне родила,
По кровинке по одной
Жизнь другим ты раздала!

Я один во тьме густой.
Горе! Горе!.. Из руки
Выпал посох золотой,
Разлетелся на куски!..
Горе, горе мне!..–

Вот так

Лебедь меж речных зыбей
Над подругою своей
Вьется,
хоть мертва она,
И несет ее волна...
Если б камень плакать мог,
Если б камень услышал
Эти жалобы и стон,
Он слезами бы истек...

И, привстав на стременах,
Плетью показал Хамбал:
Не кибитка ль это там?

Да, кибитка!..
Между гор,
Веселя усталый взор,
Сквозь туман она плыла,
И была она бела,
Будто белый водомет,
Будто лебедь, что плывет
В тишине речных излук...
И хуура грустный звук
Чуть звучал из-под кошмы...

Вздвогнул хан:
– Сегодня мы
Утолим святую месть:
Женщины в кибитке есть!–
«Хорошо б сперва поесть!..–
Про себя вздохнул нойон,–
Мой желудок истощен».

И они по склону вниз
Вскачь к кибитке понеслись,
Доскакали до дверей.
– Эй, хозяйева!..

Скорей!..–
Завопил нойон.– Воды!
Да еды, еды, еды!..
Выходи сюда, кто жив!..
Хан оказывает честь,

Вас, ничтожных, посетив!..—
Девушек прекрасных шесть
Из кибитки, что была
Будто лебеда крыла,
Вышли, белизной светясь.
Источали свет они,
Словно ангелы-рагни.

Хоть не видел отродясь
Красоты такой Хамбал,
Все же он не пожелал
Спешиться и рядом сесть...
А рагни чудесных шесть,
Чередой идя, несли
В чашах тонкого литья
Лучшие дары земли—
Кушанья и питья,
Так что слюнки потекли
У голодного Хаджи
Наподобие вожжи.

В чашах,
                    чище, чем слеза,
Сладко пенилась арза,
И свела Хаджи с ума
Золотая актарма¹,
Прокопченная насквозь.
Вновь почуять привелось,
Ощущая кожей губ

---

¹ *Актарма* — мясное блюдо.

И с трудом смиряя дрожь,
Как душист он, как хорош
Жеребенка нежный круп!

Запахи, дразня, лились:
Пахнул кисленько кумыс,
И в кленовых пиалах
Крепкий чай мускатом пах!..
Запахи рождали звук,
Разъяря аппетит:
Предвкушал Хаджи, как вдруг
Теплый борцук захрустит!..

Лучшие дары земли
Девушки гостям несли,
Предлагали отдохнуть,
Позабыть нелегкий путь.
Проплывали чередой,
Излучая чистый свет...
И седьмая вышла вслед.

Хоть была она седой,
Голова как серебро,
Но шести рагнй под стать,
Но прекрасней молодой,
Ибо всех прекрасней Мать,
Ибо Мать – само Добро.
Красотою раздражен,
Хан Хамбал шепнул Хаджи:
– Это все исчадья лжи!
Вспомни хитрых наших жен.
Не они ли, поклонясь,

Подносили нам еду?
И лукавой лаской нас
Усыпляли на беду?!
Женский пол коварен, лжив,
Их язык медоточив,
Но злокозненна их речь!—
И, внезапно обнажив
Обоюдоострый меч,
Поразил он насмерть ту,
Что стояла перед ним
С полным блюдом золотым,
Излучая доброту.

Побледнев, качнулась Мать.

Но от хана отставать
Не посмёл Хаджи никак,
Тяжкий поднял он тесак
И вторую рубанул...
...Прокатился грохот, гул,
И на землю хлынул мрак,—
Точно лезвием меча
Раскололи небосвод,
И упал он, грохоча,
На простор степей и вод,
И в одно мгновенье ночь
Мир успела обволочь.
Двух убийц настигла мгла.
Меч подняв, застыл Хамбал,
Меч подняв, Хаджи молчал:
Камнем стали их тела.

Глава IX

*О том, как хана и Хаджи
допрашивала Мать Жизни*

Убийц беззвучно захлестнула мгла.
Проникло

        в глотки черное удушье.
Жестокий страх оледенил их души,
И каменными стали их тела.

В глубинах тьмы, как в глубине реки,
Молчанье тяжелой глыбой их сдавило.
Оцепеневшей не поднять руки,
Ноги затекшей сдвинуть не под силу.

И вот им показалось в ту минуту,
Что вынут мозг из черепа и будто,
Чуть красноватый, в черноте ночной,
Извилинами шевеля от стужи,
Стоит он вне хозяина, снаружи,
И только жилкой связан с ним одной...

Безмолвие внезапно расколосось,
И, как в пещере, странно гулкий голос
Объял их, он звучал со всех сторон.
Густой, однако же был женским он,
Могучий, был, однако же, немолод.
И падали слова, гудя, как молот,
На двух ошеломленных человек,
Впечатываясь в память их навек:
– За что, за что, скажите, вы убили
Двух девушек, двух трепетных рагни?

Радужно вас встречали не они ли?
Не доверяли разве вам они?..
Ты, старший, превращенный в изваянье,
Открой мне, в чем причина злодеянья?

Как звался ты?.. Слуга твой – кто таков?
Вы оба родом из какого края?..
Лишь правду говори мне, предваряю.
Иначе, не живя, не умирая,
Стоять вам до скончания веков!..

Поняв, что уклоняться бесполезно,
Из глотки, ставшей трубкою железной,
Хамбал, губами двигая едва,
Выталкивал застывшие слова.

Он начал говорить о власти хана,
Но в холоде и мраке, как ни странно,
Бессмысленно звучало слово «власть».
Козырную свою утратив масть,
Он продолжал бесстрастно, отрешенно,
Что им обоим изменили жены
И что хурал... К гортани речь прилипла,
И он ее не сразу отодрал,
Что, мол, хурал... Хамбал закончил хрипло:
Всех женщин истребить решил хурал...

Тогда земли заволновалось чрево,
И женский голос задрожал от гнева.

– Не то, не то!– со всех сторон
звучало.–

Начни сначала. С самого начала.
И вспомни, скольких жителей Земли,
Что жить хотели, что могли быть живы,
Вы истерзали, на смерть обрекли,
Ты – ради власти, он – из-за наживы.

Поведай все. И знай, что ложь пустая
Не защитит тебя, что я могу
Не слушать слов твоих, в твоем мозгу
Ваш путь, как на пергаменте, читая.
Знай, для меня нет помыслов сокрытых:
Всей жизни вашей предо мною свиток!

И время
        свой остановило бег,
Как лютою зимой течение рек.

В крошечной тьме светился красновато
Мозг двух людей, застигнутых бедой.
Неровное дыханье вразнобой
Выталкивало, гнало вдаль куда-то
Видения... Мерцающий их сонм
Был то как дым, бесцветно-невесом,
То
        красно-голубыми языками
Проскакивало и плясало пламя.

Все, что в себя за долгий жизни срок
Извилины впитали мозговые,
Все стали исторгать они впервые,
Свиваясь, как змеенышей клубок,
И, лишены словесной шелухи,
На свет явились тайные грехи.

И, как дрожащий, струпчатый урод,
Когда внезапно враг с него сорвет
Нарядные блистающие ткани,
Сокрытая причина злодеяний
Предстала голой.

И была она
Постыдна, отвратительна, грязна...

Жизнь повторялась пред глазами дико...
О, если б только шевельнуться мог
Хаджи ничтожный и Хамбал великий,
Они б тогда со всех бежали ног,
Чтобы не повторять свой путь растленный,
В себя вобравший все грехи Вселенной.
Жизнь кольцами свивалась, как змея,
И вместе с ней кругами преисподней,
Как по спирали, мысль свою стремя,
Все вспять да вспять пришли они к «Сегодня».

«Богатство», «Власть» – звучит в ушах
у них.

Но обе эти стопудовых гири,
Что перевешивали раньше

в мире

И «Правду» и «Любовь» для них двоих,
От их сознания словно отделились
И, потеряв значение, отдалились
С тех пор, как гулкий голос вдруг возник.
И тот, кто раньше властвовал над всеми,
И тот, кто был корыстью ослеплен,
Подумали в одно и то же время:
«Что значит этот голос, чей же он,
Тот голос, что звучит со всех сторон?»

Лишь мысленно они спросили это,
Но прозвучали вслух

слова ответа:

– Мать Жизни,

щедрой милостью своею

И вас двоих на свет я родила,
Во чреве девять месяцев лелея.
Чтоб вы вершили добрые дела,
Дала вам разум, приобщила к слову,
Я – любящая мать всего живого!

И, чуть смягчась, добавил голос вслед:
– Глаза рукой прикройте: хлынет свет!

И, сладкую свободу обретая,
К лицу послушно поднялась рука...
Но и сквозь пальцы, щекоча слегка,
Теплом пробилась струйка золотая.

Когда же, руки от лица отняв,
Увидели они струенье трав,
Ожившей кровью им наполнив жилы,
Впервые с ними степь заговорила.

Глава X

О властителе Время и о начале суда

В их жилах

силы пробудив живые,

Заговорила с ними степь впервые.

И видят оба: чередой стоят

И смотрят в душу добрыми глазами
Все шесть рагни – шести светилен пламя,
Шесть язычков затепленных лампад.

Стоят рагни, доверчивы, тихи,
В одеждах белых из сквозного киб¹.
Пленительнее музыки ятхи
Движений их девических изгибы.

Стоят, белея, ласковы, чисты.
А перед ними – Мать всего живого,
И столько просветленной доброты
В ней, величавой и седоголовой,
Что, заглянув в лицо ее,

Хамбал

Вдруг зарыдал: он мать свою узнал!

Он сладко плакал, сбрасывая груз,
Хранимый долго, ненавистный самый...
Он плакал, как ребенок:

– Мама!.. Мама!

О, помоги мне, мама!.. Я боюсь.

Ох, мама! Страшный сон приснился мне:
Я властвовал, я повисал в провале...
И столько бед я натворил в том сне!..
Эрлики «жизнью» этот сон назвали.

У матери просил, как в детстве, он
Спасенья от эрлика – злого духа...

---

¹ Киб – шелк.

А рядом всхлипывал Хаджи-нойон:
И перед ним стояла мать-старуха,
Защитница, хранительница прав,
Дающая всему живому имя...

Два образа различные приняв,
Мать Жизни предстояла перед ними,
И каждый к ней тянулся, узнавая
Забытый образ матери своей:
– Спаси нас, мама!.. Защити, родная,
Несчастных, заблудившихся детей
От духов зла, что затаились в безднах,
От джунглей жизни, где рычит напасть,
От львов, разверзших огненную пасть,
От их зубов, от их когтей железных!

Но взгляд на них метнула Мать рагни,
И был он жестким, гневным, непреклонным.
Он леденящей стуже был сродни
И обжигал металлом раскаленным:
– Опомнитесь! Вы подняли мечи
На две звезды, струящие лучи!
Да, вы, вы оба, волей самовластной
Двух дочерей моих

из тех шести,
Кому огонь поручено нести
По всем шести частям Земли прекрасной,

Убить хотели, жизнь у них отнять!..
Нет, этого простить не может Мать!
Убийца страшен. Но вдвойне убийца
Тот, кто на женщину поднимет меч!

Не от нее ли, может быть, родится
Мудрейший, что способен зло пресечь?
Не дети вы!.. И путь ваш был тлетворен.
Ярьсь, вы подрубали жизни корень,
Расшатывали истины основы!..
Деянья ваши к небу вопиют...
И да свершит над вами

правый суд

Властитель Время сереброголовый,
Он, отделяющий Добро от Зла!..–
И Мать, сложив ладони, воззвала:

– Судия седой пути земного,
Сотворивший трон из облаков,
Страж – ревнитель истины суровой,
Собиратель тайн во тьме веков,
Солнцеликий!.. К нам, сюда, слети!
Светлым посещеньем нас почти!

И девушки – шесть трепетных рагни,–
Сложив ладони, стали на колени
И вознесли смиренные моления:
– Лучами нас, о Время, осени!

...И тогда багровый солнца жар
Лучик вниз послал...

И постепенно

Лучик разрастался в белый шар.
Ближе, ближе...

Из блестящей пены

Выплыл, с ней сливаясь бородой,
Старец Время – властелин седой.

Восседая на высоком троне,
Матери с почтеньем поклоняясь,
В сторону рагни раскрыл ладони...
– Дедушка! Скучали мы без вас!–
Весело рагни защебетали,
Лбами к старческой руке припали.

С белыми, как пена, волосами,
С белыми, как белый день, усами,
Старец Время озирает свой трон
И молчал, в раздумье погружен.

А затем, взглянув на двух убийц,
Пальцем шевельнул он еле-еле...
Кубарем они с коней слетели,
У подножья трона пали ниц.

Глава XI

О суде

Восседая на высоком троне,
Сотворенном мастером, который
Всех искуснее и умудренней,
Чьих рисунков плавные повторы
Столь блистательно в себя впитали
Краску стекловидную эмали,
Чьи неповторимые узоры,
Перламутровые переливы,
Белыми повиты облаками,
Бирюзою блещут, жемчугами,
Вправленными в золото красиво,–

Перед ним роившихся в тумане.
Над одной страницей

он вздохнул,
И помедлил, и рукой махнул...
...Ночь надвинулась на мир

опять.

Миг прошел, и стало вновь светать,
Снова степь вокруг шуршит травой...
Но, однако, что-то в ней иное,
И Хамбал толкнул Хаджи:

– Смотри!

Видишь?.. Пёрвалов только три!
А шестидесяти трех не стало.
Где же остальные перевалы?..
Третий перевал на холм похож,
Невелик он, точно горб верблюжий...–
Видят: женщина склонилась тут же,
В маленькой руке сжимает нож,
И копает да копает землю,
И просеивает...

Не затем ли,
Чтобы золото найти в песке?..
(Так Хаджи подумал...)

В пузырьке

Рядом с ней прозрачная водица,
Женщина нет-нет в нее взглянется,
Взбалтывает скудное питье
И опять берется за свое:
Роет, роет ножиком упрямо,
Хоть на пальцах ссадины и шрамы,–
Видно, долго ей копать пришлось...

– Кто она?–

спросил Хамбал с тревогой.
Старец Время, помолчав немного,
Притчею ответил на вопрос.

Притча о верной Лоле

Времени поток вперед стремится.
Вспять листая вещи страницы,
Повернул я ход его тяжелый.

Ту, что ножик тупит – не затупит,
От работы вечной не отступит,
Люди называли верной Лолой.

Жениха, что был так дорог Лоле,
Взяли в плен, убили, размололи
В порошок – ни много и ни мало–

Между мельничными жерновами,
Прах развеяв над семью морями...
Но об этом девушка не знала.

И пошла скитаться Лола, плача,
И копала землю наудачу,
Тело милого ища повсюду.

Если бы найти ей это тело,
Оживить его она б сумела:
В пузырьке ее таятся чудо!

Пригрозили Лоле духи света:
– Откажись от страшного обета–
Женщине любовь всего дороже!..

Без любви погибнет жизнь Вселенной!
Тот, кто жизнь отвергнет дерзновенно,
Смерти будет недостоин тоже!

Лола их угроз не испугалась.
Все копала, прочь гоня усталость,
Не передохнув ни на мгновенье.

Смерть ее сторонкой обходила.
Время

    Лолу в призрак превратило.
Стала Лола бестелесной тенью.
Вот они откуда – перевалы!
Возвела –

        ни много и ни мало–
Шестьдесят и шесть над степью голой
Та, что ножик тупит – не затупит,
От любви единой не отступит,
Та, кого назвали
        верной Лолой.

Глава XII

О продолжении суда

– Продолжаем суд! –
        закончив притчу,
Рек Властитель. –
        Как велит обычай,

Уравняем мертвых и живых,
Вопрошая первых и вторых.

Что-то углядев за смутной далью,
Старец Время возгласил с печалью:
– Ближе подойдите, две жены.
Вы, что волей хана
казнены!

И две тени млечно-голубые,
С красноватой полосой на шее,
Проступили, странно хорошея,
И задумчивее, чем живые,
На мужей взглянули так беззлобно,
Видно, смерть им знанье даровала...
Но внезапно стужею заgrabной
Обдало нойона и Хамбала...

– Ты, при жизни ханская жена,
Расскажи нам, в чем твоя вина?

И затрепетала тень сквозная:
– За собою я вины не знаю!
Если в чем-то виноват цветок,
К солнцу простирающий любовно
Каждый свой прозрачный лепесток,
Может быть, и я тогда виновна!..
Но, о Время, если б высшей властью
Ты решил в мир меня вернуть,
Знай, что вновь бы я рванулась к счастью,
Прежний грешный повторяя путь!..

– Слышали?– ликуя, вскрикнул хан.–
Как привержена она к грехам!

Но одна из девушек-рагни
К старцу возвала:

– Меня вини!..

Хан Хамбал, круша и убивая,
Позабыл о ней, своей жене.
Мучилась ее душа живая,
Видя все и стоя в стороне.

И тогда, исполняясь сожаленья,
Я, по материнскому веленью,
Женщине сказала: «Оживи!»–
Вдунула в нее огонь любви.

Не ответив девушке ни слова,
Время – властелин седоголовый–
Суд продолжил:

– О жена Хаджи!

О своем проступке расскажи!–
И затрепетала возмущенно
Та, что на земле была женой
Богатея, старого нойона:
– Никаких проступков нет за мной!
Мне что золото, что кизяки!
Я сожгла б с деньгами сундуки,
Лалов-жемчугов не замечая,
Чтоб согреть мне поскорее чаю,
Чтобы милый мой, красив и смел,

– Пощади!..–

взревел Хамбал в тоске.–

Мы другими стали. Мы ослабли...

И – тому свидетель бог Дарке!–

Крови больше не прольем ни капли.

Смилуйся!..–

А втайне думал сам:

«Буду жив, так все переиначу:

Землю я взорву ко всем чертям,

С наглым старцем Временем в придачу!»

Оглядысь по сторонам, Хамбал

Эту мысль испуганно прогнал,

Не затем, что Землю жалко стало,

А чтоб Жизни Мать не прочитала!

Но почувял дуновенье Зла

Время – властелин седоголовый.

Омрачился блеск его чела,

Снова он перелистал и снова

Книгу, что лежала перед ним,

Возглашая голосом глухим:

– К вам я обращаюсь. К вам, казненным
Ханом и его слугой-нойоном!

К вам, кто низкой клеветою сгублен,

Засечен бичом, мечом зарублен,

К вам, кто псами лютыми затравлен,

Втихомолку палачом удушен

Иль на людной площади повешен,

Кто сожжен, чей прах с землею смешан!..

Встаньте!.. Обретите ваши лица!

Медленно теките вереницей,

Чтоб глядели вам в глаза убийцы!

И как будто горы-исполины,
Собрались средь степи воедино
И на поясах тянуться стали,—
С громом дальние разверзлись дали,
И раскрылись тайные могилы...

Черным дымом небо затянуло,
Заклубились тучи, сбились в кучу,
Вой протяжный, леденящий душу,
Отделясь от скрежета и гула,
Страшного, как при землетрясенье,
Стал расти... И вдруг, пространства руша,
Пала наземь, раскололась туча...
И пошли из тучи тени, тени...

Шли они безмолвно по дороге.
Кости шли, обтянутые кожей,
Что с землей растрескавшейся схожа,
Шли, сгибаясь, высохшие ноги,
Шли глаза такой кричащей муки,
Что еще не видана на свете...
Старцы шли, и женщины, и дети...
Точно змей вился тысячерукий:
Голова на дальнем перевале,
Зыбкий хвост — между степной отавы.
Тени шли, истерзаны, кровавы...
И Хамбал с Хаджи к земле припали,
Сжались в ожидании расправы.
И промолвил старец светолицый:
— Как вода стекается в низины,
Реки крови, пролитой безвинно,
Рано ль, поздно — захлестнут убицу...

Но раздался стук... И ядовитый
Змей сторукий сгинул...

И в надежде

Услыхал Хамбал: стучат копыта,
Слышен голос, столь знакомый прежде...

Глава XIII

*О попытке посторонних
вмешаться в ход суда*

Ближе, ближе слышен стук...
Трое верных ханских слуг
Миновали речку вброд...
Впереди сановник, тот,
Что держал в хурале речь,
Поспешив на брюхо лечь,
А за ним – на скакунах –
Два визиря в орденах.

Ближе цоканье и стук...
Трое самых верных слуг
Жаждают хана разыскать...
Где струивший благодать,
Где кормивший столько лет?..
А за всадниками вслед
Пешим ходом, между трав,
Без Хаджи оголодав,
Наострив свой чуткий нюх,
В каждый вслушиваясь шум,

Мчатся
    Мастер оплеух,
Щекотун
    и Мастер дум.

Синевой блеснул лиман–
Долгожданный Борогчон...
Где же он, великий хан?
Где Хаджи – его нойон?..

Видят всадники: в дымке
Замелькала вдалеке
Та кибитка, что была
Словно лебеда крыла...
Вот он, вот он, ханский стан!..
Подскакали с двух сторон...

Золоченый видят трон...
Но сидит на нем не хан–
Старец с белой бородой.
Возле матери седой
Шесть рагни, как шесть лампад,
Источая свет, стоят...

Где же он, что столь силен?
Где Хаджи, его нойон?

Боже! Верить ли глазам?!
Самый-самый сильный, сам
Мудрый кормчий всей Земли
И его нойон Хаджи
Пресмыкаются в пыли,

Как ничтожные ужи,
У подножия того,
Кто глядит как божество!
И сановник – тот, что лыс
И притом хитер, как лис, –
Вдруг смекает, что Хамбал
В плен к сильнейшему попал.

Кто умен – не пропадет,
И поэт, – сановник тож! –
Повалившись на живот
И уставясь старцу в рот,
Начал:

– Ты, что столь хорош,
Столь разумен и велик,
Что в единый миг постиг
Мудрость самых толстых книг!
Хан, каких меж ханов нет,
Дав облобызать свой след,
Милосердно разреши
Мне,

по простоте души,
Рассказать тебе, отец,
Как замучил нас вконец
Кровожадный бывший хан –
Самодур, палач, тиран!..
Видишь, дышим мы едва...

И тотчас
визирия два,
Те, что ели-пили всласть
У нойона на пирах,

Побоясь впросак попасть,
Перед троном пав во прах,
Возопили:

– Грабежи
Учинял нойон Хаджи!
Как набил он сундуки?..
Не иначе: две руки
Запускал в мешок казны!..
Вы казнить его должны!..
Хоть давненько хан Хамбал
В грош не ставил род людской,
Все же подлости такой
Даже он не ожидал
От того, кого вознес...
А Хаджи повесил нос,
И скатился на песок
Крупный золота брусок.

Потемнела Жизни Мать,
И, взглянув на лик ее,
Старец что-то стал шептать.
И она взяла копьё
И метнула в старика...

А копьё, звеня слегка,
Сквозь него, как сквозь туман,
Пронеслось... Он невредим.

– Нет, пришельцы, я – не хан!–
Обращаясь к шестерым,
Старец Время
начал речь.–

И не может острый меч
Причинить мне вред и боль...
Соткан я и сотворен
Из людских бесчисленных воль,
Из желаний всех племен.
«Время» – так меня зовут.
Я творю над жизнью суд
И в ответе за нее...
Здесь – святилище суда,
Что ж слетелись вы сюда,
Как на падаль воронье?!
Силой хвастает шакал,
Зная, что бессильны львы.
Где, скажите, были вы
В дни, когда царил Хамбал?..

Вы ль не ставили печать
На любой его указ?..
Что ж надумали сейчас
Вы его избличать?.

Там, где Время – судия,
Посторонним места нет!
Час пробьет, и кликну я,
Вы дадите мне ответ,
И воздам я по делам!..
А покуда по домам!

И вскочили на коней
Трое слуг, что всех верней...
Завилась поземкой пыль...

Зашагал, топча ковыль,
За Пощечником вослед
Щекотун почтенных лет,
И за ними, поотстав,
Меж степных шуршащих трав,
Раздосадован, угрюм,
Брел наемный Мастер дум.

Глава XIV

О приговоре суда

Затихли голоса и стук копыт...
И снова Время суд ведет суровый...
– О Мать!.. Хочу твое услышать слово! –
Сказал Властитель.–

Все оно решит.

Мать начала:

– На свете все живое
От женщины... Лишь за убийство жен
Могли бы лечь на плаху эти двое.
Но разве ими грех один свершен?!
В их списке –
горы тяжких преступлений!..
Не искупить их в огненной геенне!..
Так почему же совесть в них молчала?
Обожествив сокровища и власть,
Они изгнали из души начала,
Способные облагородить страсть!
От лести пьяные, тупея, руша
Законы человеческие отцов,
Рассудок потеряв,

в конце концов
Они казнили собственные души!

Потушилась седая голова,
Он молча погрузился в размышленье.
Он видел Книгу... От ее страниц
Взлетали искры гнева, жгучей муки,
И видел он, как вздрагивают руки
Хамбала и Хаджи, простертых ниц...

На них остановив

орлиный взор,

Изрек Властитель Время

приговор:

– Хамбал умножил здесь свою вину,
Поклявшись – в мыслях – уничтожить
Землю.

Казнить его за эту мысль одну
Я мог бы...

Все же, милосердью внемля,
И зная цену крови дорогую,
И не желая, чтобы нынче вновь
К пролитой крови прибавлялась кровь,
Хамбалу и Хаджи я жизнь дарую!
Вставай, Хамбал!.. Пусть мощь твоя растет,
Но пусть тебя не вводит в прегрешенья
И хоть кому-то в мире принесет
Не сокрушение, но утешенье!
(Хамбал привстал, восторгом озарен,
Как будто снова он всходил на трон.)

– Сокровища умевший умножать,
Хаджи, ты сохранишь свое уменье,
Но, поднимая золотую кладь,
Лишь радость принесешь и утешенье!

(И поднялся, восторгом озарен,
Хаджи, как будто он опять нойон!)

Жизнь предвкушали пленники заранее...
Но старец поднял Книгу Воздаяний:
– Гордец Хамбал, чья сила велика,
Да превратится в мощного быка!

И только-только вымолвил старик
Слова свои, звучащие приказом,
Взамен Хамбала – круторогий бык
Предстал, к столбу веревкою привязан,
И, словно вопрошая: «Почему?»–
Ревел, вытягивая шею:
– Му-у!

А старец приступил к другому чуду:
– Бездельник и скупец Хаджи-нойон,
На радость всем, ты будешь превращен
В полезного рабочего верблюда!
И только-только вымолвил старик
Свои слова, как подошла расплата:
Хаджи-нойон исчез, и в тот же миг
Взамен его предстал верблюд горбатый!
Хотел Хаджи взмолиться:– Пощади!–
Верблюжий крик рванулся из груди!..

*

И облако, пушистое, как снег,
Спустившись с неба вниз, одело тех,
Кто правил суд: седого старца Время,

И Жизни Мать премудрую со всеми
Светильнями Земли – шестью рагни...
И тихо в небо поднялись они.

А там, внизу, в глухой пустыне ночи,
Привязанные накрепко к столбу,
Верблюд и бык – полезный скот рабочий–
Встречали новую свою судьбу.

Глава XV

О радостной вести
и о ликовании степи

Без поводьев, без хлыста,
Шибче вольного коня,
Весть бежит из уст в уста,
По степи летит, звеня.
Говорят: навек пропал,
Буйным вихрем унесен
Ненавистный хан Хамбал
И Хаджи – его нойон.

Из болота, где туман,
Из пещер, повитых тьмой,
Из чужих, лихих сторон,
Услыхав, что сгинул хан,
Возвращаются домой
За хотонами хотон.

Вновь калмык в родном краю.
Снова видит степь свою!

Тот, кто жив и невредим,
Вновь по степи гонит скот,
Вновь густой, как сливки, дым
Над хотонами плывет.
Ветер в травах шебаршит...
Альчиков расставив ряд,
Мальчуганы говорят:
– Кто-то к нам в хотон спешит...

Поднялся собачий вой,
Точно псам швырнули кость.
Гость пришел?.. Да нет, не гость,–
Паренек хотонский, свой...
Он торопит: пусть сойдут
С ним в низину напрямик–
Там привязан мощный бык,
Там, на привязи, верблюды!

По совету паренька
Все пошли путем степным
И увидели быка
И верблюда рядом с ним.
У животных грустный вид,
Словно голод их томит.
И сказал чабан-калмык:
– Мне знаком весь скот окрест.
Верьте мне, верблюды и бык–
Не из наших, здешних мест!
Привязали их чем свет,
А хозяев, видно, нет...–
Тут обжора из обжор,
Все молчавший до сих пор,

Облизнувшись, речь завел:
– Нет хозяев налицо?..
Скот прирежем – и в котел!..
Превосходное мясо!–
Но, взъярившись, мощный бык
Поднял дикий рев и мык,
Заметался и верблюду,
Привязь рвут, копытом бьют!..

Снова речь пастух ведет:
– Этот скот – разумный скот.
Ясно, что верблюду и бык
Разумеют наш язык.

Может, мы поступим так?..
Вон стоит вдовец-бедняк,
У которого Хамбал
Всю скотину отобрал.
Осчастливим старика:
Отдадим ему быка.
Будет нам возить навоз
Этот бык-тяжеловоз.
А верблюду слабее, что ль?
Пусть хотону возит соль!

Не потратив слова зря,
Порешил на том народ,
И, хотон благодаря,
Просияв, шагнул вперед
Осчастливленный вдовец:
– Отгулял Хамбал свое!
А мое житье-бытье

Бунт разума

Часть первая

1

Со смертью жизнь – две силы, две основы, –
Соединяя мудро и светло,
Кристалльно чистой влагой родниковой
Смягчая Боль и укрощая Зло,
Отрадно возвращаясь, мерно споря
С ожесточением людского горя,
Печали здешней воздавая дань,

Но унося через земную грань,–
Из тесноты страдающей Вселенной
В клубящийся покой иных начал
Плыл моцартовский Реквием нетленный
И Вечности сиянье излучал.

Торжественная музыка стекала
По гробу из блестящего металла,
Прибывшему сюда издалека
Через моря, хребты и облака.

В нью-йоркский дом, в притихшую
знакомость

Внесли его сегодня на руках,
Домой пришел оледенелый прах
Того, кто лишь недавно звался – Томас.

Гроб Томаса

открыт, как повелось.
Желтеет лоб под свежими бинтами.
На гробе, всеми полосами вкось,
Лежит Америки великой знамя.

И Томаса

ботинки, сиротея,
Вблизи от гроба прячутся в тени.
Напрасно ждут хозяина они
И вопиют всей пустотой своею.

Грудь Томаса

при жизни не украся,
На маленькой подушке, на атласе,
Блестит медаль – кругла и холодна:
Она покойнику присуждена...

Смерть Томаса

печально утверждая,
Бумага плотная белеет с краю,
Оповестив Адама и Катрин–
Супругов Крейзи,– что на поле боя
Исполнил долг единственный их сын,
Себя прославив гибелью героя.

За белым гробом

в кресле черной кожи,

Увешан орденами, сух и сед,
С фигурой восковою странно схожий
Сам старый Тафт, достопочтенный дед,
Отец Катрин, суровый тесть Адама.
Он в кресле держится, как прежде, прямо,
Военной выправки не потерял,
Он и в беде – вояка, генерал...
А дочь его – Катрин – пригнуло бремя
Ужасной вести: «Сын убит, убит...»
И Моцарт вместе с матерью скорбит,
И, кажется, остановилось время.

Но, точно отмечая бег минут,
Два воина с квадратными плечами
На место неподвижных двух идут,
И караул сменяется в молчанье.
А по углам кружатся шепотки.
Под музыку
                                 знакомые, соседи
Беседуют вполголоса...

В беседе

Иные все же достают платки
И трут глаза... Такое с ними тоже
Случиться может... Но, конечно, позже,
Гораздо позже... А до этих пор
Они ведут о мертвом разговор,
Приличный случаю, благопристойный,
И каждый уверяет, что покойный
К нему явил особое доверье,
Сказав, что свой предчувствует конец!..

Течет беседа.

В стороне, у двери,
Сидит застывший Томаса отец.

2

Случается,— единственное слово,
Вместив непоправимую беду,
Привычных дней взрывает череду,
Как звук неожиданный выстрела шального,
Лесную тишину вспугнувший вдруг,
Ломает плавный журавлиный цуг.

И пуля, жгуче пронизав кадык,
Предсмертной мукой пресекает дых.
Все кончено... И свет в тебе потух.
Все черной перечеркнуто чертою,
Как будто Араха — калмыцкий дух—
Пожрал на небе солнце золотое,
Как, по преданью, свойственно ему,
И насыляет пустоту и тьму—
За глыбой глыбу!— сотрясая, руша
От боли помутившуюся душу.

Кровавой гарью мир запорошен.
В глазах того, кто горем оглушен,
Жизнь предстает совсем в ином разрезе.
...Сидит у двери бледный доктор Крейзи,
Вздохнет, губами шевелит опять,
Пытаясь что-то главное понять.

Напрасно!.. Рушатся сознания своды,
Сместились все Сегодня и Вчера,
Как будто Атлантические воды
Разбушевались... За горой гора
Бежит на берег с грохотом и стоном,
Гонимая взбесившимся циклоном.
Как началось? Откуда грянул гром?..
Адам сидит, ударом тяжким смятый.
Но всем натренированным умом
Ученого, всем опытом солдата,
Прошедшего горнило испытаний,
Он, Крейзи, пробует в густом тумане
Нащупать выход, отыскать пути,
Первопричину бедствия найти...

Нет, мысль вслепую бродит по окрестью!
Молчит Адам, виски руками сжав.
А горе, как медлительный удав,
Вкруг сердца обвивается все туже,
Мешает разуму себе помочь,
Догадки все отхлестывает прочь,
Кольчатым телом горизонты застя...

Ведь горе – как любовь: подобно страсти,
Оно – всесильно. И покоя веков
Незыблемый закон его таков:
Сперва ползти украдкой по следу...
И прыгнуть вдруг!.. И все заполнить.
Весь шар земной собою заслонить
И гимном плача праздновать победу!
Поверженный, лежишь недвижно-тихо,
Ты связан по ногам и по рукам.

Петлей на шее у тебя – аркан,
Сплетенный из косматой гривы Лиха.
Уж над тобой оно попляшет влать!..

...А Моцартова музыка лилась,
Приоткрывая что-то, что-то пряча...
А скрипка пела из небытия:
«Не плачь, мой милый! За тебя поплачу
Я, сердобольная сестра твоя!»

И, тонкой скрипке бархатисто вторя,
Гудя, как добрый басовитый шмель,
В себя вбирала половину горя
Подруга старшая – виолончель.

И там, где слово, растравляя, жгло,
Там музыка струила состраданье
И прикасалась к обнаженной ране
Так бережно, так нежно и тепло,
Что шло на пользу это милосердьё,
С Добром и миром оживляя связь.

Отчаянья и смерти не страшась,
Плыл Реквием – покой, душа бессмертья.

Лишь погружаясь в музыку, дано
Нам со своим страданьем примириться
И медленно понять, что и оно –
Страданье – тоже бытия частица.

Затихли звуки стройные хорала,
И Крейзи, сжав ладонями виски,

Вновь заметался в приступе тоски:
«Нет больше сына. Мальчика не стало!»

От непомерной муки сердце рвется...
Но, словно из глубокого колодца,
Вспоминанья поднялись, спешат
Перенести на двадцать лет назад...

Он слышит смех залихватый и сладкий.
Рассвет весенний. Солнце бьет в окно.
Стоит его сынишка на кровати,
Твердя два слова, слитые в одно:
«Мойпапа!» Заклинанье или имя,
Смеясь, он повторяет без конца
И гладит, гладит ручками своими
Щеку и бровь кустистую отца.

«Мойпапа!» – выкрикнет единым духом,
А на лице – восторг и озорство.
И пахнет сеном и дыплячьим пухом
От легоньких волосиков его.

«Мой сын! Мой мальчик!.. Мне мешали
войны.

За мной бежали беды по следам.
Ты вырастешь! Ты будешь жить достойно,
Как должно людям... – думает Адам. –
В чужих руках я был ничтожней пешки.
Ты сам игру направишь, может быть.
Свершишь все то, что не успел свершить
Отец твой – в суете сует и спешке.

Ты будешь жить – в открытую, отважно
Направишь сам судьбы своей штурвал...»
...Чреду воспоминаний оборвал
Истошный крик – надрывный и протяжный.

В нем были слезы матери слышны
Сквозь темный ропот раненого зверя...
И Крейзи понял, сам себе не веря,
Что это вопль Катрин – его жены.

Растрепанная, дикая, седая–
Когда она успела поседеть?–
Она у гроба билась, причитая,
Взывала к небу и к земле:– Ответь!

Стенанья матерей повсюду схожи,
И каждый слышит в них родной язык:
Будь то вьетнамец или сын Камбоджи,
Американец, русский ли, калмык...

Катрин кричала:

– Ты ушел до срока.

Мой ненаглядный, кровь моя и плоть!
За что наказаны мы так жестоко?!
Чем прогневили мы тебя, господь?!

Тебе ль, ягненок мой, лежать в могиле?!
Что сделали они с тобой, сынок?!
За что тебя безжалостно убили?
Обидеть мухи, добрый, ты не мог!

Иль мало проявляла я заботы,
Что не смогла сыночка удержать!
В чем, в чем я провинилась?! На кого ты
Несчастную свою покинул мать?!

Мертвец лежал – спокоен и красив,
Молчал, в нездешнюю закован стужу...
Не докричалась мать. Метнулась к мужу,
С надеждой за руку его схватив:

– Скажи, Адам, ведь это только снится?..
Не может быть, чтоб это – наяву...
Навек померкли глаз моих зеницы,
А я живу... Зачем же я живу?!

Она качалась, опьянев от боли.
Ни словом не утешил муж ее.
Он сам хотел бы сбросить забытье,
Проснуться он мечтал усилием воли...

Но сын молчал. В чертах немых и стылых
Стояла смерть... Нет, это не был сон!..
Так пленный, что уже приговорен
И пули ждет, направленной в затылок
По приговору подлого суда,
Себе внушает, что пройдет беда,
Что он – в горячке: стоит пробудиться,
И страшных снов исчезнет вереница.
Но дверь гремит... От яви не уйти!
Беда встает непоправимо четко.
И пленный в ярости грызет решетку...

Не раз, бывало, Крейзи на пути
Судьбы коварной ощущал немилость,
Но под конец она слегка смягчилась.
А нынче вновь дано ему понять,
Что нет такого злого дня иль ночи,
Какие не вернулись бы опять,
Но втрое – злее, всемеро – жесточе!

Внезапно почернело за окном.
Нависла туча. Прокатился гром.
И, чашу горечи до края полня,
Слезами небо залилось взхлеб,
И белый алюминиевый гроб
Рассечь пытались сабли желтых молний...
«Скорее сына заслонить от них!..»
Адам рванулся к гробу. И затих.
Рокочет гром... Но явственнее грома
Струится голос музыки знакомой,
Смягчая напряженных нервов дрожь.
Адам целует сына, тихо плача:
«Как ты любил грозу и летний дождь!
И вот лежишь! Недышащий, незрячий...»
Отец сидит у гроба, спину горбя,
А дождь и Реквием поют вдвоем
И насыщают мира водоем,
Созвучия прощания и скорби
Звучат над изголовьем мертвеца.
И нет конца печали, нет конца...

И, мерно отмечая ход минут,
Два воина
в торжественном молчанье

На место неподвижных двух идут,—
Как дни за днями, ночи за ночами.

3

Есть правило, что нет для счастья правил:
Добро иль зло тобой совершено,
Был благороден ты или слукавил,—
Твоей судьбе как будто все равно.

Ты говоришь, что испытал немало,
«С меня, мол, хватит...». Но судьба подсчет
Невзгодам и удачам не ведет,
Разбрасывая счастье как попало.

Когда ж на сцене — мировая драма,
В нее едва ль не каждый вовлечен.
Живой пример тому — судьба Адама.
Став перед самою войной врачом,
Он в Африку отправлен был.

Ко дну

Пошел корабль, наравшийся на мину...
Израненный, живой наполовину,
Врач Крейзи выплыл, чтобы жить в плену.
В пустыне он дышал жарою жгучей,
От жажды изнывая... А поздней
Был втиснут в трюм и брошен — в общей
куче —
В один из европейских лагерей.

До той поры не верил он рассказам,
Что бандой Гитлера — середь бела дня!—

Творится то, чего не терпит разум.
Он утверждал, что это – болтовня
Газетчиков иль бредни фантазера...
Но здесь, пройдя по девяти кругам
Земного ада, испытал он сам,
На что она способна, эта свора,
Сброд нелюдей, что, все кругом губя,
Смеясь над человечностью и верой,
Добро и совесть объявив химерой,
Людьми считали только лишь себя.

О райском царстве на земле не грезя,
Смотрел на ближних трезво доктор Крейзи,
Но слышал он, что даже у зверья
Детенышей чужих не губят зря.

Живой от века помогал живому...
Недаром есть преданье старины,
Что некие сироты – Рем и Ромул–
Волчицею лесною возвращены.

А для фашистов и ребенок малый
Подсуден, если крови он другой...
О, сколько душ – о, сколько, боже мой!–
Здесь, в лагерях, безвестно погибало!

В одном огне – виновный и невинный,
В одной печи – глупцы и мудрецы,
В одной газовой – женщины, мужчины,
Младенцы, старцы, дочери, отцы...

Тут попиралось все, что было свято,
Здесь Крейзи повстречал своих коллег,
Тех, что, глумясь над клятвой Гиппократа,
Уродов создавали и калек,
За хворью хворь здоровым прививая.
Как тосковала здесь душа живая!
Был Крейзи от политики далек,
Но – честный врач – и здесь лечил, как мог,
Хоть мог он так немного, жалкий пленный!
Начальства гнев он на себя навлек.
От «избранных» в барак обыкновенный
Переведен...

Истаяв постепенно,
Он стал одним из высохших скелетов,
Кой-как скрепленных бечевой жил.
В борьбе со смертью руки он сложил,
Но тут как раз пришли войска Советов.

О, этот день!..

Адам читал потом
Статьи, где русских яростно хулили,
Где желчь и злость сочились в изобилье...
Но этот день навек остался в нем!

Нельзя забыть, пройдя сквозь столько мук,
Кто спас тебя от гибели когда-то
И что из уст советского солдата
Ты, пленный раб, услышал слово «друг»!

Уместно, может быть, сказать сейчас:
Освободили лагерь этот самый
Мои друзья... От них-то в первый раз
Услышал я об участии Адама.

Меж ними был и фоторепортер...
В альбоме Крейзи с тех далеких пор—
А может статья, даже и сегодня—
Хранится фото – память «преисподней».
Не раз, бывало, близкие, друзья,
Увидев череп, чуть прикрытый кожей,
Растерянно шептали:– Это кто же?!–
И Крейзи горько усмехался:

– Я!..

В те дни, когда в аду меня гноили
И вел меня по аду не Вергилий!

...Освобожденных, подлечив немного,
Отправили в желанную дорогу.
Был ясный день. Ликующий народ
Приветствовал пришедший теплоход.
Оркестры рокотали у причала,
Своих сынов Америка встречала.
И с ними – Крейзи... Возвращался он.
Давно ли смерть к нему тянула лапу?
А он вернулся. Он здоров, силен...
Не чуя ног, сбежал он вниз по трапу.

Букеты, взгляды, платъица цветные,
Взволнованные женщин голоса...
А надо всем – знакомые, родные,
Не те, что на чужбине, – небеса!

...О Родина!.. Горька судьба ягненка,
Отставшего от матери своей!
Он весь дрожит. Он плачет тонко-тонко.
Всего боится – кустиков, теней...

И человек – без родины, один–
Беспомощен... Любой наносит рану.
В колодец угодившему кулану¹
И жалкий лягушонок – господин!
Душа твоя изныла от обид,
Тебя унижить каждый норовит,
Всяк над тобой начальствует в кураже,
И чем начальник мельче, тем он гаже!

Но это все прошло... Душа жива!
Тебе вернули все твои права.
Ты можешь дух перевести свободно,
Ты волен делать, что тебе угодно,
Ты – не за проволочную стеной...
Так наслаждайся счастьем, не противясь,
Ликуй и празднуй!

Даже пес цепной
Хвостом виляет, чуть ослабят привязь...
Свободы несравненный дар цени!
...Ну что ж, Адам был счастлив в эти дни!

4

Свободой он тешился недолго.
Пришла бумага: Крейзи вызывал
Сам Тафт – большой начальник, генерал,
Ревнитель ярый воинского долга.
Был старый Тафт еще молодцеват,
В своем не слишком светлом кабинете

---

¹ *Кулан* – дикий осел.

Казался мужем полным сил, в расцвете...
– Присядьте, Крейзи! Очень, очень рад,
Что вы – в порядке...–

Он придвинул стул.

– Итак, раздавлен Гитлер... Ход событий
Теперь таков... На карту посмотрите!–
И в карту он указкой длинной ткнул.

– Вам побывать придется на Востоке.
Рейс увлекательный, хотя далекий.
Глаза на карту устремив, Адам
Державы русской увидал границы...
Тафт усмехнулся:

– Нет. Еще – не там.

Пока не там... Не будем торопиться.
Важнейшего не достигают сразу.
Ваш путь лежит туда, за океан...
Там есть один народец косоглазый.
Реванш за Пирл-Харбор будет дан...
Теперь есть средства,– только выбирай.
Придется круто этим азиатам!
Но... наша родина – не третий райх,
И гуманизм присущ культурным Штатам...

Сначала – покарай, потом – лечи!
И потому сейчас нужны врачи.
Не для своих... Мы чтим святое знамя
Добра... И милосердны мы с врагами.
Пример тому покажем мы теперь
В Японии...–

Но тут с веселым шумом–
Как будто ветром!– распахнулась дверь,

И в кабинете чинном и угрюмом
Светлее стало... Голосок сказал:

– Прошу прощения, мой генерал!
Минутку, папа!.. Только на два слова!

Пытался Тафт взглянуть на дочь сурово
И все ж не смог... Она была мила,
Гибка, как бело-розовая ветка.
Отца она в сторонку отвела
И на ухо шепнула что-то...

– Детка!

Побойся бога!– охнул генерал.
– Ну, папа, не скупись!.. Ты обещал!–
На цыпочки она слегка привстала
И чмокнула – так звонко!– генерала.
Казалось, что еще дышало детством
Пленительное это существо,
Но с женским бессознательным кокетством
Она взглянула сбоку на него,
На Крейзи...

«Лет семнадцать, может стать...»–

Подумал он.

– Сдаюсь!– сказал отец.–

Когда ж ты взрослой станешь наконец,
Катрин?! Прилично ль в кабинет врываться?!
Тут – посторонний... У меня – дела!

Она расхохоталась. И ушла.
Ушла, как будто упорхнула в танце,
Он словно слышал скрипку и гобой...

Хотелось Крейзи закричать: «Останься!»
Ушла Катрин... И унесла с собой
Голубоглазость, золотую челку
И свежий, полудетский голосок...

Адам на месте усидеть не мог
И хоть старался вникнуть, но без толку,
Что этот Тафт, качая головой,
Вещает о болезни лучевой...

Но все ж ему запомнился итог:
– Да, для Америки настало время
Руководить всем миром. Это бремя
Нам по плечу! И да поможет бог
Достигнуть цели, что мы все лелеем!
Без Рузвельта оно быстрее пойдет.
Наш Трумэн, как линкор, прямолинеен,
И Трумэн понимает свой народ!–
Адаму оставалось подивиться,
Что столь большой начальник слаб умом.
«А может быть,– подумал он потом,–
Он счел меня глупцом или тупицей?»

5

То, что Америка,– «не третий райх»,
Что «гуманизм присущ культурным
Штатам»,–
Все это вспомнил Крейзи в сорок пятом,
Когда, направленный в далекий край,
Мог убедиться сам, что за несчастья
Способны Штаты людям принести:

Он был в составе медицинской части –
Так называемой – «Эй-Би-Си-Си».

...Шестое августа! Оно вросло
В календари, как рак или саркома.
И посейчас оно всему земному
Грозит костляво, – черное число,
Понятя наши поломав

и меры,

Началом став жестокой новой эры.

Живые помнят, что небесный свод
Был издевательски лучист и ярок,
Когда американский самолет,
Под брюхом несший дьявольский подарок,
Когда сверкавшая «Энола Гей»
Метнула дар на землю, на людей...

И за мгновенье, равное векам,
Сто тысяч жизней полетели в бездну,
Сто тысяч тел – уже ни здесь, ни там –
В едином шквале сгнули безвестно.

В одном огне – виновный и невинный,
В одном костре – глупцы и мудрецы,
В одной купели – женщины, мужчины,
Младенцы, старцы, дочери, отцы...

Все – под одно!.. Для смертоносной бомбы
Нет преимуществ: все пред ней равны,
Все – лишь частицы общей гекатомбы,
Все уничтожены. Все сожжены.

Сыпучей перстью стало все живое
В том городе... А широко вокруг
Сто тысяч, может быть, несчастных вдвое
Жизнь сохранили для бессчетных мук,
Взывают к совести и милосердию
Сто тысяч обездоленных калек,
Сто тысяч зараженных «длинной смертью»,
Той смертью, что сработал человек,
Которую на мир наслали Штаты...

Чтоб изучить, как должно, результаты
Удара,

    чтоб разведать наперед,
Как облученный мозг себя ведет,
Чтоб скрупулезно, тонко, в полной мере
Исследовать и доложить о том,
Как кровавые шарики с трудом
Идут по руслам высохших артерий,
Чтоб взвесить человеческие муки,—
Короче, чтобы даром не пропал
Такой великолепный матерьял,
К нему направили жрецов науки,—
Нет, не фашистов — боже упаси!—
Гуманнейших врачей Эй-Би-Си-Си.

Вот наконец команда — на земле,
Где сакура белела, расцветая,
Где рисовал великий Хокусай.
Приехали... И Крейзи — в их числе.

Как прочие, читал об этом он.
Как многие, был цифрами смущен.

Навстречу им, как в Дантовом аду,
Вставали волны скрежета и воя,
Провалы ртов зияли и глазниц,
И пузыри, налитые водою,
Навстречу поднимались – вместо лиц.
С безруким рядом корчился безногий.
С разбухшим – рассеченный пополам...
Немало в жизни повидал Адам
И все ж остановился на пороге.

«Так вот что ты, Америка, дала
Стране цветов и утреннего солнца!»
Тут он увидел доктора-японца,
Казалось, тот был погружен в дела,
Шагал, не поднимая головы,
Бесстрастный, подавивший гнев и жалость,
Но за очками явственно читалось:
«Любуйтесь. Это натворили вы».

А жизнь меж тем была необратима,
Сочувствия и бомба не убьет!
На помощь пострадавшим Хиросимы
Собрался из окрестностей народ:
Врачи, студенты, попросту селяне...
Кто притащил одежду и еду,
А кто пытался облегчить беду
Хотя бы теплым словом состраданья, –
Хоть что-то сделать – близким во спасенье,
Как при потопе, при землетрясенье...

Над жалкими обрубками в бинтах
Склонялись сердобольные крестьянки...

И вдруг в глазах мелькнул гадливый страх
И ненависть... «Американцы! Янки...
Неужто поглазеть пришли сюда?!»
И доктор Крейзи вздрогнул от стыда.

А врач-японец, поклонившись хмуро,
Представился приезжим:– Накамура.
Прошу, коллеги!..–

Папку он раскрыл.–
Мы записали все по мере сил.
Вот здесь у нас – «истории болезни»...
Переведу вам несколько подряд–
На ваш язык...–

И слышит доктор Крейзи:
«Семь лет», «Семнадцать», «Тридцать»,
«Шестьдесят»...
«Год неизвестен»... «Девочка»... «Мужчина»...
«Гангрена»... «Слепота»... «Глубокий шок»...

Мы переходим к рубрике: «Причина»...
Она для всех одна: «Ожог», «Ожог»...
Как видите, коллеги, диагносту
У нас работать необычно просто.
Исключены ошибки у врача:
Всему виной – воздействие луча...

Подумать только: луч благословенный,
Источник роста для детей и трав!
Отныне он – проклятие Вселенной,
Из ядов яд, отравы из отрав!

И вздрагивают люди, называя
Болезнь коротким словом – «лучевая»,

Хоть с этим термином знакомы с детства...
Лечить болезнь пока что средства нет,
Зато с недавних пор открыто средство
Распространить ее на целый свет...

И Накамура, будто бы беззлобно,
Советовал все изучить подробно
На матерьяле, так сказать, живом...
– Он так разнообразен. И притом...–
Добавил он с убийственным сарказмом,–
Нет риска при общении с больным.
Он стал, как вам понятно, безразным:
Микробы мрут, едва столкнутся с ним!

И врач повел команду вдоль палаты.
Там на полу, на койках в тесноте
Лежали свертки из бинтов и ваты...
И Крейзи чудилось, что даже те,
Кто бредил, от страданий обессиля,
Виновных проклинали в забвенье,
Что даже и слепые устремили
На них зрачки недвижные свои.
Пополз между лопаток ужас склизкий...
Уйти?..

Японец мысль его пресек,
Спросив:– Быть может, кто-то из коллег
Поговорить желает по-английски?..
Есть девочка... Да, да, тот белый ком,
Сказать вернее, крохотный комочек!..
В беседе с ней не нужен переводчик:
Она владеет вашим языком.

И доктор Крейзи, бледный и понурый,
Пошел послушно вслед за Накамурой
К той койке, где лежало существо,
Едва ли занимая полпостели.
На белой марле две чернели щели:
Для рта ее, для глаза одного.

Затрепетало тоненькое веко,
И детский глаз взглянул на человека
С такою укоризною, с такой
Недетскою щемящею тоской!..
Казалось, что дымится он от боли,
Казалось, заклинает: «Пощади!»,
И Крейзи отшатнулся поневоле.

Хрипело что-то у нее в груди.
Она дышала тяжело и часто,
Девочка эта, беленький комок...
Хотел Адам сказать хотя бы: «Здравствуй!»,
Произнести хоть что-то... И не мог,
Как будто он один всему виной...

А Накамура, наклонясь к больной,
Шепнул ей – очень ласково! – два слова,
И девочка взглянула на чужого
Чуть-чуть спокойнее, чуть-чуть добрей,
И голосок пролепетал: «Good day!»

«День добрый!» – донеслось из узкой щелки
Так слабо, словно где-то далеко
Рассыпались стеклянные осколки...
– Кто ты? –

Она сказала:

– Намико!

– О господи, что сделали с тобою?!–
Воскликнул он... Не ей, не ей совсем...
Скорей он говорил с ее судьбою!..

И был ответ:– I am not what I am¹.

Другой, другой была я до сих пор...
Была я непослушна и упряма.
С ежом играть не разрешала мама,
А я сбежала к ежику во двор.
И это с неба увидали боги.
Мне говорила мама: боги строги.

И рассердились боги на меня.
И на меня швырнули столб огня,
И я тогда другою стала сразу...–
Из черного единственного глаза
Слеза сбежала по бинтам тугим...

Адам отер ее... Он стал другим.
Он сел на краешек ее кровати,
И показалось взрослому на миг,
Что только двое их сейчас в палате

И что у них двоих – один язык–
Язык отверженных и одиночек,
Всех тех, кому не нужен переводчик.

---

¹ Я не то, что есть (англ.).

Он ближе наклонился к щелке-рту.
А девочка, почуяв доброту,
Шептала, кротко глядя на Адама:
– Но почему же, почему же мама
Ни разу не пришла сюда ко мне?
Я знаю: это по моей вине.
Она, конечно, мною недовольна.
Пусть, милая, она простит меня.
Любимая, мне очень, очень больно,
Я вся горю от божьего огня.
Родная, пусть возьмет меня отсюда!
Клянусь, я больше никогда не буду!

Что мог ребенку взрослый, он, сказать?..
Он бормотал ей, что отыщет мать,
Что скоро будет Намико здорова...
Но утомилась девочка. И снова
Притихла, погрузилась в забытье,
Ушла в свои видения больные...
И развернул он скорбный лист ее
И прочитал на нем: «Лейкопения».

Нет, не вернется к Намико здоровье!
Ее сосуды сделались тонки,
Они ломаются, как стебельки,
И стенки их не держат больше крови.
Как врач, он знает: нет пути назад.
Бессильны здесь лекарства и природа.
Все цифры беспощадно говорят
О близости летального исхода,
Ничто не может Намико помочь!..

И, точно потеряв родную дочь,
Заплакал он. С ним что-то приключилось,
Ему и больно было и легко,
Как будто сердце у него смягчилось
От взгляда, от доверья Намико.

И вдруг ему почудилось, что стал
Он, как дитя, беспомощен и мал,
Что он, бродивший в даях раскаленных,
Узнавший плен и беды без числа,
Как Намико, беспомощный ребенок
В пучине торжествующего зла...

«Что мы с тобою, девочка? Ничто!
Всего лишь безымянные пылинки,
Затертые в неправом поединке,
В раздорах Трумэна с Хирохито!

Не слышат сильные наш слабый лепет.
Страданья наши сверху не видны.
В их книги вписаны «Кредит» и «Дебет»,
А наши судьбы в них не учтены.
Тростиночка!.. Ты гибнешь, засыхая.
Что им, великим, наших душ сродство?!
Но стоит ли грызня их волчьей стаи
Одной слезы из глаза твоего?..»

Так он шептал, не отирая слез,
Не думая в тисках своих сомнений,
Что тот же самый роковой вопрос
Когда-то миру задал русский гений,

Что в том вопросе – мировая боль...
Доколе будет он стоять?.. Доколь?!

...Меж тем, прервав на время труд гуманный,
Врачи обратно двинулись к дверям,
И плачущий над девочкой Адам
Попался в поле зренья капитана.
Начальник испустил притворный вздох,
Воскликнув: «Deus vult!» – «Так хочет бог!»

Но тут же, Крейзи отведя в сторонку,
Он грозно зашипел:– Вы кто? Девчонка?..
Как вы посмели нюни распустить
Перед врагом?!–

И, словно в оправданье,
Добавил (для японца):

– Может быть,
Коллеге вспомнились его страданья
В застенке у тевтонов... Всю войну
У варваров томился он в плену.
Жестокость этих гуннов – беспримерна!

Как любо всем ругать чужую скверну,
Своей не замечая сгоряча...
На это все – слепые и глухие!

Артур сиял. Он был в своей стихии,
Начальствуя, командуя, уча...
Тупицами считая всех заранее,
Давал он разъясненья, указанья:
Где должен быть один, а где – другой,

Как регистрацию вести, какой
Сначала делать у больных анализ,—
Как только люди без него справлялись!—
Из кожи лез, не экономя сил...
Он упивался. Он руководил.

Когда ж команда вышла из больницы,
Артур, самым собою восхищен,
Пожалуй, даже перешел границы:
— Вам, Крейзи, быть актером,— не врачом!
Уж если вы — не воин, то хотя бы
Мужчиной будьте,— не слезливой бабой!
И не порочьте честь Эй-Би-Си-Си
Спектаклями весьма дурного вкуса!
Вы, скажем прямо, праздновали труса,
Увидев «horror vacuum»¹ вблизи!..

Так он кричал, латынью щеголяя.
Пред ним стоял навытяжку Адам.
Он думал: «Грош цена его словам.
Сейчас я слышу нечто вроде лая.
Передо мной беснуется глупец
С набором фраз крикливых наготове.
Не нужно портить понапрасну крови,
Ведь замолчит он все же наконец».

Но чем упорнее Адам молчал,
Тем раздраженной капитан кричал.
Он точно предавался сладострастью,

---

¹ «Ужас пустоты» (лат.).

Он восхищался собственной властью,
Самим собою: «Вот, мол, я каков!
Во мне сокрыты многие таланты!..»
Известно, что, озлившись, интенданты
Куда воинственной строевиков!

Адама Крейзи рослая фигура
Подстегивала бешенство Артура.
«И ведь на вид – он посильней меня,–
Он думал,– но способен только плакать!
Пятно на офицерстве!.. Тряпка! Слякоть!
Интеллигент безвольный! Размазня!»

Молчать Адаму было все труднее.
«Когда же накричишься ты, дурак?!–
В уме мелькало...– Хватит ахинеи!..»
По счастью, гнев начальственный иссяк.

И вот они в отстроенной столовой
Уселись шумно за накрытый стол.
Приносят ужин... После дня такого
Кусок Адаму в горло не пошел,
И он поднялся, на глазах Артура
Стул отодвинув...

– *Asinos non curo!*¹

Артур, захохотав, воскликнул вслед.
И наглый хохот подхватил сосед,

---

¹ На ослов не обращаю внимания (*лат.*).

И громко все кругом захохотали,
Хотя слова расслышали едва ли.

Адаму стало холодно и жарко.
Должно быть, кровь ударила в виски.
И, доводам рассудка вопреки,
Вся выдержка его пошла насмарку.

Он стал, как пепел Хиросимы, сер.
Он подобрался, приготовясь к бою.
И правая рука сама собою
Из кобуры достала револьвер.
Не для пустой угрозы иль остратки;
Он понял, что убить сейчас готов.
Возможно, точно так же, на Аляске,
Отец его бросался на волков...

Что это с шуткою ничуть не схоже,
Артур тотчас же ощутил всей кожей
И как-то сразу съежился и сник...
А Крейзи взял его за воротник,
Встряхнул... И тихо приказал Артуру:
– Немедля повторить: «За то, что сдуру,
По беспросветной глупости моей
Посмел я нанести вам оскорбленье
В присутствии моих коллег-врачей,
Прошу у вас униженно прощенья».
А ну!..– сдержаться больше он не смог.–
Просите на полу!.. У ног!.. У ног!..
Иначе пристрелю вас, как собаку!

Меж глаз направлен вороненый ствол.
Все смолкли... Тих недавно шумный стол.
И на людей повеял «hoggor vacuum»...

И, точно кролик пред удавом, замер
Артур-начальник... «Ох, сейчас убьет!»
На лбу его змеиными глазками
Стал проступать холодный липкий пот,
Как на лимонной корке, крепко сжатой...
Куда девались и задор, и злость,
И мужество хваленое солдата!
Все у него внутри оборвалось,

И звонкие, заученные фразы
Из памяти его исчезли сразу.
«Я не могу к ногам его упасть...»—
Как тень, прошло в мозгу у капитана.
Но револьвера узенькая пасть,
Разверзшись, как пучина океана,
Чернела. И глядел из черноты
Невыносимый ужас пустоты.
«Еще мгновение – и выстрел грянет,
Еще мгновение – меня не станет,
Меня, меня, который так хорош!..»

И стали словно ватными колени,
А губы, трудно побеждая дрожь,
Забормотали вдруг:
«За оскорбленье...
По глупости...» И, опрокинув стул,
Артур к ногам Адама рухнул наземь...

И, оскорбленный этим безобразьем,
Адам его ногою отпихнул...

Потом, вложив оружие в кобуру,
Спросил соседа:— Что? Теперь довольны?
Вам эта сцена, верно, по нутру?!—
И устыдился сам себя невольню.

Казалось, был он кем-то обокраден...
Скорей уйти!.. Бежать куда-нибудь,
Иначе все, что наболело за день,
Скопившись, разорвет на части грудь!

6

Он бросился на улицу... И гнев
И стыд утикли в нем мало-помалу.
На улице Адаму легче стало.
Дух перевел он, местность оглядев.

Над головой кипело серебро:
Струилось небо в чистых влажных звездах,
И молодого месяца ребро
Дрожало, точно втягивая воздух.

И хоть внизу все было безотраднo,
Адам глотал прерывисто и жадно
Прохладный воздух — за глотком глоток—
И надышаться досыта не мог.

Глаза привыкли к мраку. Различно
Вставала вокруг ночная Хиросима.

Ландшафт был призрачно-голубоват.
Обломки громоздились в беспорядке
И разбухали, как тела солдат,
Полеглих в жаркой рукопашной схватке.

Среди руин – над плоскостью унылой–
Торчал стоямя единственный дворец
Весь в дырах, как простреленный мертвец,
Не вовремя покинувший могилу.

А может, это горестная мать
На бранном поле вопиет о сыне?..
Не для того ль остался дом стоять,
Чтоб стало все кругом еще пустынной?..

Ни проблеска нигде, ни огонька,
Как будто протекли века, века
С тех пор, как свет здесь обернулся тьмою
И Хиросима сделалась немою.
Ни голоса, ни шороха вокруг...
Быть может, бомбою убили звук?

Адам пошел по пустырю. В молчанье
Он пробирался между кирпичами,
Брел по пластам сыпучим... И не раз
Он вздрагивал, пугался то и дело,
Что наступает на открытый глаз,
На тело, что еще не отвердело...

И вспомнил он фашистскую брехню:
«Шагать по трупам вдвое мягче...» Боже!
Сейчас она двойной казалась ложью...
Как пепел Хиросимы жжет ступню!

Он шел. Блеснула сумрачно река.
Название ее как будто – «Ота»...
Рассказывают люди: в день налета
В ней клокотали струи кипятка.

Сейчас она глухим забылась сном –
Тусклей, чем Стикс, беспмятнее Леты...
Наверно, такова река планеты,
Куда нисходит душ усопших сонм?..

И чудится Адаму: он, один,
Идет, идет, послушен и печален,
По пустырям, где был Нью-Йорк, Берлин,
Меж грешными камнями, среди развалин,
Идет, послушен чьей-то злобной воле...

Увидеть бы живое существо,
Чумазого мальчонку одного!..
Хотя бы детский плач услышать, что ли!..
Но он напрасно заостряет слух:
Здесь человеческий убили дух.

И пустота все тягостнее, шире...
Вдоль мертвых рек, по мертвым городам
Один, один в осиротевшем мире
Идет последний человек – Адам.

...Давно ли жизнь кипела в этом крае,
Прославленном искусством и трудом?
Здесь было все, что мы, соединяя
В душе своей,
гармонией зовем.

Все, все погибло. Стало грудой пепла.
Нет прошлого. Грядущее ослепло.

Нет больше вишни, чей цветок нежнейший
Лица касался, словно взмах ресниц,
Нет схожих с иероглифами птиц,
Нет резвых рыбок. Нет улыбки гейши.
И кажется Адаму: все – в золе.
Не только здесь. Везде. По всей земле.

Где танец, тот, что, как душа, духовен?..
Мелодия, хранившая от бед?..
Где повелитель музыки – Бетховен?
Бетховена на свете больше нет!

Нет музыки. И мысли нет. Нет слова.
Шекспира нет. Нет мудрого Толстого.
Нет в мире больше ни Добра, ни Зла.
И даже время сожжено дотла.

И только
        не узнавшие забвенья
Мянутся неприкаянные тени:
Тень матери,
        что погрузилась в ночь,
Не поглядев на дорогую дочь.
Отца,
        который с сыном не простился,
И сына,
        что с любовью разлучился.
Любви его –
        детей не породив,
Она ушла: ее развеял взрыв.

Плутая Хиросимою ночной,
 Адам добрался наконец до спальни.
 Он лег в постель, раздевшись моментально,
 И с головой накрылся простыней.

Скорей забыться!.. Спрятаться во тьме!
 Душа была по-прежнему в накале,
 И впечатленья дня в его уме,
 Как траурные бабочки, мелькали.

«Нет, видимо, уснуть я не смогу.
 Я все еще – в тех самых далях, высых...
 Я, точно речка выжженная, высох,
 Фитиль дымится у меня в мозгу...»

Сон убежал от воспаленных век,
 Не повинуюсь просьбам и приказам...
 Адам лежал и думал:

«Человек!

Вот до чего довел тебя твой разум!

Он был и плодотворен и могуч.
 Ученые – в течение столетий,
 Борясь, как львы, и радуясь, как дети,
 Искали к тайнствам природы ключ
 И восхищались, что-то обретая...
 Не замечая, как растет дитя–
 Исчадь ада!– что способно выжечь
 Одним лишь поцелуем сотни тысяч.

Пока есть богачи и бедняки,
Кварталы белых и кварталы черных,
Пока в семействах, при разделах вздорных,
Друг друга рады изодрать в клочки,
И если б только бомбу раздобыли,
То, верно бы, друг друга разбомбили!

Увы, природа!.. Ты поторопилась,
Ты рановато оказала милость,
Чрезмерно резвую явила прыть,
Позволив людям атом расщепить!

Ты щедростью блеснула безоглядно,
Пока дары твои хватают жадно
Те, кто корыстью злобной обуян,
Попроще бы давала им орудья...

Вот если бы какой-нибудь тиран,
Из тех, кого так обожают люди,
Определял бы, в чем они повинны,
Лишь по старинке – с помощью дубины!

Дубина – это, право, дар небес!
Она гуляла б по спине, по шее,
Чтоб люди исправлялись, хорошея,
И потихоньку двигали прогресс!»

Адам расхохотался. В этот миг
Он позабыл, что рядом с ним соседи.
Немедля заворчал один из них:
– Коллега, тише!.. Вы смеетесь, бредя.

Ложитесь на бок, я вам говорю!
Адам сказал ему:– Благодарю!–
Закрыв глаза и притворился спящим
И вскоре сном забылся настоящим.

А утром подал рапорт, попросив
Его отчислить из Эй-Би-Си-Си,
Поскольку снова заболела рана
И нервы измотались за войну,
А здешний климат – как оно ни странно!–
Во вред тому, кто побывал в плену!

На колкости не поспешил он
(Глаза начальства, как известно, зорки!)
И был от должности освобожден.
И вот он снова у себя, в Нью-Йорке.

8

Войны всепожирающее пламя,
Бесчинствуя на двух материках,
Людей и камни превращало в прах
И длинными, как змеи, языками
За океан тянулось, к берегам
Страны под звездно-полосатым флагом,
Но злобный нрав свой изменяло там
И для Америки являлось благом.

...Итак, Адам – в Нью-Йорке. Снова – дома.
Кружа весь день по городу родному,
Ущерба не заметил он совсем,

Скорее, процветанье...

Дядя Сэм,
Держась от поля боя далеко,
За эти годы нагулял брюшко.

Величье силы утверждая грубо,
Подобно скалам, устремлялись ввысь
Огромные блистающие кубы.
Они за эти годы разрослись
И, поражая формами и светом,
У новичка бы вызвали испуг.
Но Крейзи – свой... И, словно старый друг,
Опять его приветствует Манхэттен.

Мигают окна с облаками рядом.
Посмотришь вверх – кружится голова.
Пускай его не удостоил взглядом
«Эмпайр стэйт билдинг» – этажей сто два!
Он, Крейзи, – свой... По-прежнему пестрит
Пред ним

людскою лентою Уолл-стрит,
По-прежнему, желтея, лиловея,
Переливаются огни Бродвея...
С Нью-Йорком он, Адам, – нерасторжим.
Он у своих...

И все ж он стал чужим.

Как будто он, как прежде, полон жажды
Включиться в дело, жизнь познать сполна...
Но, полно, так ли?..

В клетке сердца каждой

Осталась едкой горечью война, –
Тоской пожарищ, дымом ядовитым,
Как ни крепишь, ты весь насквозь пропитан.

Все тот же – город, улицы – все те ж,
Но между ними и тобой – рубеж.
Но меж тобой и здешними – провал,
И молодость погибла там, в провале...
Как будто кто тебя обворовал,
Все годы лучшие твои украли
И ничего-то не дали взамен!
Что здесь виною?.. Хиросима? Плен?..

То поколение, что с тобой пришло,
Переместилось к центру, зрелым стало.
Оно, с тобой не схожее нисколько,
Спокойно смотрит на Добро и Зло.

А те, что числились вчера детьми,
Те на тебя поглядывают строго,
Как будто ты им перешел дорогу,
Как будто ты – помеха, черт возьми!

Угнаться хочешь ты за новизной,
Но в ногу с ней шагаешь еле-еле.
Ты нужный ритм утратил, как больной,
Который годы пролежал в постели.
Ну, словом, заново учишься ходьбе,
Иль места в мире не найти тебе!..

Адам решает в жизнь войти опять!..
Стремясь понять, чем дышит современник,

Дома и клубы стал он посещать,
Где коротают время в словопреньях,
Где жарко спорят – а о чем, бог весть!

В Нью-Йорке это называют – «парти»...
Но чуть ему случалось произнести
Хотя б словечко искренне, в азарте
О Хиросиме вспомнить,

как друзья

Предупреждали взглядами: «Нельзя!»

Сомнения его казались дики...
Нередко здесь болтали о войне,
И каждый мнил, что он – стратег великий,
Хоть воевал он разве что во сне...
Судили здесь, не слыша возражений,
Союзницу, что на своих плечах
Перенесла все тяготы сражений...
«Что нам – Россия!.. Мы нажмем рычаг!..»

С верхов, должно быть, эта шла идея...
И слушал с отвращением Адам,
Что, дескать, «бомбой атомной владея,
Весь шарик можно бы прибрать к рукам...».
А вслед за тем – поток трескучих фраз,
И в честь Америки – фиоритура...
Адаму Крейзи думалось не раз,
Что вновь он слышит болтовню Артура.
Все было так безвкусно... Так знакомо.
Он – дома, дома...

Неужели – дома?..

И вскоре понял он: для большинства
Сидящих здесь в конце концов не важно,
Те иль другие городить слова.
Важнее – шелест доллара бумажный,
Счет в банке. И наличность или чек...
Для большинства

понятье «человек»

Не означает ни ума, ни знаний,
Лишь – деньги...

И оценка здесь проста:

Поскольку пусто у тебя в кармане,
То, значит, голова твоя – пуста.

9

Что ж, доктор Крейзи может без опаски
И при таком подходе устоять:
Недаром некогда отец и мать,
С ним вместе, побывали на Аляске.

На приисках они разбогатели.
Но то ль отец себя не поберег,
Гонясь за прибылями,

то ль метели

И холода пошли ему не впрок,
Адам не знает... Так или иначе,
Бедою стала для отца удача–
Богатством так и не успев блеснуть,
Он спит, снегами льдистыми укрытый...

Пустились мать и сын в обратный путь,
Но в поезд с гиком ворвались бандиты,

И выстрелил один из них, не глядя.
Упала мать... Протяжный крик и вздох...
Адам теперь не помнит, кто помог
В Нью-Йорк доставить раненую к дяде.
Мать долго мучилась и умерла.
Была ее кончина тяжела,
И он, Адам, ребенок шестилетний,
Всей детскою открытою душой
Запечатлел наказ ее последний:
– Адам, когда ты вырастешь большой, –
Она шептала, приходя в сознание, –
Стань доктором и облегчай страданья.

Адам остался на земле один.
Но дядя – человек старинной складки –
Сказал ему: – Запомни, ты – мой сын!
Не вешай носа, мальчик! Все в порядке.
Два сына у меня: Адам и Грем.
Живите дружно и делитесь всем.

Вот так они и выросли – вдвоем.
Братишка Грем был простодушный малый,
А дядин дом – благополучный дом.
Хоть не хватало в нем тепла, пожалуй.
Но много ль в городе большом тепла?!
Все заняты. У всех – дела, дела...
И новый возраст подошел к порогу.
Почуял дядя: старость – за дверьми,
А дети перестали быть детьми.
– Мой мальчик! Время выбирать дорогу. –
Адаму он советует, как сыну, –
Что изучать ты хочешь?
– Медицину.

Подумал дядя:

«В техниках эпоха
Нуждается острей, чем во врачах.
Но доктор с головою на плечах,
Он тоже деньги делает неплохо.

Я знаю, что тебя не приневолишь,
Иди путем, который ты избрал,
И поступай в свой медицинский колледж.
Есть у тебя отцовский капитал,
Солидные, порядочные средства:
Сто тысяч долларов – твое наследство.
Приумножать их следует врачу.
А я твое ученье оплачу».

Был дядя старомодный бизнесмен,
Из тех, которые держали слово,
Он честно замещал отца родного.
И вот, пройдя через войну и плен,
Увидел Крейзи с искренним прискорбьем,
Как дядя постарел... Он худ и сгорблен,
Он ходит медленно, он сед совсем.
И услышал Адам, что бедный Грем
Не возвратился, нет на свете брата:
Во всем война, конечно, виновата.

Но дядя не любил бесплодных слез
И разъяснил племяннику тотчас же,
Во сколько капитал его возрос,
Ведь акции дороже стали даже,
И это все благодаря войне...
– Да и врачи, Адам, теперь в цене.

Короче, можешь ты не торопиться...
Подыскивай работу не спеша,
Чтоб не попасть в случайную больницу,
И отдыхай, как требует душа.

А что, Адам?— спросил он со смешком,—
Не надоело жить холостяком?
Ведь ты у нас — жених не из последних,
Для лучшей девушки — завидный муж:
С профессией, с деньгами... И к тому ж
Ты — мой теперь единственный наследник...—
И, вспомнив Грема, он махнул рукой...—
А мне пора, как видно, на покой.

10

И правда, почему б не отдохнуть?..
Но если ты весь день ничем не занят,
Пережитого тягостная муть
Нет-нет да всколыхнется, и предстанет
То страшный город — тот, который нем,—
То детский глаз, исполненный упрека,
А то тебя окликнут издалека,
И вдруг покажется, что это — Грем...

Нет, отдых у Адама был недолог.
Потребовался вскоре травматолог
В одной больнице, самой рядовой...
Адам ушел в работу с головой.
Здесь многое ему казалось ново.
Быть полузнайкой Крейзи не хотел
И за пробелом восполнял пробел...
О нем заговорили: «Врач толковый...»

Леча ушибы, трещины, удары,
Он знал о ходе многих катастроф...
Дежурство передать он был готов
В тот час, когда втащили санитары
Очередную жертву. Пальтецо–
Все в клочьях. Юное лицо – бескровно.
«Столкнулись две машины...» Но... Лицо?..
Лицо ее он знает безусловно.

Осмотр был кратким: «Трещина ключицы».
– Я стану кривобокой?..

– Ерунда!

С недельку, мисс, придется полечиться,
От травмы не останется следа.
– Вы говорите правду?..–

прошептала,

Чуть улыбнувшись... Точно вспыхнул свет:
Он вспомнил все – и строгий кабинет,
И важную осанку генерала...

– Мисс Тафт?.. Катрин?!–

Он мог бы без конца

Твердить «Катрин».

– Откуда вы узнали?

– От вашего почтенного отца.

– «Почтенного»?..–

Видать, о генерале

Она слыхала всякое...

О боже!

Катрин, Катрин меж грустных этих стен!..

– И вас я видел... Но об этом позже.

Сейчас без промедленья – на рентген!

Преображенный радостью огромной,
Пошел он одеваться... В дверь приемной,
Расталкивая всех, почти вбежал
Отец Катрин – тот самый генерал.

– Здесь дочь моя лежит...– Себя назвал он.–
Что? Ранена?– Он вздрогнул...– Тяжело?..
– По счастью, генерал, ей повезло.
Все обойдется...–

Перед генералом
Встал Крейзи.

– Вот осмотра результат...–
Тафт выслушал врача, направив взгляд
Куда-то вбок...

– Я помню ваше имя.
И хоть сейчас пред вами я в долгу,
Но ваше поведение в Хиросиме,
Как патриот, лишь осудить могу.

К Адаму повернулся он спиной.
(«Неужто рапорт этому виной?
Нет, не похоже... Слишком груб он что-то...
Донос?.. Артура, может быть, работа?»)
Но что ему недобрые догадки
И человеческий неправый суд?
Казалось, крылья у него растут,
Да так, что даже чешутся лопатки!

Сейчас он счастлив, счастлив до смешного!
И – как подумать – только оттого,
Что тоненькое это существо
Здесь, рядом... Он ее увидел снова

И не отпустит, наконец найдя,
Он будет с нею, все преграды руша...
Сознание это освежало душу,
Как землю – предвкушение дождя.

...О, как наутро он спешил в больницу!
И, заходя в палату, всякий раз
Он тоже словно начинал лучиться
Под взглядом молодых блестящих глаз...

Они разговорились... Постепенно
Ей, баловнице, не выдавшей зла,
Он рассказал об униженьях плена...
И слушала Катрин... И поняла...

Счастливице, не ведавшей невзгод,
В уютном, теплом гнездышке хранимой,
Он рассказал о муках Хиросимы,
О Намико... И знал: она поймет.

И слушала она, хоть было больно
От жестких слов, хоть содроганьем плеч
Она пыталась речь его пресечь,
Шепча в слезах:– Довольно! О, довольно!

Но он не знал пощады. Вместе с нею
Спускался в глубь, поднимался ввысь,
И души их сближались все теснее
И воедино трепетно сплелись...
Больничным не мешал им персонал,
А позже – родичи и домочадцы.

Как видно, рок им встречу обещал,
Чтоб им, двоим, вовек не разлучаться...

Но Тафт чернел, как только об Адаме
Речь заходила хоть издавека,
Он раздувался, он вращал глазами,
Как бык при виде красного платка.

– Я не могу принять его в семью!
Он – кровный враг мой, а не то что близкий!
Того гляди, он будет в черном списке,
Навеки опозорив дочь мою!

Антивоенный, антипатриот,
Припрятавший за пазухою камень!..
Из плена он спасен большевиками,
А это все к добру не приведет!..

Нет, я не выдам дочь за дезертира!..

...Напрасно вы кричите, генерал!
Да соберись все генералы мира,
Подняв весь современный арсенал,
С тем, чтоб любовь на свете истребить,
Испепелить ее, как Хиросиму,–
Лишь любящих могли б они убить,–
Любовь – бессмертна и неуязвима.

Не помешал разгневанный отец
Слиянию двух любящих сердец.

Тафт не пришел на свадьбу. Без него,
У дядюшки, справляли торжество.

И, осененный крыльями удачи,
Как будто лаской розовой зари,
Адам теперь светился изнутри,
На мир и на людей смотря иначе,
Лучами счастья всех обогревая...

Любовь! Ты – музыки душа живая.
Ты – словно песня. И, подобно песне,
Ты всех других материй бестелесней.
И ни обнять тебя, ни приласкать!..
Но ты – струящаяся благодать –
Однажды все ж находишь воплощенье,
Ты тяжелеешь, формы обрета,
В то – самое желанное – мгновенье,
Когда на свет является дитя.

...В согласии, в доверии великом
Год пролетел, как день... И у Катрин
Родился первенец, здоровый сын,
И возвестил Адаму звонким криком:
– Я здесь, отец! И я таков, как есть!...–
Струенье счастья обрело весомость...
Адам сиял. И в дядюшкину честь
Дал имя новорожденному – Томас.

11

Порой судьба и пасынкам своим
Передохнуть дает... Не для того ли,

Чтоб новый натиск неудач и боли
Замечен ими был и ощутим?..

Все в доме Крейзи гладко, слава богу!
В приемной от больных отбоя нет.
И старый Тафт смягчился понемногу,
Когда узнал, что он – счастливый дед.

Тафт с раздраженьем вспоминал о зяте,
Но сын Катрин ему был втайне мил.
Взглянуть на внука дед решил... И кстати
Игрушку новомодную купил.

Крылатая, из желтого металла,
Она кузнечика напоминала
Иль саранчу: забава для детей –
Миниатюрная «Энола Гей».

Адам, сдержав досаду еле-еле,
Заметил:

– Этой миленькой модели
Еще бы «мини-бомбу» – там, внизу!
Да «мини-Хиросиму» там, внизу!
«Бросайте, детки, бомбочку-малютку!..»

У Тафта по лицу скользнула тень.

Боясь испортить светлый этот день,
Катрин вмешалась:

– Папа понял шутку.
Игрушка – хоть куда!.. Отец, пойдем!
Ждет не дождется деда внучек Том!

...И снова годы побежали так,
Как будто Зло забыло об Адаме.
Но дядя Томас слег. Жестокий рак
Безжалостно сдавил его клешнями.
За три недели старика не стало.
И завещал он капитал немалый
Племяннику, а тот, добавив свой,
Решил разумно им распорядиться,
Построив первоклассную больницу,
Где лечат от болезни лучевой.

В печати появилось извещение,
Что жителей японских городов,
Всех тех, кто пострадал от облученья,
Бесплатно Крейзи врачевать готов.

Добра крупички замечая зорко,
Гуманность Крейзи похвалили в «Уоркер».
И вслед за этим, словно по сигналу,
Прорвалось то, что до поры дремало.

Все – злость и зависть, – хлынув на порог,
Рождало беды и сбивало с ног,
И радости недолгие померкли
(Ведь горе, как любовь, не знает мер!),
И вскоре следователь ФБР
Призвал Адама Крейзи для проверки.

Самодовольный, розовый и чистый,
Он хмуρο улыбнулся, говоря:
– Вас вывели из плена коммунисты.
Они якшались с вами. И не зря.

Без выгоды добро творят едва ли...
Они, конечно, вас завербовали?..

«Восточная опасность»... «Агентура»...
Дежурных фраз давно знакомый круг.
Адам слегка прищурился... И вдруг
Увидел: перед ним – двойник Артура.
И захлестнул Адама тяжкий гнев,
И он невольно закричал, вскипев:

– Неправда! Русские – не торгаши!
Не те, что населяют наши Штаты!
Они добро творили от души
И за него не требовали платы!–
Прямой «двойник Артура» почему-то
Обрадовался сказанным словам,
Все записал,– пространнее как будто...
– Подпишитесь?..–

Что ж, подписал Адам...

А поутру газеты и газетки
Печатали подвалы и заметки:

«Как сообщает наш корреспондент,
Из той страны, где «занавес железный»,
Заброшен к нам опаснейший агент –
Врач Крейзи, многим хорошо известный.
Ретиво служит он большевикам,
В чем откровенно признается сам...»

И потекла густой струею грязь...
Приятели, их родственники, жены
Адама обходили, сторонясь,
Как будто он и вправду прокаженный.

И старый Тафт – в отставке генерал, –
Негодованием праведным палимый,
Приехав к зятю, с ходу заорал:
– Кто вы такой – я знаю с Хиросимы,
И это раскусили все теперь!.. –
Тут Крейзи указал ему на дверь.

Но ложь и клевета не так страшны,
Пока они беснуются снаружи.
Непониманье в доме – много хуже.
Ужасен холодок в глазах жены...

В печальный день особых неудач
Пришло письмо в надорванном конверте.
Адам читал брезгливо:

«Красный врач!
Шпион! Предатель! Дождись смерти!
Тебя со всем отродием твоим
И с чертовой больницей
мы спалим!»

Письмо Адаму принесла Катрин.
Он видел по глазам: она читала...
– Ты испугалась? –

он спросил устало.

Она ответила:

– Ты – не один.

Ты мог бы помнить: у тебя – семья,
И от политики держаться дальше...

– Катрин! Ты тоже думаешь, что я –
Политик?!

– Знаю. Ты не терпишь фальши.

Ты добр, Адам. Ты честен и гуманен...
Но, друг мой, ты порою как-то странен.
И резок ты с людьми... И грубоват.
– Что ж тут поделаться?! Я – не дипломат.

– И все же гибче надо быть с другими!
Пойми, мой друг, мой милый, что, грубя,
Ты лишь порочишь собственное имя
И унижаешь самого себя.
– Так, значит, лгать?!–

Катрин в ответ смолчала.

И это было горькое начало
Того непонимания, того,
Не то чтобы разрыва, а разлада,
Когда слова не значат ничего,
Но в каждом взгляде кроется досада,
Когда внезапно, из-за пустяка,
Вскипает непредвиденная ссора,
И льются речи, полные укора,
И жизнь темна, бесцельна и горька.
Как будто что-то вдруг оборвалось,
Погас огонь, лишь дым остался едкий,
И две души живут вразброд и врозь,
Как два враждебных зверя – в тесной клетке.

Где прежнее слиянье?.. Где Катрин
С ее душой отзывчивой и чуткой?!
...Все это было б тягостно и жутко,
Невыносимо... Если бы не сын!

...Пока отец претерпевал мученья,
Покуда мать с ним ссорилась до слез,
Осуществлял свое предназначенье

Младенец их: он хорошел и рос.
Читая книгу жизни по складам,
Он громко плакал и смеялся звонко,
И, глядя на уснувшего ребенка,
Не раз, бывало, размышлял Адам:

«Подумать только! Из какой дали,
Отъединившись от первичной ткани,
Идя через историю Земли,
Сквозь тьму пандемий, войн и злодеяний,
Претерпевая сотни перемен,
Передаваемый из рода в роды,
До наших дней добрался этот ген,
Чтоб стать ребенком – чудом всей природы!

Отдал себе отчет хоть кто-нибудь,
Что стоял он природе, этот путь?!

Легко ль в веках бесплодно не пропасть?!
Ведь если бы, с голодным львом не сладив,
Не разорвал ему руками пасть
И умер в ранней юности мой прадед,
Когда б я сам – у Гитлера в когтях –
Был искалечен именем науки
Иль попросту от голода зачах,–
Мой Томас не протягивал бы руки
Вослед лучам, скользящим по стене,
Не улыбался бы сейчас во сне!

Как высока – когда помыслишь шире –
Существованья нашего цена,
И есть ли драгоценность в этом мире,
Что жизни человеческой равна?!»

Мелькают годы гребнями миража.
Но для истерзанной войной души
Они – увы!– не слишком хороши:
Нет облегченья. Нет надежды даже
На краткий промежуток, на покой,
Что наступал меж войнами когда-то...

А ведь солдаты устремлялись в бой,
И падали под пулями солдаты,
Чтоб на земле трудиться – теплой, свежей,—
И слушать беззаботный щебет птиц,
И радоваться свету детских лиц,
И улыбаться, чуть заря забрезжит...
Но глаз людей не веселит рассвет.
Нет передышки... И покоя нет.

Не утешает вспаханное поле,
Не освежает сердца вешний сад...
Нет больше мира!.. А не для него ли
Во все века ведет войну солдат?!

Еще в руинах города... И сразу –
Угроза за угрозой... Водород...
И бомбы, разносящие заразу...
Что перед этим сорок пятый год
И атомная бомба Хиросимы?!Что нынче старая «Энола Гей»?
Она, по мнению знающих людей,
И впрямь с игрушкой детской сравнима!

Корея... Гватемала... И Суэц...
Когда конец?.. И будет ли конец?

Прислушиваясь чутко к дням бегущим,
К тревожному потоку этих дней,
Адам предвидел только мрак в грядущем
И горько думал о стране своей:

«Не в ней ли – не в Америке ль – истоки
Того, что наши времена жестоки?!

Америка, народы «защищая»,
Их защищает... от самих себя.
Несутся стоны из любого края,
Куда спешит «защитница», трубя.

Америка, тобою старт открыт!..
По твоему почину и старанью
Все страны ринулись в соревнованье –
Кто и когда кого перебомбит?
Здесь все, как могут, проявляют прыть,
О достижениях объявляя с помпой...
Спешат, как будто персональной бомбой
Боятся хоть кого-то обделить!

Все мчатся в пропасть будущей войны.
Война легла на мир багровой тенью,
И люди, кажется, заражены
Безумной жаждой самоистребленья,
Зывая к гению:– Изобрети,
Как побыстрее жизнь с земли смести!

Все, все пошло по твоему почину,
Америка!..»

Так рассуждал Адам.

«Пусть я без смысла жизнь свою отдам...
Но – боже мой!– что ожидает сына?!»

Глядит отец, как Том из автомата
Строчит по взводу крохотных солдат.
Пока еще из олова солдаты,
Игрушечный не страшен автомат,
Но срок придет: дадут оружие в руки...
...И старый Тафт заботится о внуке.

В дом Крейзи ездит он, как на работу,
Как прежде, Тафту ненавистен зять,
Но нужно же у внука развивать
Те чувства, что приличны патриоту!..

Уютно в кресле Томаса устроив,
Старик витиевато и темно
Ведет рассказ о подвигах героев,
Кто воевал еще давным-давно.

Том – озорник, но парень он смышленный
И скучновато думать с малых лет
О том, что делалось во время оно...
Куда забавней, чтоб позлился дед!

Том устремил на Тафта взгляд лукавый:
– Про это говорил ты в прошлый раз,
О русских слышать я хочу рассказ!
(«Конечно, деду это не по праву!»)

И Тафт на удочку попался тут же:
– Что – русские?! Как негры. Только хуже.

(«Он сердится...»)

Доволен Том вполне...

– Неправда! Русские – народ отменный!
Они дрались, как черти, на войне
И папу моего спасли от плена!
А если наши негры с ними схожи,
То негры – славные ребята тоже!
(«Отцовский сын! Позор моих седин!»)
Вздыхает дед. («Пока еще не поздно,
Мне следует заняться им серьезно...»)
Но тут обоих позвала Катрин.

У телевизионного экрана
Она стояла, улыбаясь странно,
Отец шепнул:– Послушай, мальчик!.. Тише!..–
А на экране диктор молодой
Насторожился, будто что-то слыша,
Как будто говорит он со звездой
И звездный голос где-то рядом, близко...

Но голоса звезды не слышал Том.
Нет, доносилось что-то вроде писка:
«Пи-и, пи-и»... Комар влетел к ним в дом?
Или цыплята вывелись живые?..
А диктор громко, оглушая всех,
Сказал:

– В земной истории впервые
Прорвался к звездам, в космос – Человек!

Он волновался, словно там, вдали,
Сам побывал, вращаясь в звездных крутях...
И снова Том услышал слово «Спутник»,
Вошедшее в наречья всей земли.

– А запуск?.. Запуск кто-нибудь видал?..–
Тафт усомнился...

– Bravo, генерал!–
Воскликнул Крейзи.– Кто же вас обманет?!
А впрочем, превосходный способ есть –
Не видеть фактов, сохраняя честь:
Глаза прикройте: Спутника не станет!

Но Спутник был... И думали над тем,
Насколько посчитаться с ним придется,
Ученые, врачи и полководцы,
И в мире не было важнее тем.
Теперь поднялся в космос человек –
И стал «космическим» двадцатый век!

И янки согласились в тот момент,
Что от России, мол, отстали Штаты
И что в позоре этом виновато
Правительство, а пуще президент...

Все те, что злы и жестокосердечны,
Завидовали русским бесконечно.

Собака Белка, кажется, и та
У патриотов возбуждала зависть.
Они б собачьи заняли места,
Сперва, понятно, об оплате справясь.

Повсюду раздавалось допоздна:
«Гагарин», «Спутник», «Русские», «Луна»...

А тех, кто добр, тех охватил порыв,
Как будто мир им заново подарен.

Улыбкою планету озарив,
Пленил все человечество Гагарин.
Историю он точно поднял ввысь,
И пылкие сердца за ним взвились.

Все – юноши, подростки, даже дети –
Взлетели б в космос, если бы могли,
Никто бы не остался на планете,
Хотя б затем, чтоб строить корабли!..

В те дни молчал в растерянности Тафт.
А Том сказал:– Я буду космонавт!–
...О небо! О поэзия поэзий!
Кого оно отныне не влечет?
Уставясь в трубку, точно звездочет,
Сидел на крыше дома Томас Крейзи.
Он рылся в картах... А когда подрос,
Стал Циолковского читать всерьез.

У Томаса над письменным столом
Из рамки улыбается Гагарин.
Здесь разговор идет лишь об одном...
Адам спокоен: «Пусть мечтает парень,
Полезно это свежему уму,
Познания для юности – не бремя.
Позднее разберется что к чему...
Потом, потом... Когда настанет время...»

А время?.. Время никого не ждет.
Оно упрямо движется вперед.
Хоть стой столбом – оно тебя подвинет,
Беги бегом – нагонит и доймает...
Что дать кому положено – дает,
А что отнять положено – отнимет.

13

И время шло... Но замечал Адам,
Что интересы Тома неизменны,
Все так же он и страстен и упрям
В стремлении проникнуть в глубь Вселенной.
В глазах жены Адам читал укор.
Катрин права: и вправду, нет причины
Откладывать серьезный разговор
Двух равных... да, мужчины и мужчины!
...Отец и сын волнуются слегка.
Они, по окончании обеда,
Сидят вдвоем за рюмкой коньяка,
И откровенная идет беседа...

О т е ц:
Ты рвешься в космос?

С ы н:
Это – не слова.
Мое решенье – не переиначат.

О т е ц:
Но летчиком ты должен стать сперва.
А ты подумал, сын, что это значит?

С ы н:
Не понимаю...

О т е ц:
Погляди вокруг:
Нет в мире дня, чтоб не пролили крови.
И мы повсюду с бомбой наготове.
Везде, везде Америка, мой друг...
Куда ни глянь, повсюду страшный танец
Земли, камней, оторванных голов...
Пойми, мой мальчик, я – американец
И родине своей служить готов.
Что б там иным ни вздумалось молотъ,
Я – сын Америки, от плоти плоть.
И потому мне тяжелее втрое
Следить за недостойною игрою...

С ы н:
Какой, отец?

О т е ц:
Возьмем хотя б Вьетнам.
Страна – в крови, в страданиях, в разоре.
Мы тоннами туда швыряем горе
Который год... Иль не под силу нам
Сломить вьетнамцев армией могучей?..
Довольно бомб у нас на этот случай!
Но, мальчик, нам победа не нужна.
Нужнее непрерывная война!

С ы н:
Но для чего?!

О т е ц:

Чтоб не было простоя.
Из выгоды... Иль не слышал, сынок,
Что крови человеческой поток
Становится рекою золотою,
Вливаясь в банки, в сейфы?.. Тем сильна
Америка – богатая страна.
Так соверши в уме одну работу –
И разом ощутишь, где ты живешь...
Как фюзеляж и крылья самолета
Ты можешь в мыслях возвратить в чертеж,
Так с золотом, в своем воображенье,
Такое же сверши преображенье,
Чтоб принял весь процесс обратный ход
И стали деньги кровью... Захлестнет
Тогда страну лавина крови, стонов,
Смыв берега Харлемов и Гудзонов!..

Поднялся б к облакам кровавый вал
Превыше небоскребов и нагорий,
В соленое пылающее море
Нью-Йорк бы погрузился и пропал...
А мы с тобой лежали бы на дне,
Утопленники, – где-то в глубине
Багрово-синие, в зловонной яме,
Со вздутыми от крови животами.
В крови, в людской крови весь шар земной!..

С ы н:

Спокойнее, отец!.. Ты сам не свой!
В убийствах мы с тобой не виноваты...

О т е ц:

Я говорил: Америка богата...
А много ли, скажи, счастливых в ней?
Преуспевают несколько семей.
А остальные?.. Миллионы прочих –
Интеллигентов, фермеров, рабочих?..
Иной по виду будто бы и сыт
И вроде бы не просит подаянья,
А счастлив только тем, что ощутит
В руке «фуд стемпс» – талончик
на питанье!

С ы н:

Но есть ведь и разумные меж нами.
Те, что кричат: «Долой войну в
Вьетнаме!»

О т е ц:

Парнишек наших убивают там.
Иной жалеет кровь, да только нашу,
А не чужую... Он бы весь Вьетнам
Мог превратить в дымящуюся кашу!..
Ребята из Вьетнама – молодцы!
Они с таким упорством и отвагой –
Как дай бог нам!– отстаивают блага
Земли, где жили деды и отцы!
Любой из них, по сути дела, прав:
Когда бесстыдный гангстер, нож подняв,
Грозит твоей жене или невесте,
Сестру позорит, оскорбляет мать,–
Представь себя, мой сын, на этом месте!–
Что остается делать?! Убивать!

Сын:
Ну все-таки!..

Отец:
Ты посмотрел сердито.
А ты попробуй, вникни в существо:
Убийство для него – самозащита.
А ты за что готов бомбить его?!
Несется по небу такой молодчик, –
И горе людям, селам, городам!..
Вот и тебя пошлют бомбить Вьетнам...
...Теперь ты понял, что такое – летчик?..
Иль ты безвинных убивать согласен
Лишь потому, что космос так прекрасен?!

Глаз не сводя с отцовского лица,
Сын все молчал... Ни словом не переча,
Поднялся он, поцеловал отца
И обнял, точно младшего, за плечи:
– Я знаю, папа: пережил ты много...
С тобою кое в чем согласен я,
А также лучшие мои друзья...
Но что мне делать?.. Я свою дорогу
Сознательно, продуманно избрал:
Что ни случись, – я сяду за штурвал
И поведу по небу самолет,
Хоть не люблю ни зла, ни преступлений...
Ведь, может статься, завтра некий гений
Домчатся к Марсу способы найдет.
Что ж, мне стоять в сторонке?..
Благодарствуй!..
Ты – диагност, как следует врачу.

А я... Я просто верю, что до Марса
Я, Томас Крейзи, первый долечу,
Себя прославлю, и тебя, и маму...
Идет?..–

И Томас подмигнул Адаму.

14

Он, улыбаясь, подошел к врачу.
Врач, осмотрев его, отметил что-то.
И звонко хлопнул Тома по плечу:
– Отлично, парень!.. Хоть сейчас – к полету!
Во всем ему сопутствовал успех.
Он показал находчивость и знания
И выдержал блестяще испытания,
Без скромности излишней – лучше всех.

Спокойно предвкушая торжество,
Не торопясь, он стал глядеть на списки...
Но где же, где фамилия его?!
Наверно, здесь оплошность машинистки?!

Он поспешил к начальнику...– Ошибка!
Я – Томас Крейзи...–

Но, угрюм и сер,
Видавший виды старший офицер
Вдруг улыбнулся... Грустная улыбка!

– Ошибки нет. Служить вам суждено
В пехоте... Там вы смоете пятно,–
Сказал начальник вдумчиво и веско
И сунул в руку Томасу повестку.

– «Пятно»?.. Какое?! Путаєте что-то!..–
Он прочитал повестку... Боже!.. Он
Мобилизован в грязную пехоту!..
А дальше что?.. Вьетнам, а там – Сайгон?!
– Послушайте, за мною нет проступка!
За что меня туда?.. Из-за чего?!–
Воскликнул юноша с надеждой хрупкой...

– А вы отца спросите своего,–
Изрек начальник и замолк сурово.
Уж он-то знал, чего не знали все,–
Что на Адама Крейзи есть досье,
Где вписано от слова и до слова
Все то, что говорил он до сих пор,
Что оплетен он паутиной тонкой,
Что даже и последний разговор
Обоих Крейзи занесен на пленку,
И тщательно изучен, и учтен,
Как с гуверовских повелось времен.

Об этом не догадывался Том,
Он думал, что сенаторам доложит,
Что в Белый дом напишет обо всем,
Что президент вмешается, быть может,
И разъяснит им всем, что это – чушь...
О, заблуждения наивных душ!

Родные Тома с нетерпением ждали,
Но, увидав, что он в такой печали,
Все поняли по выраженью глаз...
Отец заметил, выслушав рассказ:

– Семейю, мой друг, ты выбрал неразумно,
И при рожденье бдительность нужна...
Теперь ты видишь, какова цена
Одной из демократий – самой шумной?..

В слезах сидела мать... Не унывал
Лишь старый Тафт – в отставке генерал.

– Том не достиг желанья своего,–
Он разглагольствовал.– И это жалко!
И впрямь, дурное у него родство...
Но армия – прекрасная закалка.
Конечно, Том сумеет отличиться,
И через месяц, много – через год –
Он сядет на спину железной птице,
И птица Тома в небо унесет.

...Тирады Тафта всем давно знакомы,
Но слушать их сегодня – тяжело,
Как будто бы больной под крышей дома,
Как будто горе здесь приют нашло...

15

И вскоре в армию был Томас взят,
И Томасу повесили на шею
Короткий и тяжелый автомат,
И – ну учить, как убивать ловчее!

Как пересечь врагу бесшумно путь,
Ножом по горлу полоснуть получше,
Гранату дальше и быстрее метнуть

И как молитву сотворить на случай...
Как бегать, падать, вскакивать опять,
Мгновенно переламывать суставы,
Как по-пластунски ползать и стрелять,
Стрелять налево и стрелять направо...

– Стой, как положено, сопливый фронт!
Расставил ноги, как на льду корова!..–
Держа пред Томасом кулак здоровый,
Орал на Томаса лихой сержант.
Жестокой унизительностью крика
Зачеркивая за единый взмах
Все то, что говорится о правах
В американской хартии великой...
Стал каждый день для Томаса как вздох,
От нудных повтсрений мозг чссох,
Но без конца в него вбивали, метя,
Чтоб встало крепко, точно гвоздь, в уме:
«Америка, Америка, Аме...
...рика, ты – лучшая страна на свете!»

16

... В Сайгоне у посольства в час ночной
Вязи, под флагом звездно-полосатым,
Любуясь в небе Марсом красноватым,
Сгорял недвижно Томас-часовой.
Желанный Марс манил его и влек,
Но Томас Крейзи был на карауле.
И тут внезапно просвистела пуля
И угодила Томасу в висок...

399

...А дождь хлестал. Он шел во весь разгон,
 Как будто там, вверху, разверзлись хляби...
 Вовек, казалось, не иссякнет он,
 Не присмирееет, шумный плеск ослабив.
 По тротуарам мутная вода
 Несет листы газет и хлопья хлама...
 И те, что нехотя пришли сюда,
 Пытаясь разделить печаль Адама,
 Стенают тягостно: «Бедняга Том!»
 Вздыхают о немилости господней,
 А разобраться – так скорей о том,
 Что вымокнуть придется им сегодня,
 И, натирая докрасна носы,
 Томятся от мучительных усилий
 И, то и знай, косятся на часы:
 «О боже! Стрелки словно бы застыли!»

Но, точно отмечая ход минут,
 Два воина с квадратными плечами
 На место неподвижных двух идут,
 И караул сменяется в молчанье...

Тафт-генерал себя утешить тщится.
 Он шепчет, принимая валидол:
 – Том не поднялся на железной птице,
 Но все же в небо дух его взошел.

Гремят шаги. Прислали взвод солдат,
 Должно быть, для прощального салюта.

Их сапоги размеренно стучат,
И с ними в дом ворвался дождь как будто...

Агент из похоронного бюро
Кивает офицеру: «Время!»

Оба

К хозяину, стоящему у гроба,
Придвинулись...

Печально и остро

Проплыл над головами аромат
Цветов, которые увянут скоро
И знают это... Реквиема хоры
Все шире, все торжественней звучат...

Страдание, что не вмещает слово,
Что за пределом языка людского,
В мелодию волшебно превратив,
Земную скорбь покоем просветляя,
Плывет над гробом музыка святая –
Души освободившейся порыв...

И, скорбным звукам Реквиема вторя,
Вся жизнь

туманным сонмищем теней

Прошла перед Адамом –

с первых дней

И до конца, до нынешнего горя,
До гроба, где лежит – недвижим, строг –
Тот, кто в веках ее продолжить мог...

Все то, что дал, чего недодал бог
(А может, век?.. А может, стык эпох?..),–

Всю жизнь свою Адам увидел сразу...
И черной молнией сверкнул итог:
«Tabula rasa»¹.

Часть вторая

1

Еще он слышит, как стучит надсадно
О крышку гроба мокрая земля.
Он, Крейзи, горю предается жадно,
Ни с кем напиток горький не деля.

Вернувшись полумертвым с похорон,
Он здесь, с живыми, — лишь наполовину...
Душа и разум устремились к сыну,
И кажется отцу: не вправе он
Забить раскат прощального салюта,
Не думать об ушедшем хоть минуту.

Перебирая выцветшие фото
(Подросток Томас, юноша, солдат,
Все карточки о чем-то говорят,
И в каждой все ж недостает чего-то),
Вдруг улыбался он, как будто связь
С погибшим возникала понемногу,
И тут же озирался, устыдясь:
«Никто не видел?.. Нет?.. Ну, слава богу!»

---

¹ Чистая доска (*лат.*).

Теперь, когда они навеки врозь,
Он с Томом говорит, как с младшим другом...
(А раньше не успел за недосугом,
И нужных слов как будто не нашлось.
Зато теперь они кипят в избытке,
Теперь, когда на свете Тома нет!)

...В руках Адама – жалкие пожитки:
Мешок солдатский, старенький планшет,
Где смятые бумаги, дневники,
Набросанные наспех на привале.
Иная запись – только в полстроки...
И все ж в уме картины замелькали:
...«Удушье джунглей. Влажным, тяжким днем
Он полз, мой сын, по тинистым болотам...
А я?.. Подумал я в тот миг о нем,
Житейским, мелким преданным заботам?!

Над ним роились комарье и гнус.
Примеривалась смерть к нему впервые,
А где был я?.. Не лицемер, не трус,
Нет, просто – эгоист, как все живые...»

Не искупить отцу своей вины,
Хоть ночь за ночью он томится, плача...
«Нет, нет, мой сын!.. Пусть мы разлучены,
Пусть – хоть в мечтаньях!– все пойдет иначе!»

...И вновь ползет солдат... Но по пятам
За сыном всюду следует Адам,
По джунглям движется неслышной тенью,
Случается, порой остережет –

Не голосом, но шепотком волненья:
«Вниманье, мальчик!.. Погляди вперед!»

Но это лишь в желаниях... О, горе!..
Адам вникает в тоненький дневник
И видит:

«В том, последнем разговоре
Отец был прав...» О господи!

Возник

Как будто на небе, – в густом тумане
Том-космонавт, невоплощенный Том.
Вот он плывет в скафандре голубом.
Должно быть, так ступают марсиане –
Замедленно, по воздуху почти, –
И машет голубой рукой с пути.
Кому?.. Отцу? Планете ли родимой?
На рыцаря в доспехах он похож,
Он вдаль плывет... Он проплывает мимо...
...«Отец был прав...» – перевозмогая дрожь,
Читает Крейзи эту запись дальше,
Простую запись – без прикрас и фальши:
«Сегодня за полдень произошло
Такое, что навряд ли я забуду.
Теперь оно пойдет со мной повсюду –
Жестокое, бессмысленное зло,
То поругание всего людского,
К которому не подберу я слова.

Да, я солдат. Но все ж я – не злодей,
И не хочу за это быть в ответе:
Я видел истребление людей,
И потому мне стыдно жить на свете.

Все запишу, как пишут протокол
(Свидетели тому – у нас, в отряде),
Сержант к нам «неприятеля» привел,
Солдаты их подталкивали сзади.
Четырнадцать – пятнадцать было их,
В приказах именуемых «врагами» –
Тех, на кого мы низвергаем пламя:
Крестьян вьетнамских – тихих, пожилых.
В глазах – скорей растерянность, чем страх.

И женщина... Ведь надо же случиться,
Там женщина с ребенком на руках!..
Вьетнамка-мать, похожая на птицу.
Подталкивал ее сержант – «герой»,
Подмигивал при этом молодецки.
Я замечал: у матерей порой
Бывает взгляд такой – почти что детский.

Он проникает в душу, не кляня.
Он может и у камня вызвать жалость.
Вот так она взглянула на меня,
И сердце у меня невольно сжалось.
Ребенок был похож на старика –
Худой, в морщинах... Не подумав даже,
Достал я шоколад из вещмешка
И дал его мальчишке... Но тотчас же
Сержант солдата подозвал, сайгонца,
И, что-то на ухо ему шепча,
Взмахнул рукой...

Смотрело с неба солнце.

Земля цвела – влажна и горяча.

Был день как день...

И вдруг солдат берет

Дитя у матери и лапой грубой
Пихает плитку мальчугану в рот,
Все глубже, глубже... Так, что рвутся губы.

Сайгонец и сержант, смеясь, глядят,
А мать стоит – подавленно, понуро.
Ребенок захрипел... И струйкой бурой
Течет по подбородку шоколад
Иль кровь... Таращится ребенок дико,
И воздух содрогаεται от крика
Несчастной матери.

Все – как во сне.

Лицо у мальчугана посинело,
Дрожа, обмякло худенькое тело,
И – это не забыть вовеки мне!–
Он, точно вянувший цветок, ослаб,
Поникла голова на шейке тонкой...
Тогда сайгонец – злобный этот раб –
Швырнул его на землю, как котенка.

Мне все трудней становится писать,
И память лишь обрывки сохранила...
Хотя солдаты и держали мать,
Она рванулась с непонятной силой
И плюнула в сержанта.

Взяв за косы,

Он голову ее пригнул назад,
Кинжал извлек, оставив автомат,
И полоснул ее по шее косо.
И стала шея белая – багряной,
И я увидел, к месту пригвожден,

Что кровь – струей горячею фонтана
В глаза убийце брызнула. И он
Провел платком брезгливо возле глаз,
Но все же кровь комками запеклась...

Нас проклинали пленные, грозя...
Тогда сержант сильнее стал яриться,
Крича:– Из этой своры желтолицей
В живых оставить никого нельзя!
И нашему терпенью есть предел!..
До корня истребим их род проклятый
И увеличим «боди каунт» – счет тел!..
И начал он строчить из автомата
По связанным... И кровь ручьем текла.
И содрогались на песке тела.

...Об извергах рассказывал отец.
Мы слушали – и веря и не веря.
Но то ведь были гитлеровцы, звери,
Фашисты... Им тогда пришел конец.
Мы называли их «исчадьем тьмы»,
Браня врагов, мы лезли вон из кожи.
«Убийцы, мол, и варвары...»

Но кто же...

Но кто же мы?»

Так обрывалась запись в дневнике.
Адам его захлопнул и в тоске
Чуть слышно прошептал:– Великий боже!
И вправду, кто же мы такие?

Кто же?..

...Нет, слишком долго он сидел один.
Скорее к людям!.. В клинику, в больницу –
В труде своем привычном раствориться!

Бежать, бежать!.. Но раньше от Катрин
Дневник он спрячет – этот сгусток боли,
Страданием переполненный сосуд,
К странице прикоснешься против воли,
И обожжет тебя. И побегут
Потоки скорби и кровавых бед,
Окрасив черным цветом белый свет.

2

Желая сделать жизнь свою полезней,
Больницу эту основал Адам.
И вскоре жертвы лучевой болезни
Прослышали о ней. Хотя и там
Не знали верных средств от облученья,
Но людям все ж давали облегченье.

«Пусть нынче хворь моя – неисцелима,
Быть может, завтра сыщут что-нибудь...»–
Мечтал бедняк, пускаясь в долгий путь
Из Нагасаки или Хиросимы
В больницу благородного врача,
Который денег не берет, леча.
Летели, плыли, ехали понуро,–
И все ж тая надежды огонек!–
Несчастные без рук или без ног...
Иных направил доктор Накамура.

Он тоже вскоре слег – полуживой,
Не избежав болезни лучевой...

Но было много и таких больных,
Кто просто прибыл из другого штата,
Кого в Америке недуг настиг...
Служители науки и солдаты –
Все попадали в клинику Адама.

На жребий свой они смотрели прямо
И понимали, что им суждено,
Но все же в тайниках сознания, но...
Любой из них – ученый или воин –
Надеялся... Так человек устроен.
Не хочет он терять с землею связь,
Он даже и в агонии, быть может,
Надеется, что век еще не прожит,
За каждый вздох мучительно борясь.

О воле к жизни – властной и чудесной –
Врачам разумным издавна известно.
Она порою может побороть
Успешней, чем таблетки и уколы,
Недуг весьма коварный и тяжелый,
Поддерживая немощную плоть.

О, воля к жизни!.. Крейзи знал ей цену...
– Понаблюдайте настроений смену, –
Так убеждал он молодых коллег, –
Узнайте, чем встревожен человек,
И отыщите вовремя то слово,

Которое поддержит дух больного,
И сможет он с недугом тяжким биться...
Вниманьем к людям славилась больница.

Здесь каждый врач был пациенту – друг,
Не говоря уж о самом Адаме:
Как будто вовсе не ценя досуг,
С больными он беседовал часами
(«Чем я живое слово возьму?»).
Подолгу он сидел у изголовья
Неизлечимых...

И какой любовью
Они платили своему врачу!

Такой любви (к несчастью или по счастью?)
Нельзя купить ни деньгами, ни властью.

Но только весть в больницу долетела,
Что сын – отцовской чести вопреки!–
Ввязался в грязное, дурное дело,–
Больные это приняли в штыки.
Как будто замутилось то, что свято
И нерушимо было до сих пор.
С утра палата спорила с палатой,
До ночи не стихал горячий спор.

Один твердил:– Солдат – не виноват.
В руках других он служит лишь орудьем.
Что делать нам, простым подвластным людям,
Когда начальники стрелять велют?!

– Кто ж виноват?–

гремел вопрос в ответ.–

Ведь президент и тот солдат, не боле.
И тот не по своей воюет воле!
Так рассуждать – виновных вовсе нет,
А в мире между тем бушует пламя,
И люди погибают во Вьетнаме!
А тот, кто получил болезнь в наследство,
Кто был еще во чреве облучен,
Кто ощущал себя калекой с детства
И с детства знал, на что он обречен,
Воскликнул гневно, с яростным запалом:
– Солдат не виноват, детей губя?!
Да разве вместе с платьем штатским снял он
И совесть и ответственность с себя?!
Выходит, он совсем расчеловечен?..
Иль робот он, который глух и нем?..
Нет, подлости не оправдать ничем –
Ни рабским подчиненьем, ни увечьем!..
Нет, честь в душе всегда сиять должна!..
Пусть мне придется жизнью поплатиться,
Я уйду... Мне помощь не нужна
Из рук врача, чей сын – детоубийца!..

Так он кричал с решимостью суровой.
И Крейзи понял спора существо,
Еще в дверях услышав речь больного.
Без возмущенья глядя на него,
В палату он вошел неспешным шагом:
– Вы правы, друг, считая высшим благом
Свободу, совесть чистую и честь.
Я попытаюсь выразить словами,
Что я считаю правдой, все – как есть...–
И он сказал, что думал о Вьетнаме.

...Узнав о том, что сын врача убит,
Иные вдруг почувствовали стыд:
Мол, доктора обидели напрасно.
Казалось им: они к беде причастны...
Сказать короче, получилось так,
Что в день, когда Адам пришел в больницу,
К нему боялись с просьбой обратиться.

Сосед соседу подавая знак,
Одергивал его, шептал:– Молчи!
Теперь ему – не до тебя... Куда там?!–
Все разбрелись в молчанье по палатам.
Кто притворился спящим... А врачи
Сочувствие так скупо выражали...

Где взять слова?.. Их подберешь едва ли...
Жалели все несчастного отца,
И все слова казались людям сухью.
А он смущенье счел за равнодушие:

«Чужие люди. Чуждые сердца.
И все делами заняты своими...»
Невольно прятал он от них лицо,
И все жесточе, все невыносимей
Сжималось одиночества кольцо.

3

В народе нашем говорят: «Язык
К больному зубу тянется невольно».
И Крейзи, хоть оно и было больно,
Тянуться мыслью к Томасу привык.

В бумагах сына, в тонкой этой связке,
Попалась под руку ему тетрадь
С пространный записью восточной сказки.
«Зачем решил мой Томас записать
Сказание о злой Железной Птице?»

Он стал читать страницу за страницей...

Железная птица

(Восточная сказка)

Два могучих хана в старину
Долго меж собой вели войну.
Чтобы мир увидел, кто сильнее,
Кто отважнее из них двоих,
Ханы воевали, не жалея
Жизни верноподданных своих.

Жгли детей, лишали старцев крова,
Поливали кровью пыль дорог,
И, однако же, один другого
До конца разбить никак не мог.

И – гласит преданье! – как-то в ночь
Одного из ханов осенило:
Там, где грубая бессильна сила,
Может разум, исхитрись, помочь,
По хотонам дальним и аймакам
Полетел Властителя указ:

«Вы, жрецы, чей разум не погас,
Кто читает путь по звездным знакам,

Мудрецы, чья мысль весьма остра,
Да и вы, умельцы-мастера,
Кто ума туманную находку
Воплощает красочно и четко
С помощью своих проворных рук,
Поспешите во дворец тотчас же,
А иначе вас подвергнет стража
Пыткам, что почище адских мук!»

Повинуясь ханскому указу,
По дорогам заспешили сразу
Те жрецы, чья мысль еще остра,
Мудрецы, постигшие отменно
Тайны сокровенные Вселенной.
И прославленные мастера,
Кто ума туманную находку
Воплощает полновесно, четко –
С помощью своих волшебных рук...
Все они стеклись и сели вокруг
Трона золоченого, дыханье
Затаив и думая о хане.

И предстал он, гневом распаленный.
По ступеням золоченым трона
Он взбежал, и подданных ожег
Желтый, огненный его зрачок.

На простертых ниц взглянул он снова
И высокое промолвил слово:
«Миру ведомо: десятилетия
Я, чья слава небу дорога,
Сокрушал коварного врага,

Но не смог злодея одолеть я.
Он, дракон, пылает злобой черной.

На земле нет места нам двоим.
Все, что в нем, – погано и тлетворно...
Если мы его не победим,
Нас погубит страшное соседство.
Для того я всех сюда собрал,
Чтоб совместно вы сыскали средство,
Как сразить злодея наповал.
Время наше ханское ценя,
Головы друг другу не мороча,
Думайте!.. Дарую вам три дня
И – по щедрости своей! – три ночи.
Если не отыщете все вместе
Способа, чтоб цели я достиг, –
Что ж, пеняйте на себя самих.
Миру ведомо: я страшен в мести!

Если же найдете верный путь, –
Вас по-хански отблагодарю я,
Грамотою вечной одарю я,
Вечной, люди, – не какой-нибудь!..
Чтобы правнуки, в труде усердном
Изучая наши времена,
Вслед за именем моим бессмертным
Вспомнили и ваши имена!»

Вот какой торжественный наказ
Мудрым дал Властитель их единый,
Сопряженный с небом пуповиной,
Неприметною для наших глаз.

Возразить попробуй-ка осмелся!..
Навлечешь громopodobный гнев...
И внимали хану, онемев,
Умники, ученые, умельцы.

На три дня, на три бессонных ночи
Все забыли жгучий яд обид,
Самолюбие, что тихо точит,
Зависть, что в душе, как змей, шипит,
И доносы, и прямые стычки,
Все добры друг к другу, вопреки
Издавна усвоенной привычке—
Жрать друг друга, точно пауки.

Вместе трудятся спасенья ради.
А иной, тщеславьем обуян,
Помышляет все же о награде:
Как-никак сулил бессмертье хан!

И философы, и звездочеты,
И алхимики, и кузнецы —
Все в пылу одной большой работы,
Все теперь — искатели, творцы.
Об едином замысле радея,
Каждый делится своей идеей,
Добротой блистает небывалой.

Чашу знаний, что по капле малой
За века налита дополна,
Процедили мудрые до дна,
А затем, разглядывая донце,

В свете Разума – как в свете Солнца
(Разум столь же ясен и могуч!),–
Мысль и страсть свою сосредоточа,
Сообща – к исходу третьей ночи –
Древней тайны отыскиали ключ
И уже готовы раным-рано
Доложить о том владыке-хану.

Но, учтя Божественного норов
(«Ох, беседа с ханом не проста!»),
Отрядили для переговоров
Мудреца Медовые уста,
Так как смолоду он был отмечен
И прославлен тонким красноречьем.

И сказал мудрец:

– О повелитель!

Мы прошли сквозь темень и туман,
Ибо нам сиял путеводитель –
Твой наказ, всемилоливый хан!

Исключив былые заблужденья,
Вновь отлив утраченные звенья,
Отстранив бесплодные сомненья,
Мы нашли, как справиться с врагом,
Способ обрели, что был иском.

Способ наш – дотоле неизвестный –
Птицей называется Железной.
Мы – соизволением твоим!–
Птицу эту вскоре смастерим,

Птица эта, изрыгая пламя,
Полетит над вражьими домами,
Снизит лет и, брюхом землю взрыв,
Жрать начнет всех тех, кто ныне жив.

Не коней, не скот – избави боже!–
Годен хану и табун и скот!..
Напрочь лишь двуногих уничтожа,
В порошок врага она сотрет,–
Только дайте до него дорваться!
А тебе оставит все богатство.

И, бездушный окрылив металл,
Мудрый, ты прославишься навеки!..–
Хан тяжелые приподнял веки.

– Мы довольны,– хан пробормотал,
Луч скользнул по ханскому лицу,–
Грозный улыбнулся мудрецу.

Но мудрец Медовые уста,
Удостоенный подобной чести,
Все топтался, все стоял на месте.

Хан подумал: «Совесть нечиста!
Верно ли, что решена задача?»

– Все поведай, ничего не пряча!
Скоро ли смогу велеть – «Лети!»
Птице, пожирающей живое?..
– Хан!– сказал мудрец, согнувшись
вдвое,–

Все же есть преграды на пути...–
Хана вмиг покинуло веселье,
Хана словно что-то обожгло.
Желтые глаза сверкнули зло:
– Миру ведомо, что мы доселе
Не боялись никаких преград!
Я ль железной волей не богат?!
Ты мою преуменьшаешь славу,
Принижаешь всю мою державу,
Жалкими преградами страша!

Книжный червь! Бумажная душа!
В нашем ханстве есть не только Разум,
Счета нет сапфирам и алмазам,
А людишек, как известно, – тьма,
Более, чем пыли или сору.
Прикажу, они своротят гору!
Старый лис, ты выжил из ума,
Говоришь без смысла и без лада!
Что для богоравного – преграда?!
Может, ты считаешь, низкий раб,
Что и я, твой повелитель, слаб?!
Может быть, казна моя пуста?..
Что там нужно?.. Перлы или деньги?..–
Тут мудрец Медовые уста
Перед ханом пал на четвереньки
И затем ладони поднял, будто
Перед ним сам всемогущий Будда.

– Пусть с земли бесследно будет смыт,
Кто державу нашу очернит!
Пусть навеки сгинет безымянно,

Кто – хоть в мыслях!– опорочит хана!
Знаем с незапамятных времен,
Что Властитель наш, как лев, силен!

На земле известно повсеместно:
Волею железной ты богат,
И сильнее станешь во сто крат,
Птицею обзаведясь Железной.

Птица, что извечно голодна,
Непременно будет создана
И помчится, распрямив крыла...
Но чтоб эта Птица непреклонной,
Ненасытно-алчною была,
Нужно, хав, преодолеть... препоны.
Нет, не деньги нам нужны сегодня:
Золото не ценит араха!
Нам пока необходима сотня
Дев, еще не знающих греха,
Тех, чьи очи звездные – лучисты,
Чьи уста – как драгоценный лал...
В их крови – сладчайшей, жаркой, чистой –
Закалить придется матерьял,
Чтобы стала кровожадной Птица,
Чтобы Птице пить и не напиться!

Кровью дев наполним чан высокий,
Пусть железный сплав томится в ней
Семью семь – все сорок девять дней,
Чтоб впитались хорошенько соки!..

Хан! Слова твои клеймят и жгут.
Но смири – для дела!– нрав свой пылкий.
Чтоб успешно завершить наш труд,
Есть еще другие предпосылки.

Сто красавиц – это лишь начало.
Женской крови нашей Птице мало.
Чтоб она, стремясь небесной твердью,
Ощутить ни разу не могла б
Низменного чувства милосердия
К тем, кто беззащитен, мал и слаб,
Чтоб была в сраженьях наготове,–
Надо ей мужской, суровой крови.
Чтоб в боях она являла прыть,
Сто бойцов нам нужно раздобыть.
Ста юнцам, что неподвластны страхам,
Головы срубить единым махом!..

Кровью их наполним чан высокий,
Пусть железный сплав томится в ней
Ровно девяносто девять дней,
Чтоб впитались хорошенько соки!

И во всеоружье будет Птица,
И навек противник усмирится.

Так мудрец закончил. Полный скорби,
Он стоял, сухую спину горбя,
Но елеино речь его лилась.

Хан его прослушал, не гневясь.
Помолчал, задумался как будто

И, вздохнув, сказал через минуту:
– Да, оно прискорбно: понапрасну
Дев губить, когда они прекрасны.
И бойцов прискорбно нам терять:
Сотня воинов – ведь это рать!..
Но поскольку это все – для славы
И для благоденствия державы,
Ради счастья, что в веках найдет
Горячо нам преданный народ,
Тот, что ждет от нас Железной Птицы, –
Видно, мне придется поступиться,
Видно, этой жертвы хочет Он,
Сотворивший самой жизни корень!..
Божьей воле даже хан покорен,
Я пред ней склониться принужден.–
Вот что хан сказал через минуту.
Усмехнулся он притом чему-то,
А чему – нам, смертным, невдомек!..
И со всех своих проворных ног
Полетели стражники за горы
И за доли дальние страны...
И пред очи хана очень скоро
Сто прекрасных дев приведены,
Сто невинных, чьи глаза лучисты...
Чан до края полон кровью чистой.

А сто юных дурней добровольно,
Доказав к Властителю любовь,
На него взирая богомольно,
Отдали и жизнь свою, и кровь,
Чтоб – с веками!– на устах потомка
Имена их прозвучали громко.

...Началась горячая пора.
Лучшие умельцы-мастера
Выполняли, не щадя усилий,
То, что прозорливцы говорили,
То, что прорицали им жрецы,
То, что рассчитали мудрецы.

Все они боялись чрезвычайно,
Чтоб шпионы не дознались тайны,
Чтобы о работе их никак
Не проведал недреманный враг.

Не терпелось хану насладиться,
В раздраженье рвал он и металл:
Кровь шипела, плавился металл,
И... Железная предстала Птица!

Вот она, огромная, стоит
В местности пустынной, отдаленной –
Помесь механизма и дракона, –
Странная и жуткая на вид.

Вышиной с кибитку череп злобный
На кувалду шеи водружен.
Грозен клюв ее мечеподобный,
Он длиною – в шестьдесят сажён.

Лапы – тулова ее опоры –
На храбрейшего нагонят страх.
Ну и силища в кривых когтях:
Вцепятся – поднимут в небо горы!

С медно-красным отблеском литье –
Чрево ненасытное ее.
Крылья саранчи – прямы, остры.
И сейчас они гудят, как будто
Норовят стряхнуть стальные путы,
Что на них надеты до поры...

Жаждет хан Летунью увидеть,
На пустырь явился он пораньше –
С пышной свитой, с прелестной ханшей...
Следом тянется, блистая, знать.

Каждый, пряча взоры от соседа,
Чудо-птицу хвалит через край.
Счастлив хан, предчувствуя победу.
Он взмахнул десницей:

– Запускай!..–

Подошли последние мгновенья.
Мастера подтягивают клюв,
Прорицатели творят моленья,
Тайну жизни незаметно вдув
В тело Птицы, сделанной искусно...

И она, подпрыгивая грузно,
Молниями синими плюясь,
Кашляя лиловыми громами,
Рыжее разбрызгивая пламя,
За собой коричневую мразь
Волоча завесой дымовую,
Побежала, а потом взвилась
Прямо к небу, скрежеща и воя.
И, пятная синеву кругом,

Черные выбрасывая смерчи,
Полетела эта Птица смерти
К вражескому ханству – прямоком!»

Ликовали все ее творцы –
Мудрецы, жрецы и кузнецы.
А лицо властительного хана
Излучало радость, словно солнце.
Горстью доставал он из кармана
Лалы, и сапфиры, и червонцы,
Раздавая это все без счету
Тем, кто славно завершил работу.

Соглядатаев призвал он лучших –
Тех, кто из лазутчиков лазутчик,
Из таких, кто тенью в дверь войдет,
Чтобы выйти через дымоход,
В дымоход вползет, подобно змею,
Через двери выскользнуть умея.

Он велел им устремиться в путь,
Чтоб могли они скорей взглянуть
На смятенье вражеского стана
И порадовать вестями хана.

И, едва порозовел восток,
Чуть заря блеснула, небо тронув,
Полетели вести от шпионов,
Хана приводящие в восторг.

Говорилось в первом донесенье:
«Птица солнце заслонила тенью.

В небе – грохот, скрежетанье, гром.
На земле – рыдания и содом».

Во втором стояло:

«Ваша милость,
Птица на хотон врага спустилась
И, когтями-граблями гребя,
Подгребла двуногих под себя».

В третьем:

«Благодетельница Птица
Соизволит смертными кормиться,
Превращая вражеских детей
В груды переваренных костей».

Хан получит весточку такую
И садится пировать, ликуя.
Вместе с ним жрецы и мудрецы –
Птицы удивительной творцы,
Ко двору попавшие впервые.

Все они – как кони призовые:
На груди – из орденов броня,–
Без награды не проходит дня.

А когда пришли в столицу вести,
Что – от ужаса полуживой –
Побежденный хан с супругой вместе,
Вместе с матерью своей вдовой
И с детьми – они кричали очень!–
Птицею Железною проглочен,–
Победитель-хан пустился в пляс,

Мудрецам он долго руки тряс
И, хотя оно и против правил,
Памятник при жизни им поставил.

Славил Птицу и простой народ
(«Может, что ему перепадет
Из добычи богатейшей хана?...»),
Факелы палили неустанно,
Не жалея пакли и смолы.
Пели Победителю хвалы.
Словом, год был праздничен и светел.
Во дворце – то ужин, то обед.
И никто, пируя, не заметил,
Что вестей о Птице нет как нет.
Хан тревожился об этом мало:
Верно, Птицу далеко угнало
И придут вести с опозданием...
Но однажды, смутным утром ранним,
Стук копыт раздался в тишине.
На усталом, взмыленном коне
Показался всадник запыленный,
Мчался он как будто от дракона,
Словно смерть сама его гнала,
Сполз в бессилье с потного седла,
Прохрипев: «Скорей ведите к хану...»–
Повалился наземь бездыханно.

«Видно, малый понабрался страху...»
И кувшин воды холодной с маху
Кто-то на лежащего плеснул...
Тот вскочил.

– Еще не слышен гул?–

У людей спросил он непонятно.—
Что – «она»?.. Покуда не видна?..
Далеко «она»?..

– Да кто – «она»?

– Птица!.. Ведь она летит обратно!
Всех пожрав на вражьей стороне,
Разохотилась она вдвойне
И теперь лютует в нашем крае,
Наших женщин и детей глотая.

Слухи понеслись во все концы.
Возопили матери-отцы
(А давно ли восхваляли Птицу?..):
– Чтобы ей, проклятой, подавиться!
Враженят не наглоталась всласть,
Так за наших деток принялась,
Тех, кого растим с таким трудом...
Помогите, боги!.. Пропадем
Из-за этой прорвы окаянной!..

В тот же день, дрожа, предстали хану
Мудрецы, жрецы и кузнецы –
Птицы отвратительной творцы.
Хан сверкает гневными очами.
Очи хана извергают пламя.
– Стервецы! Злодеи! Червяки!
Разрубить злодейку на куски!
Раздробить на мелкие частицы,
Чтоб не слышал я о вашей Птице!

Но молчат жрецы и мудрецы –
Птицы столь губительной творцы.

И дрожат они, едва живые,
Хоть они, как кони призовые,
В золотой броне из орденов,—
Каждый в шелку спрятаться готов.
То направо глянут, то налево,
Но укрыться некуда от гнева...
Где такие на земле места?..

Тут мудрец Медовые уста
Заюлил и вправду как лисица:
— Мудрый хан, хоть ты высокочтим,
Твой приказ — увы!— невыполним.
Нам — увы!— не подчинится Птица.
Лишь покуда мы крепили части,
Возбуждали кровью аппетит,
Птица покорялась нашей власти,
А теперь, когда она летит
Над землей, напившись крови красной
И от лютой жадности дрожа,
Птица нашей воле неподвластна
И сама над всеми госпожа!

Возраженья слышать хан не мог,
Распалившись пуще, он изрек
Голосом жестоким, точно камень:
— Если вы своими же руками
Птицу не смирите в тот же миг,—
Усмирю немедля вас самих!
Если не разрубите вы Птицу,
Вас самих разрубят на частицы,
А частицы прикажу я сжечь,
А не то живьем вас брошу в печь!

Но мудрец Медовые уста
Посмотрел на хана без опаски,
Точно показался вдруг без маски,
Точно лисья шкура с плеч снята...

– Что же, хан... Наказывай жестоко,
У тебя на то и власть и сан.
Но от нашей казни, мудрый хан,
И тебе, и людям – мало прока.

Слышишь, гул растет над головою?
Это близится, визжа и воя,
Птица, что тобой порождена
И теперь для всех равно страшна.

Что ей, Птице, юный ты иль старый,
Глуп, умен ли, беден иль богат,
Правишь ханством иль пасешь отары, –
Долетит и всех сожрет подряд.

И покуда, хан, еще есть время,
Думай, мудрый, наравне со всеми,
Как бы все же Птицу провести
И себя, и весь народ спасти.

Чем браниться, лучше думать будем:
Больше пользы и себе, и людям.
А не то – придется всем пропасть!..

Понял хан, что гнев его напрасен.
Разум у него был тверд и ясен,
Если мозг не затемняла власть.

Обуздав характер непреклонный,
Сел он скромно на ступеньку трона
И со всеми стал держать совет,
Как сокрыться от грозящих бед,
От Железной Птицы этой самой...

И решили люди вырыть ямы,
Да такие, чтобы не достали
Клюв и когти из холодной стали...

И ушел под землю весь народ,
Словно землеройка или крот,
Позабыв о солнце и о небе,
Проклиная свой жестокий жребий,
Человек, сравнившись с червяком,
По ходам подземным полз ползком.

Так и жили – словно бы в могиле
(Годы, а не дни и не часы!),
А кормились тем, что им носили
Несъедобные для Птицы псы.

Людям под землей пришлось ютиться,
А людьми сработанная Птица
Обегала с грохотом поля,
Брюхом бороздила их, пыля,
И долбила клювом все дороги:
«Может, попадетсЯ где двуногий?»

Пахнет человечиноЮ остро,
А пригодного не видно тела!..»
Птица скрежетала и скрипела,

И ее железное нутро
Постепенно ржавчина разъела.

Голова-кибитка стала ржавой,
Шея – тонкой, черною, дырявой...
Годы шли... И где-то там, в горах,
Птица путь свой завершила, к счастью, –
На мельчайшие распалась части,
Превратилась в черный, смрадный прах...

Но об этом весть дошла не скоро
В землю, в человеческие норы...

Все ж однажды юноша-храбрец,
Ухватясь руками за собаку,
Выполз на поверхность наконец.
По глазам его, привычным к мраку,
Полоснули яркие лучи,
Точно заостренные мечи...

Трудно сразу свет увидеть белый,
Если с детства не видал ни зги.
Но еще трудней другое дело –
Распрямитесь, встать на две ноги,
Если ты всю жизнь провел, ползя:
Сразу человеком стать нельзя!

И, однако, шли десятилетия,
Понемногу народились дети.
Поколение новое росло –
Тех, кого пока щадило Зло.
И сердца их наполнились любовью –

Той, которою земля жива.
Птичьи песни, свежая трава –
Все для этих юных было внове.

Вновь они узнали вдохновенье,
И в прекрасном мире молодом
Молодое это поколение
Вспоминало с болью и стыдом
Прадедов, что жадностью и злобой
Оскверняли добрый лик Земли
И чудовище изобрели –
Птицу с ненасытной утробой.

И в течение долгих-долгих лет
Люди мира каждый свой рассвет
Начинали сладостным стихом
Древности:
– Ом-мáни-бад-мехóm!
Боги, нам дарующие блага!
Удержите от дурного шага
Тех, кто вздумает начать войну!
Ниспошлите мир и тишину!
Пусть на землю к нам не возвратится
Из железа сделанная птица!..

Пусть из праха не восстанет вновь!..
Да царит у нас в сердцах любовь!..

И под небесами голубыми,
На зеленом покрывале луга
Будем жить мы братьями родными,
Уважая и щадя друг друга.

Беден ли, богат – не рассуждая,
Малых от несчастий ограждая,
Старых добрым словом услаждая.
Всеблагие!.. Дайте нам подмоги!
Разум – ясный, справедливый, строгий!
Сердце, что не ведает тревоги,
Солнцем озаренные дороги,
Счастье золотое на пороге,
Сладостные ниспошлите боги!

Да не будет мир объят грехом!
Мы поем:

Ом-мани-бадме-хом!..

4

Катрин стучала в двери:– Поздний час!.. –
Он все не мог с тетрадкой разлучиться.
«Да где ж я слышал о Железной Птице?..
Она в глазах проносится, мечась,
Гремит, грозитя близким и чужим...»

Прямые крылья. Челюстей зажим.
Как саранча... Но в сотни раз огромней.
И как в бреду – противнее, страшней...
Быть может, в книге я читал о ней?..
Еще немного напрягусь и вспомню.
В какой там книге?! Я сошел с ума!
Лишь в «книге жизни», это – жизнь сама.

В проклятый день, когда свинцовой тучей
На всю семью надвинулась беда,
Был Томас призван в армию тогда –

Тесть-генерал нам повторял скрипуче,
Что Томас может в битвах отличиться
И сядет на спину Железной Птицы...

Конечно, в бормотанье генерала
Они мелькали – тени черных крыл!..
(Не ты, мой мальчик, Птицу подчинил,
Она, железная, тебя склевала!)»
...Редеет ночь, но далеко до дня.
Тревожна тишина перед рассветом...
Но почему-то, словно в полдень летом,
В ушах стоит сухая трескотня.

Кузнечики? («Быть может, я уснул?..
Нет, это – явь!..») И треск с жестокой силой
Растет и переходит в низкий гул...

В окно влетел кузнечик острокрылый...
Нет, перепончатая саранча!
Чертит круги, треща и грохоча,
И светится трассирующей пулей.

Кровь капает с зажатых челюстей...
Круги над головой – быстрее, быстрее...
Адаму трудно усидеть на стуле.

«Да это же игрушка самолет,
«Энола Гей» – подарок генерала!
Откуда вдруг она сюда попала?!

В ее кабине крохотный пилот,
Чернявенький – с блоху величиною...
Годится и пигмей на этот пост,

Совсем не нужен человеческий рост,
Чтоб управлять игрушкой заводною!

Он – гном, и только... Но лицо у гнома
Подробно и мучительно знакомо.
Лягушей лапкой револьвер он сгрел
И целится Адаму прямо в лоб,
Повизгивает, гаденько хохочет
И по-латыни что-то там бормочет,
А смысла слов не уловить никак...

Да это ж ты, Артур, мой старый враг!..
Ты носишься по комнате, свистя...
Сейчас ты разобьешься непременно!
Сейчас о стену шмякнешься!..

Хотя...»

Где – стены?..
Настежь распахнуло стены.
Кругом – черно. Черно, как в чреве ада.
Закрыла небо темная громада –
Слепое Нечто. Изрыгая гром,
Летит, за домом сокрушает дом,
Железные, вколоченные сваи,
Как камышинки тонкие, гибкая.

Над океаном движется оно,
И воды вздыбились в нездешней злости,
Валы встают и обнажают дно,
Где остовы судов – как мертвых кости.

Над горной снизилось оно грядой,–
Низины пролегли, где были горы,

Ключи кипящей вспенились водой
И, клокоча, сливаются в озера.

Душа Адама страхом смятена.
Неотвратимо близится она –
Губительница, дьявольская птица.
Куда от черных крыл ее укрыться?!

Ударит в темя клювом, и – пропал!
Адам один – меж небом и землею
(Земля глядит, оскалась, в небо злое),
Он словно бы меж двух подвижных скал,
Они растут, сближаются упрямо, –
Вот-вот зажмут в своих тисках Адама!

Ощерилась земля, грозитесь высь.
Где человеческой душе спастись
От Птицы Смерти, от тоски и гнета,
От ужасов сегодняшнего дня?..

«Нет, пусть другой, пусть неизвестный кто-то
Переживет все это за меня!
С меня – довольно!.. Дальше нет пути!»

Прочь из Пространства он решил уйти,
И тотчас, подчиняясь тайным силам,
Высоко над Планетой воспарил он,
Порвал Пространства тесное звено...

Он от Земли освободился, но...
Холодной обдавая чернотой,
Сосущей устрашая пустотой,
Пошло плясать вокруг веретено,

И в ледящей дикой круговерти
Ни жизни больше не было, ни смерти.

И он решил от Времени бежать.
В минувшее он устремился, вспять,
В те годы, что уже прожил однажды,
И на пути своем попал в войну...
И вот опять он в Африке, в плену,
В песках сыпучих мучится от жажды.

Он выжжен зноем. Он насквозь иссох.
– Воды! Воды!– он стонет безотчетно.–
Воды!.. Хотя бы маленький глоток!
Хотя бы теплой, гнилостной, болотной!.. –
И нет воды. «Скорее смерть хотя бы!..»
Но вдруг он слышит – голосочек слабый
Внутри него лепечет:– Пощади!
Я здесь, отец!.. Я – у тебя в груди.
Не умирай, отец, меня губя!
И, вздрогнув, посмотрел Адам в себя.
Он видит – в сердце, в глубине глубин,
Росточком – лишь с горошину, не боле!–
Мальчишка Томас, нерожденный сын,
Забился в угол, скорчился от боли
И повторяет в черной глубине:
– Отец мой, сжался! Дай родиться мне!
Позволь изведать вашей жизни чудо!
Не умирай! Спаси меня отсюда!
Как быть с прозрачным этим голоском?..
Уменьшенный, он все же так знаком!
И слабость сына жизненную силу

Внезапно у Адама воскресила:
– Нет, мальчик, нет!.. Тебя я не предам!

– Воды!..– кричит отчаянно Адам,
Бросая вызов темным силам мира...
И вдруг он замечает конвоира,
Он чует ствол холодный автомата:
Фашист его приставил поперек
Засохших губ и выстрелил... Дымок
Потек, плывет струею синеватой...

Солдат гогочет дико:
– Видишь, дым?..
Хорош напиток?.. Всласть напейся им!

«Мой Томас!.. Как тебя я сохраню?»
И, застонав, Адам решает тут же
К сегодняшнему возвратиться дню,
Затем что, будь он лучше или хуже,
Все ж никому из смертных не дано
Отбросить Настоящего звено.

«Обратно – в жизнь! В свой век!..
Домой – опять!»
Немедля исполняется желанье:
Адам – в Нью-Йорке... Город – не узнать
Темно. Кругом – разрушенные зданья...
Иль, может статься, это – Хиросима?..
В Пространстве заблудиться так легко...
А где ж тогда малютка Намико?..

Адам глядит, грустя невыносимо...
Нет, он – в Нью-Йорке. Он теперь стоит

На месте, где была его больница...
О боже мой!.. В поверхность сбитых плит
Впечатаны фигуры, чьи-то лица...

Он вдаль побрел... Осыпан пеплом берег...
На пепле жирный ангел распростерт.
Как гусь ошпаренный – в паленых перьях,
А с ним в обнимку – обожженный черт,
На дохлого козла точь-в-точь похожий.
Но только голый, с лоснящейся кожей.

Друг друга ненавидя и не видя,
Лежат они сейчас лицом к лицу,
И слышится Адаму, что, в обиде,
Один мертвец другому мертвецу
Без слов бормочет: «Что ж оно такое?!
Что с нами стадо сделало людское?!»

Бредет Адам, как некогда, – один.
Вокруг него – безлюдная пустыня...
...Но тут внезапно вспомнил он о сыне,
И в сердце у него заплакал сын.
И вскрикнул Крейзи в приступе тоски.
И боль его по сердцу полоснула,
Переливаясь огненно в виски...
И без сознания он упал со стула.

5

«Когда собака спотыкнется раз, –
То спотыкаться сотню раз собаке» –

Такая поговорка есть у нас,
Правдивость этих слов изведаль всякий.
Проверено всей жизнью, что беда
Не ходит в одиночку никогда.

С той ночи, что Адаму дурно стало,
Лежал неделю без сознания он –
В жару, в бреде... Катрин ему вликала
По ложечке водицу и бульон.
И у его постели до утра
Дежурили врачи, профессора.

И, наблюденьям подведя итог,
Все обсудив, они пришли к согласью:
Психическая травма – вот исток
Болезни, – потрясение, несчастье.
И курс леченья попросту такой:
Покой и время, время и покой.

К восьмому дню, в присутствии врача –
Тот проверял как раз биенье пульса –
Адам отдернул руку и очнулся,
С подушки поднял голову, шепча –
Осмысленно и внятно, как бывало:
– Я есть хочу!

– Опасность миновала!–

Воскликнул врач.– В себя пришел больной.
Болезнь переломилась, не иначе...–
И, пожелав здоровья и удачи,
Уехал он.

Адам – вдвоем с женой.

Казалось, ждал он этого мгновенья...

– Катрин, не бойся: я вполне здоров.
Моя болезнь – лишь недоразуменье.
Я просто спал и видел много снов.
Я встану...–

Он присел на край постели.
Глаза его горячечно блестели,
Но взгляд их был разумен и остер.
– Дай мне поесть...

Болезнь, конечно, – вздор.
Я спал и рад, что удалось проснуться,
Что нет врачей... Что дома ты, одна...

Тут яблоко печеное на блюде
С улыбкой подала ему жена.
Был сморщен круглый плод коричневатый,
Из мелких трещин кожуры примятой
По капле проступал тягучий сок,
И кисло-сладкий тепленький парок
Над яблоком курился.

– Кушай, милый!..

Черты Адама вдруг перекосило,
В глазах блеснул, остекленев, испуг,
Вперед ладони выставил он вдруг,
Отталкивая что-то в диком страхе,
Он стал белее собственной рубахи,
Беззвучно, криво разевал он рот,
Как будто потерял внезапно голос,
И медленно зашевелился волос
Над взмокшим лбом его...

На круглый плод
Уставил он свой неподвижный взгляд,

Как будто перед ним на блюде – яд
Иль нечто и опаснее и хуже,
Что неподвластно нашему уму...

Обняв рукой худые ноги мужа,
Катрин прижалась в ужасе к нему.
– Ты что, Адам?..–

Она была бела...

(«Что перед ним маячит?.. Привиденье?..»)

– Катрин!.. Что ты такое мне дала?!
Ты голову дала мне на съеденье,
Я голову не надкусил едва!..
Гляди, ведь это – сына голова!
Мы Томаса убили, изувеча,
А ты достала голову из печи...
Конечно, это – голова... Молчи!
Немного съежилась она в печи,
Морщинистою сделалась и малой.
Ты долго на огне ее держала.
Смотри, наш Томас – словно старичок:
Потрескалась, иссохнув, кожа щек,
И вытекли глаза его от жара...

Как будто бы в тугих тисках кошмара,
Катрин, от ужаса едва жива,
На яблоко украдкой покосилась
И закричала: – С нами божья милость!–
На блюде впрямь лежала голова...
Но все прошло: на место встали пятна...
(«Я, верно, обезумела сама...
А он, Адам?..») И стало ей понятно,
Что бедный муж ее сошел с ума.

Собрав остатки мужества и воли,
Она сказала твердо:– Ты не прав.
Смотри, ведь это яблоко, не боле...–
И потянула мужа за рукав.
– Садись!..–

Он опустился с нею рядом,
Нашарив место, словно бы слепой,
На яблоко смотря все тем же взглядом –
Печальным, диким...

– Милый! Я – с тобой!
Приляг, мой друг... Тебя я не покину,
Адам мой бедный!.. Слышишь ты меня?..

– Пойми, Катрин!.. До нынешнего дня
Мы оба поедали тело сына,
И вот черед – за головой теперь.
Все матери и все отцы, поверь,
Пьют кровь детей своих, жуют их мясо,
Совсем как каннибалы...–

Он затрясся.
– Что – каннибалы?! Те врагов едят,
А мы своих же пожираем чад...
Ох, страшно, страшно!..–

Зарыдал Адам,
И обняла Катрин его за плечи,
И гладила его по волосам,
Не убеждая больше, не переча,
Глубокой, чистой жалости полна,
Как будто мать она, а не жена,
А он, Адам, – больной ее ребенок,
Несчастное, родное существо...

Все лгут друг другу!— простонал Адам.—
И это началось во время оно...
Ты помнишь, в детстве говорили нам
О пресловутой башне Вавилона,
Задуманной людьми, по их гордыне?..
Во гневе бог поверг ее во прах,
Разъединив людей... И вот доньше
Мы говорим на разных языках.

Но что разноязычье стран и наций?!
Меня другое тяготит, признаться:
Все — даже люди из одной страны!—
Словами навсегда разделены!
Те, что друг друга понимать могли бы,
По сути дела, немые, точно рыбы,
За ширмой слов укрыв дела свои...

Что — «из страны»?! Да из одной семьи!
На всех почило грозное проклятье:
Не может сговориться муж с женой,
На разных языках толкуют братья
И словно бы разделены стеной:
Отец и сын, равно как дочь и мать,
Друг друга разучились понимать,
Хоть их словарь как будто одинаков...

Не лучше ль прибегать к посредству знаков,
Улыбок или, может быть, походки?..
Нет, и тогда обманут ни за грош!
Между людьми стоят перегородки,
Меж нами возвела преграды ложь!

На лжи теперь вращается Земля.
Чуть подросло дитя, – за школьной дверью
Его встречает ложь... Учителя
Чему ребенка учат?.. Лицемерью!
А если педагог душой честней,
Он распростится с должностью своей!

Лжет девушка – из страха, по расчету...
Иные лгут, чтоб получить работу,
Другие, чтоб работы им не дать...
Реклама лжет. Газета – ей под стать.
Проела души ложь неуследимо!
Ведь даже президент высокочтимый,
Когда он в Белом доме держит речь,
Чтобы симпатии к себе привлечь
И сохранить подольше пост высокий,
Без счету извергает лжи потоки
И лжет хозяевам, и лжет народу...

Да, только лживый краснобай хорош
В том государстве, где хозяйка – Ложь!

Увы, Америка! «Страна свободы»!..
Свободы для единой госпожи –
Ее величества бесстыжей Лжи!

У нас в стране – и молодой и старый –
Все, все как есть – заключены в футляры,
Запаян каждый в тесный коробок,
От всех отъединен и одинок!
В футляре – ты, и я – в своем футляре.

Сейчас я проломлю его, ударя,
Пробью ударом крепким кулака!..

Он размахнулся...

И поник, тоскуя:

– А я-то думал, что стена тонка!

Да нет – преграду возвели глухую

Из кирпича... А может, то – гранит?..

Послушай только, как стена гудит!..

Не слышишь?.. Даже ты оглушена,
Как все, живущие сейчас на свете...

А знаешь, друг, в былые времена,

Всего за несколько тысячелетий,

Внимали люди звездным голосам

И различали звучность их и прелесть,

Улавливали слухом тихий шелест,

Там, в вышине, когда по небесам

Плыл ангел взмахами широких крыл...

И если в мире кто-нибудь грустил,

То откликались все другие души...

А нынче глухи все. Как будто уши

У них залили вязкою смолой.

Чужим страданьям внять никто не хочет.

И ты, Катрин, и даже ты порой

Не хочешь слышать – что во мне клокочет...

Ох, голова!..–

Он сжал рукой виски.

– Там у меня лекарства, порошки...

Я принесу...

– Не нужно. Благодарствуй...

Да если обойдешь весь шар земной,—
Пойми, Катрин!— ты не найдешь лекарства
От этой странной боли головной.
Я объясню тебе... Но ты... молчок!
В плену когда-то, в Африке песчаной,
Мне в ухо влез мохнатый паучок
И прочно угнезвился, окаянный...

Глубоко в мозг он проложил пути
И начал там, под черепом, расти,
Протягивая лапки вдоль извилин,
Он мозгом завладел и стал всемогущим,
Вертелся днем, а по ночам — вдвойне...

Но правда лишь сейчас открылась мне,
И я нашел своей болезни корни:
Сейчас я понял, что в меня вползло
Под видом паука земное Зло
И жжет мой мозг — все круче, все
тлетворней.

Катрин, я, кажется, проник в секрет
Душевного здоровья! С юных лет
Ослепнуть и оглохнуть надо...
Слушай.

Тогда бы люди счастье обрели!..
Все страхи, все страдания Земли
К нам входят сквозь глаза и через уши!..

О боже мой, как голова горит!..
Нет, паучок тут ни при чем, пожалуй...
Там, в полушарьях мозга, мир сокрыт,

Земля туда запряталась, бежала
От ожидающих ее невзгод.
Весь мир сейчас в моем мозгу живет.
Извивы мозга стали руслом рек,
В его бугры вошли, сжимаясь, горы.
В его коре – земной коры повторы...

И ты, Катрин, мой близкий человек,
И ты в мозгу моем, ты вся – во мне,
И только думаешь, что ты – вовне.

И что ни миг, меня тоскою полня
И вызывая боли рецидив,
Там микробомбы учиняют взрыв,
Разбрасывая миллионы молний.
Тогда мое подчерепное солнце
Тяжелой тучей застигает стронций,
И скоро-скоро мир сокрытый мой
Угаснет, поглощенный смертной тьмой.

Моя Катрин, ты мне роднее всех!
В мой тайный мир вникая терпеливо,
Ты мне могла б помочь... Но, как на грех,
Нередко ты сама – причина взрыва.
Ведь разрушения наносит тот,
Кто ближе всех... Он всех вернее бьет!..

Так говорил Адам. Подчас тревожно
Он спрашивал и сам давал ответ.
И слушала туманный этот бред
Катрин, на мужа глядя безнадежно.

От гула городского в отдаленье,
 От океанских вод невдалеке
 В зеленом и тенистом уголке
 Есть городок иль, может быть, селенье.

В нем, за широкой каменной стеной,
 Под сенью парка, в стройном беспорядке,
 Разбросаны, блистая белизной,
 Отличные дома солидной кладки.

Они приятны были бы вполне,
 Они бы, верно, радовали взоры,
 Когда бы не железные затворы,
 Когда бы не решетка на окне...

Однообразен ход ночей и дней
 У тех, кому пришлось уединиться
 В закрытом этом городке, точней –
 В большой психиатрической больнице.

Уютны – по-домашнему – палаты.
 Лишь избранные здесь приют нашли,
 И, говорят, лечился здесь когда-то
 Бомбивший Хиросиму – Изерли.

И говорят, здесь облегчают драмы,
 Врачуют душу от земного Зла,
 ...В больницу знаменитую

Адама

В той книге было много иллюстраций:
Гравюры, репродукции картин...
«Бедняга на досуге, может статься,
На них посмотрит,— думала Катрин.—
Находка эта книга для меня.
Что дальше от сегодняшнего дня?!»

Но Крейзи книгу стал читать подряд
И даже взволновался чрезвычайно,
С какой-то страстью погружаясь в тайны
Земли — миллионы лет тому назад,
Когда, задолго до оледененья,
Своих грядущих не предвидя бед,
Густой широколиственной сенью
Душистых роц был шар земной одет,
И зеленели всюду первозданно
Дубы, и эвкалипты, и платаны,

Когда в прозрачно-золотистой сини
Белели цепи неизвестных гор,—
Ведь Альп в ту пору не было в помине!—
Когда пылало солнце, как костер
Иль раскаленная сковорода,
Когда была планета молода.

Ну и диковины тогда росли
На щедрой почве молодой Земли!
Какие чудики!.. В сплетенье трав
Так много зеленело их, похожих
На раков иль, быть может, иглокожих,
И был у каждого особый нрав:

Один – угрюм, другой – задорно-весел,
А третий... Тот на лапках четырех
Стоял, качаясь, и мохнатый мох
Пушистой шкуркою его завесил.

Тогда пары невиданного зноя
Курились над болотами с утра
И стлались вдоль чащоб... Была пора
Жары и влаги – эра кайнозоя.
Все рисовалось явственно глазам,
И видел, слышал по ночам Адам,
От удивленья открывая рот.

...Вот, заскрипев, как дерево сухое,
Драконоптица вверх взлетела, стоя,
Да, вертикально – точно вертолет!–
И вслед за нею, солнце застилая,
Все птеродактили взметнулись стаей.

А там, внизу, зашевелились горы...
Там, тяжело приминая мирт и лавр,
Подобьем древним бронетранспортера,
Пополз по зарослям тиранозавр.
За птеродактилем следил он жадно,–
Единственный в ту эру плотоядный!

Вот почему, как будто по тревоге,
Уроды-птицы устремились ввысь!
На хвост и на две лапы опершись,
Казалось, утвердившись на треноге,
Голодный хищник с яростью глядел
В тот – недоступный ящерам предел,

Куда добыча от него ушла...
Затем, зубчатой шевельнув спиною
(По виду – исполинская пила!),
Нежданно пискнул... Может быть, «за мною»?..
Должно быть, так... Сородичи ползком
Пошли за ним тяжелым косяком.

Куда ни глянешь, всюду на лугах
Чудовища, внушающие страх.
Но большинство из них пасется мирно,
Травой одной питаюсь – влажной, жирной,
И лишь когда наткнется вид на вид,
Дрожит Земля от севера до юга,
Как будто, громыхая, бой кипит,
Как будто танки лезут друг на друга.
Громадны древних ящеров тела,
Хоть головенки их внушают жалость.
Куда ж такая силища ушла?
Что с этой мощною громадой случилось?

Быть может, неприметная бацилла
Драконов скудоумных истребила?
Иль вспыхнувшая новая звезда,
Наслав потоки смертоносных квантов,
Подвергла радиации гигантов,
И вот они исчезли навсегда?..

Кто знает?.. Автор обошел вопрос.
Адам над ним задумался всерьез.
В больном его мозгу пошла работа:
«Но как же все-таки прервалась нить?!»

Себя он вспомнил... Томаса... И что-то –
Ему казалось – смог он уловить.
Призвав на помощь Дарвина, Ламарка
С добавкой бредовых своих идей...
«Когда б я был последним из людей,
Пошло бы человечество насмарку
Со смертью Томаса... Постой, постой!..
Не здесь ли ключ загадки непростой?!»

Он по уши погряз в филогенезе
И – он считал!– успехов здесь достиг...
История былых земных владык
Такой предстала – «По Адаму Крейзи»:

Сначала были ящерицы слабы,
Мелки – ну вроде нынешних хотя бы...
Траву, которая суха, бледна,
Безропотно такие твари ели
И очень мало прибавляли в теле.
Тогда смекнула ящерка одна
(Инстинктом, что простейшей твари каждой
Присущ, как голод, и любовь, и жажда):
«Добраться надо бы до сочных трав,
На этом свете кто силен – тот прав!»

И все семейство жадно устремило
Потенцию на собиранье силы,–
Чтоб разрастись им в мышцах и кости
И все другие виды превзойти,
Чтоб не было бойцов сильнейших, лучших
Ни среди крылатых, ни среди ползучих...

И, укрупняясь в каждом поколенье,
Стал ящер, всей Земле на удивленье,
Такой длины, что если он всползал
На многомильный горный перевал,
То голова была на этом склоне,
А на другом – влачился хвост драконий.

Он всех других животных перерос.
А сколько силы накопил полезной!
Гудели мускулы его, как трос,
Из проволоки скрученный железной.

Когда бы дальше нарастали силы,
То разорвали б ящеров они!
И вот природа гадов заключила
В доспехи из чешуйчатой брони.
И броненосцам не был страшен враг
Ни в чаще, ни в болоте, ни в горах!

Несокрушимы тело их и кости,
Но в организме есть один просчет:
Растут их члены, хвост у них растет,
А голова не прибавляет в росте!
Мозг у чудовищ смехотворно мал.
И, разума утративший остатки,
Гигантский ящер только пил и жрал,
Вступал из-за жратвы с другими в схватки,
Откладывал яйцо (с котел – объем!)
И больше не заботился о нем.

Спеша пожрать или попить спросонок,
Родители ползли на водопой,

И без подмоги шустрый ящеренок
Сам расправлялся с толстой скорлупой,
Долбил ее, и к свету выходило
Отродие – размером с крокодила.
Но как-то раз (мы – у разгадки тайны!)
Почтенный ящер – древний старожил
Густой дубравы – наступил случайно
На то яйцо, куда он жизнь вложил,
И раздавил его пятой могучей,
И, погрузив (такой печальный случай!),
Понюхал скорлупу, лизнул слегка...
И тут ему на кончик языка
Желток попался... Аромат прекрасный,
Тончайший!.. И, не выдержав соблазна,
Отец вошел во вкус... И до конца
Доел все содержимое яйца!
Зародыш был и нежен и громаден!..
Но тут судьба взмахнула топором,
И наступил жестокий перелом
В бездумной жизни броненосных гадян.

Отведав пицци лакомой такой,
Почтенный ящер потерял покой.
Один слоняясь по неделям целым,
В песках он рылся и по склонам гор,
Губил потомство братьев и сестер,
И – на глазах!– чудесно молодец он.

Блистал огонь в его глазенках злобных:
Пошло на пользу гаду озорство!
И стали все сородичи его

Съедать в зародыше себе подобных.
И вот, когда был съеден весь приплод,
Когда последнее яйцо разбили,—
Не стало титанических рептилий,
Гигантских ящеров пресекался род.
...Так рисовался Крейзи ход событий,
И верилось Адаму в этот миг,
Что сделал он одно из тех открытий,
Какие в мире производят сдвиг
И служат человечеству на благо,
Схватился он за ручку и бумагу,
Чтоб записать все это непременно...

Но взвыла так пронзительно сирена,
Что сразу заболела голова.
Два санитары — дюжих парня два —
К Адаму с шумом ворвались в палату
И, руки прикрутив ему назад,
Как будто был он в чем-то виноват,
Поволокли по улице куда-то.
Прохладой веяло от океана.
Был тихий день. И мерзостно и странно
Звучал тревоги атомной сигнал...

Адама Крейзи бросили в подвал
(«Чем не темница?...») с леденящим полом,
С промозглым, затхлым воздухом тяжелым.
И, как в темнице, загремел затвор.

В подвале этом оказалось шумно:
С безумным рядом бормотал безумный.

Адам впервые видел полный сбор
Товарищей по горестной судьбе.
Все были вместе. Каждый – сам в себе.

Один вопил в восторге: – Началось!
Вы слышите – трещит земная ось?..
Последний день планеты – недалек.
Как только я сказал, что я – пророк,
Они за мной прислали санитаря.
Но вот она свершилась – божья кара!
Бог поразил их атомной войной.
Да не промчится буря стороной!

И он махал незримому оркестру
Рукой, как будто палочкой:
– Маэстро!

Прошу, сыграйте чинно-благородно
Последний марш нейтронно-водородный,
Тот, что в связи с войною создан мной:
Марш всех народов мира в мир иной!–
И он запел...

Другой, присев на доски,
Раскладывал бумажные полоски
И был своим занятием поглощен:
– Вот – доллары!.. Сто тысяч! Миллион!
Мне повезло: бумаги не упали!..
Он, верно, был счастливейший в подвале.

А третий – в полосатенькой пижаме,–
С посланием к народам обратясь
(Он президентом мнил себя сейчас),

Вещал:

– Окончилась война в Вьетнаме
Победой полной нашей стороны.
Все коммунисты мира сметены!

Адам глазами искал врача...
Нет, все ушли – врачи и санитары.
Одни пижамы прыгают, крича,
И чудится Адаму: злые чары
Всех превратили в полосатых пугал...

От сумасшедших он забился в угол.
Но в то же время чувствует Адам,
Что с ним неладно... Нечто, каменяя,
В его крови теснится все сильнее;
Во что-то превращается он сам,
В железное, чудовищное что-то,
Там, в глубине его, – идет работа,
Меняющая весь его состав,
Он, прежний, исчезает без остатка...
Что с ним творится?..

Мрачная догадка

Возникла, смертным холодом обдав.
Он замер в ужасе...

«Пока я тут,

Все ничего, Земля пока на месте.
Но стоит лишь распространиться вести,
Кто я такой... Иль вдруг меня толкнут,
Уронят на пол?.. Что тогда?.. О боже!
Я разорвусь, всю Землю уничтожу».

И он примолк – в своем обличье новом,
Боясь себя случайно выдать словом,
Дрожа от страха пред самим собой...

А между тем уже гудел отбой,
В палаты стали отводить болящих.
Адам подумал: «Лучше я пока
В подвале буду...» И в песочный ящик
Залез поглубже, в теплоту песка
Зарылся, в страхе затаив дыханье,
Руками заслонился в ожиданье
Грозящего откуда-то удара...
И тут рука стальная санитаря
Рванула вверх Адама. Застонав,
Он вырвался, прижался в угол, с дрожью
Косясь на руку, словно бы удав
Подполз к нему...

– Прошу вас... Осторожней!

Не прикасайтесь!.. Лучше сам пойду...
Не надо... Ох, накличете беду!
Держитесь дальше!..–

ужасом томимый,
Служителям он бормотал в тоске.
Взъерошенный, дрожащий, весь в песке,
Смешным казался он невыносимо.
И вся команда дружно хохотала,
Беднягу извлекая из подвала.

7

Порой, по наблюдениям Катрин,
Несчастный муж ее почти нормален.

Вот разве что рассеян и печален.
Да ведь кого не посещает сплин?!
А бред?.. Но если вникнуть в этот бред,
Нельзя сказать, что логики в нем нет.
Средь несуразиц, словно ненароком,
Адам нет-нет поднимет тот вопрос,
Который жизнь поставила всерьез,
А люди в лицемерии глубоком
Иль из боязни перед прямотой
Подернули вседневной суетой.

Пускай в бреду, – он все ж завесу рвет,
Трещат в руке искусственные ткани,
И глазу представляется урод
Без модных и красивых одеяний.
Перед людьми являет он свой срам,
И этому как будто рад Адам.

И временами кажется жене,
Что муж ее безумен не вполне,
Что, может быть, болезнь его – притворство,
Что он, Адам, вступил в единоборство
С врагом, что в сотни раз его сильней,
Совсем забыв о ней – жене своей,
Не думая, как больно ей, как трудно...

А старый Тафт, злорадствуя подспудно,
Но все же с постной миной – для
проформы –

Твердят:

– Поверь, и в прежние года

Твой Крейзи был весьма далек от нормы,
Хоть ловко всех обманывал тогда.

Сама подумай: более чем странно
Выписывать больных из дальних мест –
Еще и желтокожих!– а проезд
Оплачивать из своего кармана!
Пойми, Катрин, твой муж – неизлечим.
Ты, дочь моя, должна расстаться с ним;
По-христиански это, и законно...
Разумной будь, Катрин, и непреклонной...
Порвать с умалишенным каждый вправе.

Больницу, что открыл он из тщеславья,
Продать другому шефу поспеши,
Не то закрой, пока не прогорела,
А капитал вложи в такое дело,
Которое приносит барыши.

Катрин молчала, хоть не без усилий.

А доктора другое говорили:
Они считали, что пройдет недуг
У Крейзи так, как появился – вдруг,
И что дела его не так уж плохи.

«Безумие его – болезнь эпохи,
Недуг, которым многие больны...
Вы видите: лечебницы полны...»

Болезнь он получил не по наследству,
А в результате разных неудач,
И потому ему помогут средства...»

– «Покой и время»?.. «Время – лучший
врач»?..

Катрин шептала сквозь тоску и гнев
Набивший ей оскомину припев...

И все-таки надеялась немного –
Она бы жить иначе не смогла!–
Но нынче... Эта страшная «тревога»...
Вонзилась в сердце тонкая игла –
Знобящее предчувствие дурного...
Катрин оделась и разделась снова.
Вновь собралась. И стала торопиться...
И все-таки поехала в больницу,
Хоть было поздновато и темно.
Адам, казалось, ждал ее давно:
Как на посту, стоял он у порога...
– Тс-с!.. Тише!..–

Палец он поднес к губам,
Как будто охраняя тайну строго.
– Садись!..– рукою показал Адам
На стул, что к полу был привинчен глухо.

Он дверь закрыл и приложил к ней ухо:
«Никто по коридору не идет?..»
Затем к окошку обернулся резко
И дернул шнур. Спустилась занавеска,
Прикрыв решетки частый переплет.

Все это было тягостно и больно.
Катрин смотрела в приступе тоски
На мужа... И заметила неволью,

Что на руках Адама – синяки...
«Как видно, побывал он в грубых лапах...»

Она вздохнула, ощущая запах,
Которым тут пропитаны все вещи,—
Гнетущий дух лечебниц и аптек,
Он ощущается тошней и резче,
Когда приходит с воли человек.
Адам закрыл еще плотнее двери,
Послушал: «Может, где-то спрятан враг?»
Потом, к жене приблизившись на шаг,
Шепнул:

— Катрин, сейчас тебе доверю —
Да, изо всех людей — тебе одной!—
Кто я такой и что стряслось со мной.

Но раньше клятвой поклянись священной,
Что ни одной душе во всей Вселенной
Не выдашь страшной тайны...

Промолчи

Под пыткой!.. Пусть терзают палачи
Былых и современных инквизиций!
Пойми, во имя жизни всей Земли,
Катрин, ты не должна проговориться!
Хотя бы ноги больше не пошли
И руки перебитые повисли,—
Смолчи!.. Пусть это все с тобой умрет!..
Клянись!..—

...Недаром говорит народ:
«Нет в мире ничего быстрее мысли».

В уме Катрин, пока Адам шептал,
Успел промчаться мыслей пестрый шквал:
«Нет, он безумен... Не вернется разум
К нему вовек. Надежды больше нет».
И холодом повеяло. И разом
Погас в душе надежды теплый свет...
«Что делать?» Стала вдруг душа темна,
Как будто бы исчерпанный до дна
Колодец, — омертвела, опустела...
Иль, может быть, душа ушла из тела?..
И подкатилась к горлу пустота,
Остановилась где-то возле рта,
А в сердце вновь как бы иглу вкололи...
Но собрала Катрин всю силу воли.
Простая мысль пришла сама собой:
«Судьба... Смириться нужно мне с судьбой».

Она привстала («Выдержу беду
И этот взгляд — безумный, жгучий,
грозный...»).

— Клянусь! — Катрин произнесла серьезно. —
Тебя, мой милый, я не подведу.
Любую пытку вынесу сполна,
Как верный друг и верная жена.
Подвергнусь униженьям и обидам,
Но, бедный мой, тебя вовек не выдам.
Клянусь!..

— Теперь я рассказать могу,
Что приключилось нынче там, в подвале...
Ты помнишь — мы с тобою толковали
О микробомбах у меня в мозгу?..

Когда была объявлена тревога,
В моей крови скопилось бомб так много,
Что, только лишь меня толкнули вниз,
Они друг к другу начали стремиться,
Как синхрофазотронные частицы,
Соединились вместе, сопряглись
И пропитали мой состав природный
Металлом с водородом пополам...
И больше я – не Крейзи, не Адам...
Отныне стал я бомбой водородной,
Такой, что я могу весь мир взорвать
И время обратить к началу – вспять!..
По счастью, только я об этом знаю,
Да вот теперь и ты, моя родная...
Все это скрыто от других пока.
И в этой засекреченности

милость

Судьбы ко мне покуда проявилась,
Не то бы мир погиб наверняка!

Когда б распространилась эта весть,
Что началось бы на земле – бог весть!
Да что там?! Был бы паникой объят
Весь мир... Ведь государств иные главы,
Те ничего не пожалеют, право...
Им лишь бы в бомбы превращать солдат,
Чтоб каждый воин стал таким, как я!..
И я молюсь, дыханье затая:
Да охранит людей рука господня!..

Да, да, Катрин... Не странно ль, что сегодня –
Подумай только!– с нынешнего дня

Судьба людей зависит от меня,
От человека скромного, простого...
Ведь стоит только обронить мне слово,—
И превратятся города в руины,
Все на земле исчезнет. Все умрет...

В могилы уходили властелины,
Но оставался на земле народ.
С собой покончил Гитлер бесноватый,—
Народ живет, проклятье с немцев снято.
Без Гитлера им только жить и жить.
Убили Кеннеди... Мы все рыдали.
Однако жить мы продолжаем дале.
А тут... Порвется самой жизни нить.
Мгновенный взрыв, и на планете бедной
И плоть и дух рассеются бесследно!..

По счастью, не у бомбы я внутри,—
Она — во мне, я — вокруг нее, смотри!..
Пока сюда не вторглась воля злая,
Я самовластно бомбой управляю!
Но если явятся, меня схватив?!
Ах, многим, очень многим нужен взрыв!

Катрин, пока об этом не узнали,
Спеши домой. И втайне от родни
Сейф закажи из самой прочной стали.
В кабине, под защитой брони,
Храни меня, от всех злодеев пряча...

Возьми меня отсюда!.. А иначе
Они меня погубят; а со мной

И всех людей, и самый шар земной.
Пойми, мой друг... Я уцелел с трудом
Совсем недавно... Вот, суди о том...
Он показал ей руку с синяками.

...Катрин казалось, что тяжелый камень
Сегодня навалили ей на грудь,
Умножив прежние ее мученья.
С тоской вела она в обратный путь
Машину... Врач сказал, что излечение
Сомнительно. Да что – врачи?! Без них
Ясна болезни тяжкая картина.

Адам ли там, в палате?.. Нет, двойник,
Как бы в насмешку слепленный из глины
Каким-то мастером, не в меру злым...

Конечно, он, Адам, – неизлечим.

«Кто он сейчас? Страдающий мертвец,
Нелепости свои твердящий тупо,
Лишенный разума, мертвее трупа.
Уж лучше бы он умер, и – конец!

Жестоко?.. И у боли есть границы...
Нет, этот жребий чересчур тяжел!
Не может разве доктор ошибиться
И впрыснуть что-нибудь не то?.. Укол –
И все! Пусть даже по моей вине,
Но станет легче и ему и мне.

Что?.. Намекнуть врачу?.. Сломить судьбу?..
Умрет... И сразу вырвусь из неволи!..»

Тут ей Адам представился в гробу,
И вскрикнула она от жгучей боли.
Нет, никогда!.. «Да как же я могла
Помыслить даже об ужасном деле –
Пусть в исступлении, пусть на пределе?!
Как я эгоистична! Как я зла!..
Желать его конца, его могилы!..»
Она дрожит от горя, от любви...
«Прости меня! Прости, мой бедный, милый!
Живи!.. Больной, безумный, но – живи!

Ты в страшном этом мире всех дороже,–
Катрин дрожит и повторяет в дрожи:–
Как я могла до этого дойти!
Мой муж, мой друг единственный, прости!»

Машина по шоссе несется ходко.
Катрин рыдает: «Не сердись, Адам!»
Как будто он ее услышит там,
Там, в комнате больничной за решеткой,
Как будто сможет чем-то ей помочь...

...Катрин гнала машину что есть мочи,
Не потому, что надвигалась ночь,–
В душе – темно, что ей бояться ночи?!
И не затем, чтобы попасть домой,
Что – дома?.. Одиночество. Тревога...
И черная, как жизнь ее, дорога
С глухою, черною сливалась тьмой.

Катрин узнала горькие минуты,
 И холод одиночества, и страх.
 Те, что недавно числились в друзьях,
 К ней больше не заходят почему-то.
 Родные стали странно далеки.
 Все реже телефонные звонки.

Конечно, людям хлопотно и трудно,
 У всех свои тревоги и дела...
 Но все же сердцу – горько... Поняла
 Катрин, что можно, как в степи безлюдной,
 Блуждать в Нью-Йорке, где народу – тьма
 И даже ночью светятся дома...
 Иной знакомый взглянет, не заметя,
 Другой тебя не слушает, спеша.
 И есть всего одна душа на свете,
 Смятенная и горькая душа,
 Она темна и бредами томима,
 Но ей одной Катрин необходима.

Ведь ей, жене, – а больше никому, –
 Поведал этот злополучный тайну,
 Которая серьезной чрезвычайно
 Большому представляется уму...

«Да разве я могу предать в беде
 Тебя, с кем жизнь спаяла воедино?!
 Нет, нет, я буду при тебе везде,
 Не только ради умершего сына.

Мой друг, мой муж, я ко всему готова.
 Ты дорог мне любой – больной, здоровый...

Ты будешь в лучших клиниках лечиться.
А средства?.. Средства я найду, любя.
Придется вправду мне закрыть больницу,
Да в ней и проку мало без тебя».

К ней возвратились жизненные силы
И даже стал как будто тверже нрав...
Всех служащих и всех больных собрав,
Катрин свое решенье объявила:
– Да, жаль врачей, жаль каждого больного,
Но у меня нет выхода иного:
Нет средств. Seriously заболел Адам.
Придется разъезжаться по домам.

Но тех, кто прибыл к нам в больницу Крейзи
Издалека, – пусть не страшит расход.
Не беспокойтесь об обратном рейсе:
Расходы Крейзи на себя берет...

Известье о закрытии больницы
Ударом было, но пришлось смириться –
С лихой судьбою не затеешь бой.
Но люди говорили меж собой:

«Неужто в мире есть такой закон,
Что тот, кто благороден и умен
И ставит только честные задачи,
Тот заболевает иль сойдет с ума?
Неужто самых добрых жизнь сама
Уничтожает так или иначе?»

Лишь старый Тафт одобрил это дело:
– Расходы на себя взяла ты зря.
Но в остальном, по правде говоря,
Моя Катрин, ты рассудила зрело.
Мудрей, наверно, стала от невзгод.
Мы все умнеем раньше или позже...
Надеюсь, шаг разумный приведет
Тебя к другим шагам – разумным тоже,
И ты исполнишь мой второй совет...
– Нет, не надейтесь. Я дала обет:
Пока жива, я мужа не покину.–
Тафт промолчал, подумав: «Минет срок,
И ты сама нарушишь свой зарок».

Но дочь тотчас же поняла причину
Его молчанья... И, не утерпев,
В словах горячих излила свой гнев:

– Отец, я все сносила до сих пор,
Но, видно, быть нам невозможно вместе:
Что для меня – предательство, позор,
Для вас – образчик высший благочестья.
И потому – хотите не хотите ль –
Прошу вас помнить, с нынешнего дня,
Что б ни случилось, дорогой родитель,
Забудьте и Адама и меня.

Не появляйтесь на моем пороге,
Какое бы несчастье ни стряслось
С Адамом... Иль со мною даже...–

Врозь

Пошли отца и дочери дороги.

Адам в тоске метался. Время шло,
 А от Катрин все не было известий.
 Того гляди, свершиться может зло,—
 И он взлетит со всей планетой вместе!
 Он пробуждался в ледяном поту:
 «Вдруг чье-то отдаленное проклятье
 Меня крылом заденет на лету
 И не смогу на месте улежать я?..
 Иль попросту ударюсь о кровать,
 А человечеству несдобровать!..

И жизнь Земли — цветок благословенный,
 С таким трудом возвращенный во Вселенной,
 Испепелится по моей вине!..»
 И наяву он плакал, и во сне,

Но, обливаясь горькими слезами,
 И день и ночь изыскивал пути,
 Как Землю и людей ему спасти
 От бомбы, заключенной в нем — Адаме.

И наконец решился на побег,
 Чтоб вместе с нею — бомбой окаянной —
 Навеки сгинуть, скрыть ее навек
 В Атлантике, в глубинах океана,
 Чтоб смертью искупить невольный грех,—
 Пожертвовать собою ради всех.

«Но как я выберусь из этих стен?..
 Здесь двери нет без крепкого запора,

Минуты нет без нудного надзора!..
Как есть – темница иль фашистский плен!

Однако все же я чего-то стою,—
Не зря прошел я гитлеровский ад...
Дежурные порою сладко спят...
Но как же быть с высокою стеною,
Которой обнесен мой каземат?

Все ж, действуя разумно, терпеливо,
Тебя покину я, моя тюрьма!..»
Он вспомнил Вальтер Скотта и Дюма,
И все прочитанные детективы.
«В них тоже есть полезное, хотя
Те – устарели, а другие плоски...»
Он простыню порвал, скрутил в полоски,
Веревку-лестницу себе сплетя.
Затем – за доллар – пачку табака
Купил у санитар-толстяка.

Был толстый санитар ленивей всех
И всхрапывал средь ночи то и дело.
«В его дежурство совершу побег,—
Решение внезапное созрело.—
Все это время кроток буду, тих
И подозренья усыплю у них».

...Ночь выдалась как на заказ темна.
Одетый, он провел ее без сна,
Хоть спящим притворялся он при этом.
И в самый тихий час перед рассветом
Поднялся,— койка скрипнула слегка...
Подергал двери: «Нет, не на запоре!..»

Прислушался: все тихо в коридоре...
«Что, если вдруг сменили толстяка?»

Запели двери под рукой... О боже!
Адам облился потом и ослаб.
Нет, все в порядке... Слышен мирный храп:
Спит санитар, на стуле полулежа.
Беглец прокрался мимо, словно кошка.
«Так, превосходно... В сад не заперт ход.
Толстяк – небрежен... Так... еще немножко...»
Адам – в саду. Над ним – шуршащий свод
Деревьев... На лице – струя прохлады.
Шаг... Шаг еще... И вот он – у ограды.

«Ну, вывози, фортуны колесо!
Судьба, яви мне хоть однажды милость!»
Петлю своей веревки, как лассо,
Адам подбросил кверху... Зацепилась!
Подпрыгнув, потянул ее: крепка!..
Не подведи, дрожащая рука!

Да нет, он все же – в форме, как ни странно!
Он лезет вверх, почти как обезьяна,
Перемахнул ограду и повис,
Спустился по веревке... Прыгнул вниз!

И в тот же миг его покинул страх,
Он радости исполнился великой,
Не забыв, однако, второпях
Сорвать веревку – лишнюю улику,
Посыпать след пахучим табаком,
Чтоб обмануть собак (прием знаком!).

...Адам бежал, вдыхая свежесть ветра.
На три или четыре километра
Он оторвался от своей тюрьмы.

Светало. Расплывались клочья тьмы...
Багрово-красен и великолепен
Пробился солнца петушиный гребень.
А что внизу волнуется?.. Туман?..
О боже мой, да это – океан!..

Адам глотает свежий запах йода
И слушает шуршание волны...
Какое счастье!.. Океан. Свобода.
Блаженное дыханье тишины.

При свете бело-розовой зари
Он позабыл о черном гнете бедствий,
Забыл о ней – о бомбе, там, внутри...

Такое было только в раннем детстве,
Быть может, возвратился он туда?..

Блестящие приподнимая крылья,
Как лебеди, медлительно скользили
По краю вод рыбацкие суда.

– Эгей!– как в детстве, закричал Адам.–
Удачного улова рыбакам!..

Он впитывал соленое дыханье
Рассвета, океана и земли.

В голубовато-розовом тумане –
Недвижные – застыли корабли.

У ног Адама шелестели травы.
Одна травинка нежно и лукаво
Преподносила капельку росы,
Как будто предлагая обновиться...

Прошли, казалось, дни, а не часы
С тех пор, как затворил он дверь больницы...
...Адам смотрел, как, выгнув свой хребет –
Зубчатый и чешуйчато-блестящий, –
Из круглой чаши пьет гора... «Да нет,
Ведь это ж мой знакомый – древний ящер.
Залез в недвижимый океан по грудь!..
Из тьмы веков явился он, наверно,
Лишь для меня, чтоб резче подчеркнуть,
Насколько красота Земли безмерна...»

От солнца черноту искусно пряча
И словно улыбаясь белизной,
Кружились чайки стаею сквозной,
Нырря и мяуча по-кошачьи.

Как весело на птичьем их базаре!
«Я и забыл про этот блеск и гам!»
Захотел от радости Адам,
Себя по ляжкам что есть сил удара:
«Черт поberi!.. Нет, право, до чего ж
Наш ветхий мир и молод, и хорош!»

И он зажмурился... Лучи, струясь,
Ласкали щеки и тепло, и зыбко...
Конечно, между светом и улыбкой
Таинственная существует связь.
Они не просто одного настроя:
Свет и улыбка, это – брат с сестрою.

Стоит Адам – с прохладой утра слит,
С весельем птиц, с бодрящей этой ранью...
Его лицо счастливое блестит
В алмазе утра самой светлой гранью.
Свободен он. Он жив и невредим,
От неба и земли неотделим...

Адам склонился перед травкой малой,
Той, что росу так щедро предлагала.
Взял крохотную на руки Адам
И показал ее горам, судам, –
И любовался ею, как подругой, –
Зеленой кожицей ее упругой,
И трогал каждый тоненький сустав,
Вдыхая запахи ее живые, –
Как будто травку видел он впервые! –
И прошептал, ее поцеловав:
– Кто в силах разгадать твою загадку?
Что знаем мы?.. Что дышишь ты весной,
Как люди, той же свежестью земной...
Но почему твое дыханье сладко?
И почему, когда ты на посту,
Жизнь предстает прозрачной, чистой,
звонкой?..

За доброту твою, за простоту
Спасибо, младшая моя сестренка!

Он дальше зашагал... Былой тоски
И опасений – словно не бывало.
И годам и обидам вопреки
Он был готов начать всю жизнь сначала
И все преграды смог бы побороть:
Душа легка, и невесома плоть.
Навстречу людям, щедрый и беспечный,
Шагал он, улыбаясь всем вокруг
Так искренно, как будто каждый встречный
Его, Адама, закадычный друг...

А люди стали попадаться чаще,
Все выше солнце – над горой, над чащей...
Адам поднялся на гранитный мыс,–
Вот он – почти на самом берегу...
Сбегая по тропе, он смотрит вниз
На вогнутую водную дугу,
Отчеркнутую линией приборя...
Лагуну видит он перед собою.

Тропа спускается на пляж песчаный,
Манят людей пушистые пески.
И там, на пляже,– словно бы тюльпаны
Нарядные раскрыли лепестки,–
Там столько плавок – желтых, красных,
белых,
И столько тел – до блеска загорелых!

Купальщики полощутся в воде,
Кричат, ныряют, брызги поднимая,
Смутлеют влажно в пенистой гряде...

Там жизнь кипит...

А в стороне – немая,
Нагретая лучами добела,
Уходит в небо голая скала,
Людскую презирая кутерьму...
И хоть внизу, на пляже, так чудесно, –
Адам, не понимая почему,
К ней устремился, – к той скале отвесной,
Среди людей не задержался даже...
...Все ж, проходя, он видел, как на пляже
Одни тянули воду и вино,
Другие, отдавая дань азарту,
Играли в шахматы и домино,
Гоняли мяч и тасовали карты...

Любители печати между тем
С газетами запрятались под тенты
И обсуждали важные моменты,
Не уклоняясь от военных тем...

Как ни спешил Адам, он видел их –
Худых и толстых, старых, молодых...
Цветных очков сменялась вереница,
Мелькали, точно в киноленте, лица...

Навряд ли Крейзи смог бы их узнать,
Когда бы с ними повстречался снова,

Но он запомнил молодую мать,
Ребенка забавлявшую грудного –
Мальш был точно персик на песке, –
Да тех, двоих... Они – щека к щеке –
Лежали ото всех чуть-чуть в сторонке,
Дыша одним дыханием, – стройны,
Руками воедино сплетены,
Как ветками дубок с лозинкой тонкой...
Смуглело, золотилось, розовело
Нагое человеческое тело,
Всей силой – гибкой, мускулистой, юной, –
Доказывая зримо, что оно –
Прекраснее всего, что здесь, в подлунной,
Великим мастером сотворено!..

...Вдруг зашумел транзистор, взвизгнул джаз,
И звуки закружились бестолково.
Певица, кажется, в любви клялась...
И почему-то у Адама снова
Привычной болью заболел висок...
Блеск, синева, и волны, и песок
Вдруг стали яркие – до невероятья,
Зной – невтерпеж, дорога – невподъем...
И Крейзи снова вспомнил о проклятье –
О бомбе, что засела тайно в нем
И грозное свое готовит дело...

И все внутри как будто омертвело,
По жилам словно бы растекся яд,
Железное вонзилось в сердце жало...

Теперь его до боли раздражало,
Что люди веселятся, пьют, едят,
Забыв о близкой гибели... На них
Косился он в невольном удивленье:
«Мне кажется, попал я в отделение
Особенных психических больных...

Возможно ль, здравый разум сохранив,
Играть с детьми, мечтать о чьей-то ласке
За несколько мгновений до развязки,
Когда в затишье назревает взрыв?!

Нормально ль до того утратить страх,
Чтоб привести любимых к океану,
Не думая, что я сюда нагряну,
Что близок я, что в нескольких шагах
Я – всемогущий, я – как черный смерч,
Несущий всякому дыханью смерть?

Чем не безумцы?! Дремлют на песке...
А им бы нужно пребывать на страже!..
Но разве это только здесь, на пляже?
А там, в Нью-Йорке?.. В каждом городке?..

Смешно, ей-ей!.. Попрятались в дома,
Как будто их спасут от смерти стены!
Все, все ума лишились несомненно,
Америка, ты вся сошла с ума!
Весь мир сошел с ума! Весь мир – бедлам!..»

Тут кто-то сзади прокричал:– Адам!
Куда же ты?.. Постой, Адам!.. Послушай!..–
Хрипели голоса. Врывались в уши,
Раздался чей-то наглый жирный смех...

И Крейзи бросился бежать от тех,
Кто устремился по его следам,
Кто догонял его, свистя и воя...
Нахальный смех гремел над головою...

К большой скале бегом бежал Адам,
Быстрее зверя, что спасает шкуру,
А жирный смех гремел за ним вдогон...
Адам бежал. Внезапно понял он,
Что этот смех принадлежит Артуру...
Он – тут, Артур, он – во главе погони–
Штабная крыса, перевертень, гном...
Не по его ль доносу

табуном

Несутся – точно взмыленные кони
Под хлесткими ударами бича –
Те, что кричат Адаму, гогоча:
– Врешь! Не уйти тебе! Нет, не отбиться!
Полиция!.. Держи!.. Держи!.. Убийца!

Адам бежит к сияющей скале –
Последнему спасенью на земле.

А за спиной, все круче наседая,
Орет и улюлюкает оно –
Стоногое, но слитое в одно –
В собачью, волчью, человечесью стаю,
Стоокое и все-таки – слепое,
Бежит, сто длинных свесив языков,
Чудовище, что испокон веков
Зовется озверелою толпою.

И за Адамом тянется рука,
Хватающая все издалека,
И, удлинняясь, вцепится вот-вот...
И бег Адама переходит в лёт,
Как ветер, он проносится над бездной,
Одним прыжком он – у скалы отвесной!

Блестит скала – бела, оголена, –
Прямая неприступная стена,
Лишь кое-где подернутая мхами...

Но близится зловонное дыханье
Чудовища...

        Как белка по стволу,
Адам почти взбегает на скалу,
Ладонями нащупывает сразу
Неровности, чуть видимые глазу,
На выступ с выступа, рывком, рывком,
По заостренным глыбам босиком,
За мох цепляясь, за сухие травы,
На камне оставляя след кровавый...
Он слышит, там, внизу, – и смех, и свист,
Злорадно подстрекающие крики...
Но он, Адам, уже на самом пике
Стоит, как первоклассный альпинист...

...С минуту вниз глядел он, торжествуя,
На гидру стоголовую живую:
– Что – просчитались?.. Ну-ка, догоните! –
Потом глаза направил в синеву
И вздрогнул: он увидел наяву,

Как разбежалась трещина в зените
И небо расколосось... И на дне,
В ночной, бездонно-черной глубине,
Блестящих звезд проплыло ожерелье,
И музыкою зазвучала высь,
Мелодии со звездами слились
И закружились плавной каруселью.

Тут небо сдвинулось немного набок,
Земля ушла, качнувшись, из-под ног,
И, сделав несколько движений слабых,
Адам в беспамятстве упал на мох.

... Час пролежал он или только миг?..
Очнулся... Он – под небом, на площадке,
На малом пяточке... А снизу – крик:
– Ответьте, Крейзи!.. С вами – все в порядке?..

Адам подполз к обрыву, глянул с дрожью:
«О господи!.. Как я сюда залез?!»
Внизу – голов и шляп пестрящий лес:
Купальщички столпились у подножья.
«Похоже, я весь пляж сюда собрал...
Всем лестно соучаствовать в скандале...
Вон – белые халаты замелькали.
Примчался наш больничный персонал.
И он здесь тоже – санитар-засоня.
Кричит, сложивши рупором ладони:
«Спускайтесь, Крейзи?..» Машет так и сяк...
Придется отвечать тебе, толстяк!»

Но вдруг Адаму стало безразлично,
Что там, внизу, в их толчее людской...
На душу снова снизошел покой
И ощущение воли безграничной.
Вот он стоит вверху, на крутизне,
С решением своим наедине,
Свободный – над простором океана...
«Сейчас я сброшу свой проклятый груз
И вместе с ним навек исчезну, кану...

Боюсь я смерти?.. Нет, я не боюсь,
Хоть жаль мне все ж глухую жизнь мою.
Да, я умру... Но добровольной смертью,
Порывом мужества и милосердия,
От катастрофы Землю отстою.

Я – у конца своих земных дорог,
Но человечество спасу, как бог.

Люблю вас, люди!.. Пусть я – на юру,
Далек от вас... Хорошее, дурное
Вы мне давали, и дурного – вдвое.
Но счастлив я, что я за вас умру.
И за травинку... За живое тело
И душу светлую моей Земли...»

И сердце у Адама потеплело,
И слезы по щекам его текли...

Сквозь пелену счастливых этих слез
Перед глазами что-то проступало,

Какой-то образ уплотнялся, рос...
Тумана разорвалось покрывало,
И показалась женщина. Грустна,
Погружена в раздумье...

«Кто она?»—

Подумал он, все так же сладко плача.
Струился платя белого атлас,
Лучился взгляд ее печальных глаз.
Она притронулась рукой горячей,
Пытаясь грусть Адама превозмочь...

— Кто я?.. Я — вечности великой дочь,
Та, что самую жизнью возвращена,
Чтобы людские прекращать мученья.
Я — Смерть...

— Прекрасна ты, а не страшна.

И понял я твоих речей значенье,
И тайну Смерти, кажется, постиг:
Кто жертвует собою для других,
Рождает смерть прекрасную, живую,
Достойную порыва своего,
И превращает гибель в торжество.

За все — свою судьбу благодарю я.
Бездонный не страшит меня провал,
И я готов на вечную разлуку...

Адам склонился и поцеловал
У Смерти теплую, живую руку.

И тут же Смерть растаяла, ушла...

...Сплетенные из тонкого стекла,
Заголублили нити над землей
И, точно струны, дрогнули в эфире:
От солнца и до океанской шири
Все стало арфой – золотой, сквозной...

И кто-то, к знанью высшему причастный,
Играл, с его законами согласно,
На струнах арфы.

Музыка лилась,
Земли и неба утверждая связь,
Душой овладевая безраздельно,
Лаская, ободряя и светя,
И обернулась песней колыбельной.

Казалось, мать баюкает дитя,
Казалось, где-то женщина запела,
Но голос был так светел и хорош
И так на все земное непохож,
Что струны стали вторить ей несмело.

И, стоя на своей отвесной круче,
Адам взгляделся зорче в небосвод:
Быть может, там сама любовь поет,
Та, что добрей всех делает и лучше?..

Клубились над скалою облака:
Одно как будто источало пенье...
И что-то шевельнулось в нем слегка:
Плечо, лицо мелькнуло в пышной пене...

На небе – со скалою по соседству –
Предстал летящий ангел, ангел детства.

Да, это песня ангела была!..
Как мог не догадаться он об этом?..
Два мускулистых, перистых крыла,
Пронизанные воздухом и светом,
Парили чуть заметно в облаках...

Ребенка нес крылатый на руках
И пел над ним – так, как Катрин, бывало...
Глядит Адам: младенец годовалый,
Румяный, беленький – не кто иной,
Как Томас, Том, сыночек его родной!

Ручонкой машет он издалека,
Вся в перетяжках пухлая рука,
Похожая на руку херувима...
Он вдаль плывет... Он проплывает мимо,
Как тот – в скафандре – призрак голубой,
Тот марсианин или древний витязь...

Адам забыл, что можно бы с мольбой
Рвануться вслед, вскричать – «Остановитесь!»,
И ангел с Томасом исчез вдали...

Всего мгновенье был Адам в печали.
Внезапно ощутил он: за плечами
Два бугорка упругих проросли,
И за спиной, без всякого усилия,
Шурша, как ветви, развернулись крылья.

Адам сложил их с чувством незнакомым:
Неужто он по небу поплывет?..
Но там, вверху, заскрежетало с громом,
И увидел Адам, что вертолет
Над ним кружится, точно коршун злой...

И вот уже – над самую скалой,
Качнувшись, лестницы повисла лента,
По ней солдаты вниз сойти спешат...
Понятно!.. Это – войско президента:
Сюда за бомбой он прислал солдат!
Как видно, несмотря на пост высокий,
Не знает президент, что близко сроки,
И Зло, непобедимое вчера,
Рассеется при светочке Добра,
И в мире воцарится Милосердые...
Решив проверить прочность новых крыл,
Адам шагнул, рванулся и... поплыл,
Смеясь, ликуя, в океан Бессмертья.

10

Меж двух могил с утра сидит Катрин.
На свете больше не о ком скорбеть ей.
Налево – муж ее, направо – сын...
Ну что ж, ее могила будет третьей.

Молчит Катрин, в себя погружена.
А на ветвях, в листве осенней, блеклой,
Молчат большие птицы... Дочерна
Их оперенье под дождем намокло.

Катрин одна – меж двух гранитных плит...
Опять на кладбище везут солдата,
И так же скорбно Реквием звучит,
Как над могилой Томаса когда-то.

Опять грохочет траурный салют
И стонут инструменты духовые,
А птицы – и пером не поведут:
Они – как чучела, как – неживые...

Все это им порядком надоело.
Нахохлились над холодом гробниц.
Теперь, когда почти совсем стемнело,–
Они похожи на Железных Птиц.

В ветвях, под птицами – мутнеет высь.
Уж поздно... Звезды тусклые зажглись.

1965 – 1970

Д. Кугультинов. Портрет. Худ. Ю. М. Ракша

Шахматист

Стремление к симметрии – недостаток
человеческого мышления.

Из высказываний философа

Гипотеза недостаточно сумасшедшая,
чтобы обращать на нее внимание.

Из высказываний физика

Что нелегко и воле и уму
Вести ожесточенный поединок
С таким титаном шахмат, как Ботвинник,
Доказывать, пожалуй, ни к чему.
Все нервы точно собраны в кулак,
Когда вступаешь в честный бой за право
На первенство, на мировую славу,
И до заветной цели – только шаг.
Случайности возможны здесь едва ль...
Вот наконец последний день турнира...
Победа! Званье чемпиона мира
Завоевал гроссмейстер рижский Таль!

Как радостен его обратный путь!
Жизнь широка: друзья, природа, книги...
Пора, пора от шахмат отдохнуть,
Он долго к ним не прикоснется в Риге!

Да разве не найдет разрядки он
В другом, таком же ярком интересе!
Ведь мозг работой перенапряжен,
Усталым клеткам нужно равновесье.

«Теперь досугом наслаждайся всласть,
Ты нынче потрудился не на шутку!» –
Велит рассудок.

Но большая страсть
Сильнее здравых доводов рассудка.

Он дома – в Риге. Здесь он всем знаком.
Все жаждут повидаться с земляком...
Ведут беседу, попивая чай,
Но речь сама собой мало-помалу
Дойдет до шахмат... Кто-то невзначай
Придвинет доску... И – пиши пропало!

В те дни забрел к нему «на огонек»
Врач-психиатр, теперь уже известный,
Друг юности и в шахматах знаток.
– Ну, поздравляю!.. Все идет чудесно,
Не сомневался я, что мастерство
Вознаградится... – говорит он другу. –

А кстати, Миша, окажи услугу
И обыграй больного одного.
На почве шахмат у него психоз.
В своем воображенье воспаленном
Себя считает он сверхчемпионом,
Сразившим – утверждает он всерьез! –

Алехина и Капабланку разом...
А самому – семнадцать, черт возьми!

Послушай, друг, беднягу разгрома,
И, может быть, к нему вернется разум.–
Смеется Таль:– Служить науке рад.
Одно меня смущает в этом деле:
Ты ждал меня и потерял недели...
Но неужели дать безумцу мат
Не мог ты сам, ты, шахматист искусный,
Ты, в наших тайнах сведущий вполне!

И врач ответил почему-то грустно:
– Он, Миша, не проигрывает мне.

...Таль верен обещастью...

Кабинет

Больничный блещет чистотою строгой.
Растений на столах и окнах много:
Успокоителен зеленый цвет.

Врач – на обходе. Тишиною скован,
Таль размышляет: «Право, до сих пор
С безумцами я не играл... Каков он,
Умалишенный этот мой партнер?»

Дверь приоткрылась. Это друг вошел.
С ним – юноша, по виду необычный,
Он шел устало... С миной безразличной,
Не торопясь уселся он за стол.
Кривились губы, выражая скуку.

Но острый взгляд пронизывал, сверля...
– Знакомьтесь!–

Мальчик подал Талю руку
Великолепным жестом короля.

Топорщатся, как перья дикой птицы,
Вихры, хотя зачесаны назад...
А взгляд!.. Он обжигает, он искрится –
Тревожный, цепкий, вдохновенный взгляд!
Такой любого может бросить в дрожь...
А худоба! А утонченность линий!
(«Позвольте, на кого же он похож?
На Паганини?.. Точно, Паганини!»)

– Приступим? Я играю без лады,–
Учтиво юноша сказал партнеру,–
Не обижайтесь на слова мои
И на предложенную мною фору.

Да, мне послушна шахматная рать
В защите и в минуты наступлений...
И знайте, что меня – не обыграть.
Я в шахматах – непобедимый гений.

Рукою тонкой он смахнул туру...
Затем слона... И посмотрел на Талю:
– Без двух фигур я поведу игру...–
Казалось, что глаза его устали
От цепи нескончаемых побед...
Но психиатр сказал спокойно:

– Нет,

Не будем нарушать обычных правил,–
И все фигуры на места поставил.

– Как вам угодно...–

Юноша опять.

Блеснул глазами, улыбнувшись слабо.–
Но все же нужно гостю честь воздать...
Прошу, играйте белыми хотя бы...
Так выгоднее, книги говорят...–
Добавил он с язвительной усмешкой
И на соперника метнул свой взгляд:
Как видно, Таль ему казался пешкой.

«Но чем он все-таки к себе влечет?
На нем таланта, вдохновенья метка...»–
Подумал Таль и сделал первый ход,
Которым прежде начинал нередко,
Желая выиграть наверняка.
И так, как беркут с поднебесной сини
Бросается на слабого зверька,
Открыл свою атаку «Паганини».

Накал игры все жарче... С двух сторон
Проделано ходов, должно быть, десять...
И на фигуры смотрит чемпион,
Пытаясь трезво положение взвесить,
Пока игра вначале, в той поре,
Когда еще исправить можно промах...
Но с удивленьем видит он в игре
Ряд комбинаций – странных, незнакомых...
«Клянусь, что даже в юности, учась,
Я не знавал подобных положений!
Да неужели предо мной сейчас
И впрямь сидит какой-то новый гений,
И всем другим далеко до него?!»
Однако верить в это не хотелось.

И Таль призвал на помощь мастерство,
Весь опыт свой, стремительность и смелость.
В стратегию соперника он вник
И осознал, что, с правилами спора,
Мальчишка этот – за единый миг –
Расшатывает все столпы теорий.
Неверный будто бы, неожиданный ход
Ниспровергает старого основы,
Приоткрывая путь для шахмат новый...
Не по нему ль искусство их пойдет?..

Безрадостным для Таля был дебют.
Игра уже подходит к середине,
И, нет сомнений, белые падут,
Ведь явный перевес у «Паганини»!

Не к чести чемпиона этот спор.
«А я играл, как только сил хватало,
Как не играл с Ботвинником, пожалуй...»
И Таль в смятенье пот со лба отер.

Соперник про себя бормочет: «Жаль...»
Но вот уже король почти повержен,
И в поражение расписался Таль...
Что оставалось!.. Мат был неизбежен,
Еще всего три хода, и... конец!

Таль помрачнел. А врач пожал плечами,
Лишь победитель – худенький юнец –
Был горделиво сдержан, как вначале,
И, как соперник вежливый, культурный,

С учтивым наклоном головы
Утешил Таля:– Не смущайтесь... Вы,
По-своему, играете недурно.

– Спасибо,– чемпион ответил хмуро
И начал снова расставлять фигуры.
– Хотите партию еще одну?–
Взглянув на Таля, догадался «гений»,–
Я выиграть ее не премину,
Как первую... Однако ж уваженья
Намеренье заслуживает ваше.
Все игроки мечтают о реванше.

Победа ль «Паганини» усыпила
Иль изменила творческая сила,
Но сразу же ошибку сделал он.
Воспользовавшись ею, чемпион
Стал быстро наступать... Соперник юный
Оборонялся храбро, точно лев,
И все же новый чемпион подлунной
Закончил бой, безумца одолев,
Однако же ценой больших усилий...

И юношу как будто подменили.
Как будто бы иное существо
Предстало Талю... «Паганини» замер,
Уставясь в доску тусклыми глазами.
Казалось, он не понял ничего,
Но не узнать прекрасных прежних глаз:
В них дерзновения огонь погас.
Бедняга так несчастен был на вид,
Своей печалью сердце Таля тронув.

А врач вскричал:

– Как видишь, ты разбит!

Ты – победитель стольких чемпионов!..

Все это – бред. Тебе лечиться надо!

Ты с шахматистом низшего разряда

Играл сейчас и победить не смог!

Какой ты гений?! Ты – плохой игрок!

Так врач пытался исцелять больного.

А Таль молчал в смущенье и тоске.

«Ложь, ложь и ложь!.. Не верь!

Не верь ни слову! –

Вертелось у него на языке.–

Ты – шахматист редчайший,

беспримерный

И в будущем, конечно, чемпион!..»

И на душе у Таля было скверно,

Потупив голову, он вышел вон.

Но, видно, понял врач его смущенье,

За другом вслед он выбежал, шепча:

– Пойми, ведь это способ излечения,

Ложь – только инструмент в руках врача!

Теперь наш манияк обезоружен,

Пусть я солгал... Но рассуди, дружок,

Чтобы сломить самовнушенье, нужен

Психологический нокаут, шок...

Таль отвечал ему немым кивком

И медленно побрел домой пешком.

Он шел, томимый чувством неотвязным,
Что принял он участие в чем-то грязном,
Что чем-то запятнал свою же честь...
«Ребенка обманул...– стонала совесть.–
И все-таки...– решил он, успокоясь,–
С годами он покажет, кто он есть!»

Поздней, случайно друга повстречав,
Признался Таль, что, верно, был неправ,
Что все придирки к медицине – дики...
– Ну как?– спросил он.– Как там твой
«великий»?

– Лечение помогло,– ответил друг.–
Мы к выписке теперь его готовим
И не нахвалимся его здоровьем:
Почти исчез у малого недуг.

...И как-то раз, в одно из воскресений,
Вновь увидались оба: Таль и «гений».

Был в рижский парк гроссмейстер
приглашен
Вести сеанс игры одновременной.
Сияло небо. День стоял отменный...
Любителей увидел чемпион
И вдруг, смеясь, приятелю сказал:
– А ведь сегодня мне грозит провал!
Придется мне сегодня потрудиться!
Задаст мне жару этот длиннолицый,
Вон, видишь, этот – за восьмой доской...
Поверь, он гениален, этот парень!..

Всех игроков (их было тридцать пять)
Таль обошел, должно быть, за минуту,
Чтоб возле парня дольше постоять...
Взглянул и улыбнулся почему-то...
В единый миг оценивая ход,
Который сделал «Паганини» прежний,
Коня подвинул он рукой небрежной
И, не помедлив, двинулся вперед.

Конь перед юношей стоял, дразня.
И просиял игрок, и взял коня.
«Гроссмейстер, видно, допустил ошибку.
Поторопился... Так играть нельзя...»

Вернулся Таль и, подавив улыбку,
Коню в придачу отдал и ферзя
И вдруг закончил партию красиво,
Мат объявив, болельщикам на диво,

А про себя он вспоминал врача
И юношу, каким тот был когда-то.
«Что ж, доктор, ты добился результата,
От гениальности его леча!
Оздоровил больного страшный шок,
В лице его опять играют краски...
Но ведь теперь он мыслит по подсказке,
От буквы не уйдет ни на вершок.
Мечтою больше не умчится вдаль...»
«Недуг исчез...» – Таль вспомнил
фразу друга...
«А если... – вслед за тем подумал Таль, –
Что, если гениальность – род недуга?!»
«Нет, гениальность – не болезнь ума!

Впитавший знания многих поколений,
Тот ум, что породила жизнь сама,
Людские души освещает гений.
Источник счастья – истинный талант.
Он редкостен, как черный бриллиант.

Рождение гения – всегда событие...
Так будьте бережны, врачи! Лечите
Недуг, но так, чтоб не гасить порыв,
Щадя огонь таланта драгоценный!..»
Так рассуждал гроссмейстер, победив
Любителей в игре одновременной.

...А юноша, довольный, шел домой.
Пушай его сегодня обыграли...
Но обыграл сам Таль! Не кто иной!
Кто он – любитель скромный – против Таля?!

К тому же он игры изведаль пыл,
Не потеряв при этом хладнокровья...
И юноша врача благодарил
За возвращенное ему здоровье.

Но вдруг в его сознание, в глубине,
Мелькнуло что-то... Кабинет, растенья...
И Таль – чуть-чуть другой, как бы во сне...
Воспоминанья это иль виденья?
Болезненный, неизцеленный бред?
Но где оно – то щедрое начало,
Что заполняло душу, окрыляло?!
Восторг и боль... Восторга больше нет!
Как звался он – могучих сил приток?

Он странен был, но праздничен и ярок –
Невозвратимый, сказочный подарок,
Огонь, который поднимал и жег...
Иль потерял он это где-нибудь?!
И вздрогнул юноша...

Тоска простерла
Кривые когти... И вцепилась в грудь,
И постепенно подступала к горлу...

По благодатной зелени аллеи,
Где шутки слышались и юный смех,
Шел юноша, шагая все быстрее,
Спеша укрыться от себя, от всех,
От черной боли, от тоски тупой,
От чувства обделенности, обиды...

Вот он смешался вдалеке с толпой
И навсегда теперь исчез из виду.

1970

Глава Калмыкии К. Илюмжинов, Д. Кугультинов во время визита
в Республику Азербайджан. Баку

Выступление перед казаками Калмыкии. Д. Кугультинов,
П. Шарманджинов, Э. Колдаев, шаджин-лама Калмыкии Тело Ринпо
Элиста, начало 90-х годов

Явление слова

Чингизу Айтматову

Душа моя, а все ли ты свершила?

М. Дудин

1

Весь день, всю ночь, пока не скрылся в сини
Глаз недреманный утренней звезды,
Как тот, кто долго голодал в пустыне
И наконец дорвался до еды,

Так я, захваченный большой работой,
Не отходил от своего стола,
Писал и черкал до седьмого пота,
Писал, курил... Работа славно шла.

Виденья, чуть мелькавшие в тумане,
Приблизились ко мне – в росе, в пыли...
Иные сразу облик свой нашли:
Живые краски, ясность очертаний.

Другие ускользали. Но стремглав,
Как гончая, бросался я по следу
И ликовал, победу одержав,
И новую предчувствовал победу.

Стихи давались мне почти без муки,
А если хоть один бывал строптив,
С ним я справлялся, нрав его смирил...
И улыбался, потирая руки.

Я кончил труд.

И прочитал его
Весь, до конца... И вдруг поник смущенно.
Нет, мне не изменило мастерство.
Я соблюдал гармонии законы.

Суть – хороша. И форма – ей под стать.
Все стройно. И красиво – чрезвычайно.
«Но...– вдруг шепнул мне некий голос
тайный,–
Но это можно бы и не писать.

Где вдохновенья своевольный свет?–
Въедался в душу мне ехидный шепот.–
Вещицу эту создал здравый опыт
Твоих, мой друг, пятидесяти лет».

На бледном небе разгоралась зорька.
Звезда померкла. И погасла цель.
И стало мне обидно, стало горько,
И, повздыхав, улегся я в постель.

И все, что нашептал мне тайный голос,
В далекий, смутный превратилось гул,
И отодвинулось, и раскололось
На брызги белой пены...
Я уснул.

Да, я уснул. Но в медленном круженье
И словно бы за матовым стеклом
Я вижу:

я, все в том же положенье,
Сижусь за письменным своим столом.

Но стол теперь не в комнатухе тесной,
Где в папиросном я тонул дыму,—
Средь степи он — привольной, поднебесной —
Стоит, и мне понятно — почему.

Он — на вершине древнего кургана,
И это тоже мне ничуть не странно.
Со всем вокруг я осязаю связь
И чувствую невидимые звенья,
Не удивляясь ничему, дивясь
Лишь, может, своему неудивленью.

И разум, снова отдохнувший, свежий,
Свободно облетает даль и близь,
В пучины вод закидывая мрежи,
Вторгаясь в дебри, где года сплелись.

И, бешеных коней моих желаний
Объездив, мне приводит в поводу...
И утреннюю вижу я звезду,—
Она мне лампой служит на кургане.

Я заполняю белые страницы —
Блестящие, как снежные поля,
Поэзией, какая миру снится,
Которой наша заждалась Земля.

Откуда эта музыка святая?
Где я такой источник смог найти?
Слова рождаются, сказочно мерцают,
Подобно звездам Млечного Пути.

Они мерцают отблеском печали
И радостью, что девственно-светла.
Они поводят круглыми очами,
Им нет начала, меры и числа...

И я, как равный, – в звездном их кругу.
Свой тайный смысл мне открывают вещи.
Я и не знал, что так глубоко, вещь,
Что так пронзительно писать могу!

Как будто лишь теперь я сбросил путы,
И я вожу пером по белизне
Без низкой мысли нравиться кому-то,
Лишь ради правды, что открылась мне.

Все люди станут чище и моложе,
Когда увидят истины кристалл.
О, как созданье это не похоже
На те стихи, что раньше я писал!

Стихотворенье это – словно пламя,
Разбрасывает искорками смех,
Рыдает настоящими слезами,
Оно заденет всех, изменит всех!

Неужто мне – из племени людского,
Мне, мне, кто не велик, не знаменит, –

Достался жребий воплотиться в Слово,
Которое весь мир преобразит?!

В нем струйками горячими восхода
Переливается живая кровь.
Быть может, это гордое – «Свобода»?
А может, это нежное – «Любовь»?..

Не знаю... Только трепетность наитий
Перебегает, искрясь, по стихам.
Я это Слово людям передам:
– Вот, милые, любимые, возьмите!

И мужество и мудрость – в слове том.
Меж небом и землей блистая гранью,
Оно всеочистительным огнем
Избавит всю планету от страданья.

Оно, перелетая рубежи,
Перегородки и границы руша,
Освободит людей от груза лжи,
Калечащего беспощадно души.

Да, это Слово, в мир придя со мной,–
А я на свет родился не за тем ли?–
Все злое вырвет, словно зуб больной,
Теплом любви согреет нашу землю.

Оно, подобно тайному ключу,
Лежало в глубине, на дне песчаном.
Я ключ достал, и я его вручу
Моей Земле, моим друзьям – землянам.

– Дарю вам счастье! Вот оно, друзья!
Берите, овладейте им навеки!..–
И – первый в мире – мир увижу я
Без горя, без единого калеки...

3

«Исчезнет подлость, клевета и грязь.
Где кровь текла – там воссияют розы...»
Я про себя шепчу... И, не стыдясь,
Струящиеся оттираю слезы.

Восторгом чистым, умиленья полный,
Средь степи я стою на крутизне,
А степь, высоко вспенивая волны,
По-матерински гладит ноги мне.

Со мной доверчиво ведут беседу
Цветы и травы, птицы, мотыльки
И поверяют просто, как соседу,
Секреты, что божественно легки!

Их тайны для меня сейчас открыты
И как бы поневоле входят в стих.
Душе моей, от суеты омытой,
Понятен каждый вздох и шелест их.

Мне мил и дорог склад их своенравный:
Родство со всем живущим я обрел...
Крылом меня приветствует, как равный,
С небесных круч спустившийся орел.

И на листке затейливую вязь
Я вывожу и все не ставлю точку:
«Людского зла и бури не страшась,
Орел парит высоко в одиночку».

4

Причуды сна!.. Пишу строку во сне,
Но – странно!– в эту самую минуту
Какой-то частью мозга мнится мне,
Что это – сон и что не я как будто –

Ну да, не я!– людей обогатил
Одним из удивительных творений...
Нет, это сделал величайший гений,
Не я, не я... Но я при этом был...

И, этике привычной вопреки
(Конечно, и во сне мы красть – не вправе!),
Мне хочется – пускай по-воровски!–
Две-три строки заимствовать для яви,

С собою что-то унести из сна,
Запомнить – ну, хотя бы рифму, что ли...
И я хватаю рифму... Но она
Скользит из рук... Впился в нее до боли

Ногтями, чтоб не смела убежать...
Умчалась!.. Утомившись от усилий,
Я просыпаюсь... Комната. Кровать...
Что с головой моей?! Землей набили

Или камнями она полна?!
Я так устал... Сдержат не в силах дрожи!
А в мыслях: строки, отголоски сна...
Но боже мой!.. На что они похожи?!

Где музыка?! Что случилось с мудрой сутью?!
Как будто там, где искрились шелка, –
Там, на пожухлом стержне стебелька,
Висят сухие, жалкие лоскутья!

Как будто строки затянул туман.
Почти не видно их за слоем пыли.
Они, как знаки инопланетян,
Тех, что когда-то землю посетили,
Чтоб подружиться с нами, вероятно,
Но стерт их след, заметы их – невятны...

И чувство темное гнетет меня.
Как будто я на скачках мчался первый,
Но конь упал. Иль я загнал коня?!
И я лежу недвижно... сдали нервы...
Перед глазами – тусклая земля
И крови несколько багряных капель...

...Иль будто вышел я из корабля –
Там, в космосе... Но оборвался кабель,
И я болтаюсь в пустоте с такой
Невыразимо-тягостной тоской...

Но что ни говори, он все же был,
Тот сон... Стихи, исполненные сил.
Я видел их вот так, как солнце вижу.
Они со мной соприкасались ближе,

Чем это утро и его покой,—
Ведь я же их писал своей рукой!

Я и теперь могу поклясться снова,
Что это слово правда было Слово,
Способное всю жизнь украсить...

Но

Откуда все-таки пришло оно?

Себя поздней я спрашивал нередко:
Быть может, дивного творенья свет
Сиял когда-то в голове у предка?..
Тот предок гениальный был поэт,
Но ни письму, ни чтению не обучен
И не делясь ни с кем твореньем лучшим,
Безвестно жил, в мозгу его храня.
И память эта, сохраняясь в гене,
Прошла через десятки поколений
И озарила молнией меня.

А может, не стихотворенье это,
А неизвестная пока волна
С далекой и неведомой планеты?
Она была сюда занесена
И наполнилась глубоким смыслом новым,
Пока еще не выраженным словом,

И этот смысл, что был мне незнаком,
В моем сознание сделался стихом,
Как музыка далекая, донесся
В мой сон через пространства и века.
Как? Почему?.. Ответы на вопросы
Я все ищу... Но не нашел пока.

И все же верю, верю в добрый нрав
Земли и человеческой природы.
Я верю: месяцы пройдут иль годы,
Но тайна сна предстанет, заблистав.

И, ускоряя времени течение,
Бессонная работница-душа
К ней все-таки поднимется, верша
Высокое свое предназначенье.
Ведь сон тот был!.. Не зря являлось мне
Стихотворенье дивное во сне!

Не зря не позабыл я и сейчас
Моей рукой написанную строчку:
«Людского зла и бури не страшась,
Орел парит высоко в одиночку».

1972

Необоримый

Незабвенной памяти юных ге-
роев-партизан, чьи имена зане-
сены навечно в Книгу Славы
Ленинского комсомола, – Юрия
Клыкова, Тамары Хахлыновой,
Володи Косиева – посвящаю

К читателю

Я рассказал, что знал, что видел сам.
И если среди участников событий
Не назван тот, кто всех дороже вам,
Прошу – меня поспешно не судите!

Достойных было множество в те дни.
Боясь кого-то упустить из виду
И нанести смертельную обиду,
Оставив хоть кого-нибудь в тени, –
Я выбрал тех, кто мне особо мил,
Кто был при жизни обойден удачей,
Характеры их воедино слил,
Скрестил их судьбы и назвал иначе.

Но те, кому важнее существо,
Душа, а не обличие героя,
Те даже под фамилией другою,
Я верю, смогут опознать его.

Еще, друзья, случиться может так,
Что из бывшего, из глубин колодца,
Сквозь глушь годов, забвение, сквозь мрак
Вдруг нынешний мой голос донесется,
Тот голос, что немного вам знаком,
Не выносите приговор сурово:
«Рассказчик, мол, сегодняшним умом
Пытается рассесть узлы бывшего».

Пред вами я – с повинной головой.
Да, многое меня еще тревожит.
Что делать?

Автор – человек живой.

И рад бы помолчать, да вот – не может!

Еще два слова...

Обращаюсь к тем,
Кто младше нас хотя б на поколение...
Вас, кто далек от прежних наших тем,
Быть может, удивит мое волнение.

От вас эпоха наша далека
И за непроницаемой стеною.
Для вас – почти как средние века –
Года войны и многое иное.

Но попытайтесь все ж меня понять.
А чтобы с верного не сбиться следа, –
Отца спросите, позовите мать,
А может, бабушку. А может – деда...

И вы увидите, как вспыхнет луч
В глазах, подернутых седой заботой,
И памяти своей тяжелый ключ
Они, поверьте, повернут с охотой,

И вспомнят тех, кто нашу землю спас,
А сам протислся с жизнью ранней ранью...
И, может, их бесхитростный рассказ
Приблизит к вам мое повествованье.

1

Пространство между Волгою и Доном,
Ковыльный край, степной простор земли,
Куда калмыки некогда пришли,
От века не бывало покоренным.

Не попирал степей надменный враг.
Захватчиков бесчисленные орды
Сюда напрасно устремляли шаг,
Шумели вольны степи так же гордо.

Из алчных властолюбцев ни один,
Как ни кичился, силою бахвалясь,
Не смог поработить степных равнин,
Они вольны, как прежде, оставались.

Край ковыля, полыни, повилик
Кипел и цвел неукротимо-дико.
Был непоклончив он и до калмыка,
И с той поры, как здесь живет калмык.

И даже в тот зловещий, черный год,
Год сорок первый, что, внезапно грянув,
Разбил мечты, нарушил стройность планов
И всех и вся втянул в водоворот
Жестоких битв,

и на полях России

Полярных два начала, две стихии,
Непримиримые между собой,
Вступили, может быть, в последний бой
И, высекая страшные разряды,
Живущих поражали без пощады.

Да, даже в эти времена, когда
Тепло и холод, пламя и вода,
Добро и низость, произвол и право,
Животворящий свет и мрак лукавый
Сшибались в схватках,

на пути своем

Метали молнии, дробили громы,
И, словно подчинясь велению злomu,
Свища хвостатым огненным бичом,
К зверью, к деревьям не являя милость,
Нажраться кровью не могла война,
Все ж, докатившись до степей, она,
Запнулась вдруг...

Дымясь, остановилась

У Волги полноводной...

И враги

Расслышали истории шаги.

Да, те из них, кто не был ослеплен
Успехами, дававшимися с маху,

На мгновенье станет светлей
И вокруг, и над головой.
И тогда спешит поставой –
Под защиту стеблей, ветвей,
Где укроет надежно тьма,
Где не виден Барсов Бадма.

На мгновенье...

Но в этот миг
Просветлеет не только вокруг,
А в тебе и в мыслях твоих...
И за миг ты успеешь, друг,
В самого себя заглянуть:
«Кто ты нынче?.. Каков твой путь?..
Кто ты, Барсов?..

Солдат?.. Поэт?..»

...На страницах местных газет
Ты печатал стихи свои –
Не о грусти, не о любви, –
В ногу с веком ты твердо шел,
Прославляя свой комсомол,
И любая твоя строка –
И бодря была, и звонка.

«Счастье светлое нам дано!» –
Утверждал ты с эпохой в лад...
Это было давным-давно,
Было точно века назад...

И как будто родимый кров
Охранял парнишку от бед,
Все ж дорогу беда нашла:
В жизнь проникло дыханье Зла.

И не голод, и не нужда,—
По-иному звалась беда...
Вдруг в семье зазияла брешь...
...Если голоден – ты поешь.
Кто-нибудь да подаст кусок,
Белый свет уж не так жесток!
Коль дыра в одежке твоей,
Что – дыра?! Велика ль беда?!
Попроворней дыру зашей,
И забудешь о ней тогда.

Если ж в сердце твоём пробой,—
Вправду плохо дело с тобой!

Повреждение чуть виднó,
Но в него – говорит народ –
Горе доступ себе найдет,
Хоть с верблюда ростом оно.
Горе это – горше вдвойне,
Если ты по чьей-то вине,
А по чьей – тебе не понять,
Глаз не смеешь, стыдясь, поднять.

...Коли сам совершил ты грех,
Что ж, признайся честно, при всех,
И ошибку, что допустил,
Сам исправишь – по мере сил.

Ну а если твоя вина
Не тобой совсем свершена?..
Если – как себя ни суди –
Пред людьми и страной ты прав?..
Зла Бадма не таил в груди.
Не такой у Бадмы был нрав...

Уважали у нас в краю
С давних пор всю его семью –
И отца, и русскую мать...
До гражданской еще войны
Стала, добрая, помогать
Тем, что были тогда темны,
Трепетали, духов боясь...
Под кошмой – духота и грязь...
И жила в этом царстве тьмы
Просвещенная мать Бадмы,
Обучая всех и леча
Лучше фельдшера и врача
В убеждении, что калмык
От природы – не зол, не дик.

Кто ее разуверит в том,
Если Барс, ее милый муж, –
Человек с пытливым умом
И душой – добрейшей из душ?..

С юных лет он спешил познать
Просвещения благодать
И больших успехов достиг.
Для братьев темных своих

Написал он первый букварь,
И по этой азбуке встарь
Не один учился юнец...
Вот каким был Бадмы отец!..

Знали все, что Барс не пойдет
Ни за деньги, ни за почет
С Честью, с Правдой, с Добром вразрез.
Были мысли его прямы.
Но однажды он вдруг исчез –
Барс Хадуров, отец Бадмы.
Словно в воду он канул – Барс,
Люди помнят, что, горячась,
Он по-детски вскрикивал «ой!»,
Ударяя себя по лбу,
Если кто-нибудь за игрой
Неожиданно скажет – «шах!».

Честный Барс, прямая душа,
Кто твою поломал судьбу?!
Кто несчастье тебе принес?
Кто строчил подлецкий донос?..
Может, кто-то сошел с ума?!

Комсомолец честный – Бадма
Верил в силу добрых начал,
Но, однако же, замечал
Все оттенки в чужих глазах –
Холодок отчужденья, страх...
Тот в смущенье отводит взгляд,
А иной – даже будто рад,

Что стряслась у других беда...
Больно было Бадме тогда!
Да и жалость – ох!– нелегка!
Подступают слезы ко рту,
Как почувствуешь теплоту
Встречной женщины, старика...
Все глядят, как на сироту...

Жалит, словно змея, тоска,
И вопросов жужжащий рой
Мучит юноши ум живой.
Как же так – отца не спасут?..
Верил он, что отец не мог
Совершить обман иль подлог,–
То, за что покарает суд.
Верил свято и в те сердца,
Что решают судьбу отца.
То, что судьи честны, мудры,
Слышал с самой ранней поры...
«Разберутся все же они,–
Думал он в счастливые дни,–
Солнце выглянет из-за туч...»
Но к подобным вопросам ключ
Время спрятало глубоко.
Отыскать его – нелегко.
А пока что тяжка она –
Не твоя и ничья вина.

А для тех, кто не клят, не мят,
Тяжелей она во сто крат.
Боль в душе – черна и глуха,

Будто ночь наступила днем,
Будто солнце в небе твоём
Поглотил злой дух – Араха.

В сердце юноши горький стыд...
Нет, не знал он прямых обид!
Но хоть вылезь из кожи вон,
Не отметят тебя вовек.

А глядишь – другой человек,
Хоть он вовсе не так умен,
И замечен и награжден.
И ему воздают почет.
А старанья Бадмы – не в счет.

В те ушедшие времена
Паренек, удручен и вял,
На курган, бывало, влезал,
И летела, окрылена,
Мысль его стремительней птиц –
К самой дальней из всех границ...

Въявь он видел, о чем читал,
Раскрывая любой журнал:
Видел, как ползет сквозь туман
Диверсант из враждебных стран.

Вот шпион миновал кордон
И подслушал пароль... Вот-вот
Будет страшный план воплощен...
Но не спит Бадма-патриот.

Он, Бадма, себя не щадит,
Он Страну собой защитит...
Он кинжалом врага разит...
Схватка – насмерть...

Шпион убит.

И на пóлосах всех газет –
Комсомольца Бадмы портрет,
Вот какой он – герой!.. Под ним
О награде большой – указ...

Люди просят: «Простите нас!»
«Ладно... – скажет Бадма, – простим!..»

И отец из дальних краев
Возвращается жив-здоров,
И сияет радостью мать,
Счастью бабушки нет конца!..

Пусть наивны мечты юнца,
Кто ему запретит мечтать?!
Разве он – об одном себе?!
Нет, еще о другой судьбе

Думал он: о той, об одной, –
Той, что стала душой родной...

...Есть один закон,
Он вне законов,
Вне земных препятствий и порух:
Возникает сила,

Сердце тронув,
Окрыляет, возвышает дух.

Как бы жизнь тебя ни унижала
Торжеством насилия и зла,
Как бы в сердце ни вонзалось жало,
Распрямись!.. Любовь к тебе пришла!

Да, любовь!..

Нет сладостнее дара!

У любви различны имена.

Для Бадмы звалась она –

«Тамара»,

И была она уязвлена

Той же болью, тою же отравой,

Той, что им, двоим, пришлось познать...

И мечтал Бадма,

когда со славой

Оправдает он отца и мать,

О Тамаре он расскажет тоже

И несчастной девушке поможет...

Он, Бадма, рассеет заблужденье

И спасет ее, спасет, любя...

И тогда Тамара...

На мгновенье

Все же приходил Бадма в себя.

Вспоминал, что радоваться рано,

Что еще не скоро торжество,

А пока что – наверху кургана –

Он – во власти горя своего.

*

Что бы дальше было – бог весть,
Но внезапно дурная весть
Прокатилась, точно волна.
И Бадма услышал:

– Война! –

И едва ль не один из всех
Просиял...

Простим ему грех!

Был он так неопытен, юн,
Думал он, что война – канун
Важных дел...

Возбужден и рад,

Поспешил он в военкомат –
Заявленье писать о том,
Что оружия просит рука...

Сел за стол. Взял перо...

Строка

Заявления – стала стихом.
Набежали рифмы гурьбой,
Не сдержать их мощный прибой,
Охладить нельзя их накал.

Скромный рапорт

песнею стал;

И казалось Бадме, она –
Небывало – крепка, мощна...

Юных крыл ощущая взмах,
Он летел...

У калитки – мать.

И не может Бадма понять,
Почему она вся в слезах?..

– Что ты, мама, удручена?!
Иль не знали мы наперед,
Что, конечно, эта война –
Рано ль, поздно – произойдет?

Но решится быстро, боюсь,
Столкновение двух сторон...
Смело сбросит фашизма груз
Там, у немцев, класс-гегемон,
Русским братьям руку подав...

...Но – увы!– был Бадма неправ.
Длились черные дни войны.
Шли на фронт – не только сыны,
Но и те, кто был седоват.

Почему же военкомат
Все Бадме повестки не шлет?
Иль опять он, Бадма, – не в счет?!
К военкому он – прямиком.
Говорит ему военком:
– Потерпи, и дождешься дня,
И оседланного коня,
Парень, мы к тебе подведем...

День, однако, идет за днем...
Ждет Бадма, свой удел кляня:
Не подводят к Бадме коня!

Возле Дона война гремит,
Жгут Бадму нетерпенье, стыд...
«Я – силен. Неужели мне
Делать нечего на войне?»

Горько, если родную мать
В час, когда ей грозит беда,
Не дадут тебе защищать...
Ох, как тяжело сыну тогда!..
Нет на свете больнее ран!..
Не придумать жесточе мук!

...Был у Барса когда-то друг –
Старый, опытный партизан –
Добросердов...
– Ступай к нему!–
Надоумил кто-то Бадму.

*

Добросердов – бодрый старик –
Толковал с ним не час, не два.
В сердце юноши он проник,
Разобрался он, чем жива,
Чем полна у него душа...
И сказал Бадме не спеша:

– На отца ты похож – точь-в-точь.
Так же, видно, горяч и прям.
Постараюсь тебе помочь.

Партизанским трудным делам
Обучись за недолгий срок
В астраханской школе, сынок...

*

...Все задания нележки
На жестокой этой войне.
Но из тяжких – вдвойне тяжкй,
Но из трудных – трудны вдвойне,
Если ты не в лихом бою,
Если не в боевом пылу,
Если ты работу свою
У врага свершаешь в тылу.

Пробирайся, как зверь, – тайком.
Проползай, будто змей, – ползком,
Как трава, точно камень, тих.
Если ранят – сдержи свой крик,
Чтоб не выдать братьев своих!

Здесь без жертв не пройдет и дня.
И, товарищей хороня,
Принимая последний вздох
Тех, кто только что в жизнь вступил,
Кто был полон веселых сил,
Сознаешь, как ты был жесток
В день, когда ликовал, шальной, –
«Вот, мол, выход из бед – война!»
Ты хотел, чтоб длилась она?!
Что ж – по горло ты сыт войной!..
И теперь до тебя дошло,
Что война – великое зло.

Сколько боли нам враг принес!
Сколько женских пролито слез!..
Сколько сел сожжено дотла,
Скольких смелых смерть унесла!

...Было нас двенадцать вчера.
Жили парни, грустя, смеясь...
Было нас двенадцать с утра.
К ночи стало четверо нас.

Но остался в силе приказ.
И не меньше число мостов,
Тех, что враг перейти готов.
Дел не меньше!.. И потому,
Командиром избрав Бадму,
Клятву дал небольшой отряд:
По дороге, что в Сталинград
Протянулась из Элисты,
Заминировать все мосты
И фашистские снять посты.

Поклялись, а затем пришлось,
Чтоб не сгинуть враз вчетвером,
На конях пробираться врозь...
Поскакали врозь, положив:
«Все к овчарне старой придем,—
Те, конечно, кто будет жив».

«...Нынче день удачный весьма,—
Возвращаясь, думал Бадма.—
Сослужил мне службу кинжал:
Постового я тихо снял
И лимонку швырнул к ним в дом.
Мина, что лежит под мостом,
Скоро дело свое свершит...»

Он к овчарне старой спешит
И пришпоривает коня...

«Лишь одно смущает меня,
Не могу позабыть о том,
Что, когда загорелся дом,—
Из пожара двое солдат
Как рванутся! Как закричат:
Мол, «сдаемся!», «Гитлер капут!..».
Все ж я взялся за автомат...
Не до пленных сегодня тут!
Отпустить?.. Но из них любой
Завтра вновь пойдет на разбой».

Вспомнил юноша плач ребят,
Головешки сожженных сел...

«Нет, камрад, ты сам виноват,
Что незванным в наш дом пришел.
Нет, прощать убийцам нельзя!..
Вон – кошара...

Как там друзья?..»

Все задания нележки
На жестокой этой войне,
Но из тяжких – вдвойне тяжки,
Но из трудных – трудны вдвойне,
Если ты в тылу у врага
Пробираешься сквозь туман...
Да зато вдвойне дорога
Дружба крепкая партизан...

Нынче впрямь – счастливый денек:
Все друзья возвратились в срок,
Вчетвером слетелись орлы –
У оврага, у Хар-Салы.

И Бадма опять – меж друзей –
Что родимых братьев родней.

Обнялись горячо сперва
И пошли подводить итог:
«Что ж, приказ исполнен, братва!
Каждый сделал больше, чем мог».

У фашистов нынче урон:
Десяти из них – нет как нет.

– Верно, будут искать наш след
И, пойдя за нами вдогон,
Налетят, глядишь, на скаку...
Ночью нужно быть начеку.
Сторожить наш «Черный овраг»...
Надо нам дежурить троим.
Мы в три смены тут постоим.
Ты, Бадма, отдохни, приляг!..
– Нет, – Бадма возразил, смеясь. –
Нет, ребята, так не пойдет!..
Чем я лучше иль хуже вас?
Потягаемся – чей черед?
Вон лопата, у наших ног...

Обхватил Бадма черенок,
У лопатища сжал рукой,
А за ним – партизан другой
Взял повыше – наперехват...
Так до верха дошли они...
– Кончик мне достался, взгляни!.. –
И Бадма как будто бы рад.

Если с подлым врагом без пощады
Буду биться в неравном бою,
Драгоценней не нужно награды:
Подари мне улыбку твою!

Если ж пуля скосит меня с ходу
И умру средь родимых степей,
Все мои недожитые годы
Да прибавятся к жизни твоей!..»

Так про себя шептал Бадма...
Но вдруг
Он уловил глухой, далекий звук...
Машины!.. Это где-то за горою...
Ошибка?.. Нет, они идут, шумят...
Сомнений нет! Карательный отряд!
Он будет здесь предупредительней порою...

Шумят машины. Близятся, шурша.
Куда укрыться?..
Степь – ладони глаже.

Ну что ж!.. Оставив одного на страже,
В овраге спрячемся – меж камыша.

...Светлеет ночи темная кошма.
Друзей в кошаре стал будить Бадма:
– Отставить сон!.. К оружию!.. Тревога!
Идут машины... Будут скоро тут...

Коней своих освободив от пут,
Гуськом они пошли обратно – к логу,

Ступая с осторожностью – след в след –
И табаком дорогу посыпая,
Чтоб не разнюхала собачья стая...

Над камышами заалел рассвет.
Слышнее гул...

Проверили оружие
И развернули рацию.

И тут же
Услышал штаб о положении дел,
О том, что сделать их отряд успел,
Хоть четверо осталось из отряда...

«Все правильно. Работали – как надо», –
Ответил Добросердов, то есть – штаб...
...А ветер дул. Но был он слишком слаб,
Чтоб разогнать сгустившиеся тучи,
И холод пробирал их до костей...

Пытался кто-то пошутить:

– Ей-ей,

В кошаре нашей было много лучше.
Эх, дали бы поспать хоть досветла!..

Змеею сырость за ворот ползла,
А знака все не подавал дозорный.
Минуты шли. Он все молчал упорно.
«Быть может, враг пошел иным путем?
Не различить машин в густом тумане!..
Похоже, мы их понапрасну ждем?..»

...Всего трудней для ждущих ожиданье!

Но вот дозорный двинулся с холма.
Пополз к оврагу и шепнул:

– Бадма!

Машин – четыре. С них сошли солдаты.
Сюда они подходят с двух сторон,
У них готовы к бою автоматы.
Что будем делать?.. Видишь, враг силен!..

– Что делать?.. С фрицем, братья, мы
знакомы!
Не в первый раз!.. Мы здесь, в степи, – как дома.
Неужто не удастся ускользнуть?
Что мы в овраге, знать они не могут.
Ну, постреляют в камыши немного...
Мы промолчим...

Они продолжают путь...

А если все же неизбежна схватка,
Держитесь, фрицы! Будет вам не сладко!

За шумом ветра не расслышать шаг.
Но вот застрекотало в камышах.
Стреляют, высохший камыш колебля,
Летят на землю скошенные стебли...

Молчание в овраге. Степь – нема.
И в Хар-Сале – овраге – недвижимо...
«Уходят», – понял, вслушавшись, Бадма...
«Все прочесав, они проходят мимо».

Фашисты лопотали меж собой
Довольно громко. Засмеялся кто-то,

«Кайн партизан... Не состоялся бой!»
Мол, это все – ненужная работа!
Но офицер на них прикрикнул строго.
Уходят, отдаляясь понемногу...

«Да, пронесло!»

Но в этот самый миг
В овраге, волей случая шального,
Чихнул внезапно младший из троих...
Хальт!..
Все вверху переменялось снова,
И пули вновь посыпались в овраг,
Строча, стуча по камышам склоненным...

И самый младший, тот, что в двух шагах
Был от Бадмы,
припал к земле со стоном,
Вцепясь в Бадму сведенною рукою...

– Русс, выходи!–

Донесся сверху крик.–
Сдавайтесь в плен! Останетесь в живых!
Не то из вас мы сделаем жаркое!

– Ребята, к бою!.. Слушайте Бадму!
Немного нас, но Родина – за нами!..

Камыш, зажженный, затрепал в дыму,
И заплясало, пробиваясь, пламя...

Бадма подполз – товарищи за ним –
К солдатам, плотно сбившимся у края...

Глаза застлал горячий, едкий дым,
Лез в ноздри он, дыханье прерывая...
– Нас – мало!.. Но Россия – велика!–
Из пламени

с гранатами в руках
Они, как черти, выпрыгнули...

Сила

На миг перед отвагой отступила.
И видела кровавая заря,
Как насмерть бились три богатыря.

Фашисты было подались назад,
Не выдержав нежданного напора.
Но в память их привел, подняв приклад,
Грозь расстрелом, их начальник – Кнорре.

И стала «балка черная» – светла.
Свистят гранаты. Валяются тела...

Но множество есть множество.

Герои

В сраженье пали.

Все ж их было трое.

...Тела троих убитых, друг за другом,
Подняв и на машину погрузив,
Фашисты в путь собрались...

Вдруг с испугом

Вскричал один:

– Смотрите!.. Этот – жив!

Он шевельнул рукою!
– Кто? Который?
– Вон тот!..–
У обер-лейтенанта Кнорре
Глаза горят восторгом!
– Взят живьем!
Живьем, живьем к начальству привезем!
Легко сказать: «Поимка партизана!»
Сулит оно и отпуск и кресты...
Немедленно перевязать все раны
И довести живым до Элисты!

3

«Захвачен!»
Весть прекрасную такую
(«Захвачен партизан! Оружье – с ним!»)
Начальству Кнорре доложил,
ликуя.
Но доктор Дитрих был невозмутим.

Он – сдержанный, спокойный, как всегда, –
Хвалить юнца не проявил желанья.
Казалось, все на свете знал заранее –
Он, Дитрих, он, меж докторов – звезда.

Историю калмыков, быт и нравы
По многим книгам изучив на славу,
Он удивляться ничему не мог...
«Дикарской» психологии знаток,
Постиг он, что такое «унтерменши...».

Но все ж – минуты через две, не меньше, –
Он – точно с неба нáземь опустяся
И вновь на смертных устремляя взоры –
Проямлил равнодушно:

– Что же, Кнорре,
О вас я выше доложу сейчас.
Что ж, вы вели себя, как храбрый воин,
Тот, кто Железного креста достоин.
(«Вот повезло мальчишке, черт возьми!»)

А Кнорре, звонко щелкнув каблуками,
Торжественно – как будто нес он знамя –
Пошел к дверям...

И лишь перед дверьми
Его окликнул Дитрих:

– Не спешите!..
Готовьте рапорт, обер-лейтенант,
С правдивым описанием событий...
Литературный есть у вас талант?
Известно ль вам, что правда в этом мире
Не столь проста, как «дважды два четыре»?..
Подчас уместно в корень заглянуть...
Важна не арифметика, но суть.
Сокрытый смысл вещей уместно взвесить.
Пусть малочислен вражеский отряд, –
Десятка русских стоит наш солдат.
Число врагов помножьте на десять,
И это будет правдою вполне, –
Ведь истина сокрыта в глубине.

Не упуская нити разговора,
Навытяжку стоял безусый Кнорре

И думал, бормоча «зер гут», «зер гут»:
«Толстяк – неглуп, хоть важностью надут.
Похоже, отпуск у меня – в кармане!
Да неужели сбудется желанье,
И я, в российском побывав аду,
Домой, хотя б на время, попаду,
Отдам родным и будущей невесте
Все то, что сохранил в надежном месте...

Представишь это все, и кровь кипит...
Поеду... А тем временем, пожалуй...
Все может быть... Какой-то выстрел шальный...
И вот я слышу: наш толстяк убит,
Немедленно меня повысят чином...»

Начальству он внимал в молчанье чинном
И под конец сказал:

– Какая честь

Совместно с вами, доктор, службу несть!–

А Дитрих думал:

«Парень – желторот.

Глядишь, в какой-нибудь нелепой схватке

Он сложит голову. И все – в порядке.

А честь поимки тут же перейдет

Тому, кому принадлежит по праву...»

И Дитрих

жестом доброго отца,

Обняв за плечи, проводил юнца,

Хотя оно совсем не по уставу.

*

«Схвачен!» Живой. Не убитый... «Схвачен!»
Черными буквами обозначен,
В разум впечатан смысл этого слова.
Хуже, страшней не найти второго!
«Схвачен!» Остался в живых – и схвачен!
Значит – конец боям и удачам!
Значит, лежи, как бревно... И – точка.
Вот она – клетка, загон, одиночка...

Здесь, на полу, в кровавом тумане,
Бьется Бадма, приходя в сознание.
В мозг проникает сверлом горячим
Жгучее, страшное: «Схвачен!», «Схвачен!».

«Схвачен!»

Сознание опять мутится.
Вновь прилетают пестрые птицы.
Машет крылами
за стаей – стая.

То – голубая.
То – золотая.
Только цветá. Ни шумов, ни стуков.
Только – цветá. Цветá вместо звуков.
Радуга крыльев пестрит, струится...
«Что же вы петь разучились, птицы?!
Голос подайте!..

Хорош ли, плох ли!
Может быть, уши мои оглохли?..

Степь и поля онемели, что ли?..»
Двинулся он, застонав от боли...
Все же пришел в сознание мгновенно...

Голые стены. Тюремные стены.
Да, ты – в тюрьме! Да, тебя схватили.
Мысль напряги, не щадя усилий...
Вспомни, – ты был во главе отряда...
Все ли вы сделали так, как надо,
Как вас учил Добросердов старший?..

Черная балка... Пламя пожара.
«Братья! Сдаваться им в плен не станем!
Бейтесь, друзья, лишь с одним желаньем –
Юную жизнь продать подороже,
Бить без пощады, бить, уничтожа
Если не всех, то – как можно боле!..»
...Снова поток нестерпимой боли
Вдруг захлестнул, свалил партизана.
Все прервалось... Белизна экрана...

...Вновь на мгновение разум вернулся...
Врач проверяет биение пульса.
Видимо, вслушивается в удары...
Рядом в халатах – два санитары.
Вышли... Опять оказались близко.
Что это?

Вкусно дымится миска.
Запах баранины, супа, хлеба!..
«Экая роскошь!.. Такое мне бы!»
Голод его охватил неожиданно...

«Эссен!», мол, «Ешь!».

И дико и странно.
Кормят меня!.. Меня?.. Почему же?
Может, я брежу? А может, хуже:
Что-то в бреду сбрежнул бесконтрольно.
Выдал кого-то?..

Хватит! Довольно!..
Подкуп иль плата?..

Да, не иначе!
– К черту! Не нужно ваших подачек!

Вскинулся в бешенстве иступленным,
Падает миска, летит со звоном...
– К черту!..–
И снова тюрьма исчезла,
Снова Бадма провалился в бездну.

4

Своей удачей и собой довольный,
Сияя, как начищенный пятак,
Расстался Кнорре с Дитрихом...
Невольню

Поежился, вступая в сырость, мрак...
Мечтаний сладостных великолепье
Прервал холодный ветер...

Кнорре сник.
Ругаясь мысленно с калмыцкой степью,
Надел перчатки, поднял воротник...

«Вот чертов край!.. К тому же путь –
не близкий...»

Дикарский климат... Жителям под стать!..
Но победит невзгоды дух арийский...
Подумаю – что мне сейчас писать?»

«Троих убили, потеряв шестнадцать,
И взяли в плен почти что мертвяка».
Вот – факты голые...

Но, может случиться,
Что истина и впрямь не столь плоска.

Найти ее – непросто, вероятно...
Посмотрим в суть, как старшие велят...
Но если взять число десятикратно,
Итог, он все же будет маловат...

«Убито – сорок...» Небогато, право!..
Всего лишь сорок жалких партизан!..
А в чем же нрав нордический? Где слава?..
«Четыреста?..» Нет, виден здесь обман!

Да что считать?– решил он беззаботно.
Любая арифметика смешна!..
Напишем так: «Число врагов бессчетно».
И все!.. И вот задача решена.

От нетерпенья страстного сгорая
(Скорей – за труд!), он всходит на порог...

В просторном доме Кнорре одинок:
Хозяйка с малыми детьми – в сарае,
На холод Кнорре их переселил...

Он снял шинель. Набрал в перо чернил...
Из кобуры – на всякий случай!– вынул
Свой пистолет – «пусть будет он при мне...».

Неплохо здесь в тепле и тишине.
Печь русская приятно греет спину...
Не зря солдаты стройку разобрали!..
Он с раздраженьем вспомнил бабий рев:
«Зачем сломали?! Дом почти готов!..
Вот дуры!.. Нам в том доме жить едва ли...
И нам нужней – прекрасные дрова!..

Он потянулся... Подремать с минутку
Перед работою?..

Но что там?!

Жутко

Шумя, зашевелились рукава
Темнеющей на вешалке шинели...
Он подскочил. Он пистолет нацелил
В тот угол смутный...

– Кто там? Хенде хох!..

Бросай оружие!.. Стреляю!..–

Ох,

Какая неприятная оплошка:
С шинели на пол соскочила кошка!
Всего лишь кошка!.. И никто другой!
В досаде Кнорре пнул ее ногой.

А кошка спину изогнула дико.
Шерсть встала дыбом. Желтые огни
Зажглись в глазах... И, кажется, они

В себя сейчас вобрали гнев великий,
Гнев дома, чей уклад нарушил враг...

Невольно Кнорре отступил на шаг,
Из рук не выпуская пистолета...
Припомнилось (он в детстве слышал это) –
Что вестник смерти, злобный, адский дух,
Принять способен всякое обличье,
Случалось – женское, случалось – птичье...
А то – кошачье...

– Брысь!– он крикнул
вслух.–

Ступай к своим! Иначе уничтожу!..

Он взвел курок... Стрелять не стал он все же,
А то – глядите!– сплетня поползет,
Что Кнорре – юный этот идиот –
Победу одержал над кошкой драной,
И, если где-нибудь мяукнет кот,
Иной шутник другому подмигнет:
Мол, позовите Кнорре!.. Партизаны!..

Завистников довольно у него...

А может, все же это существо –
Не кошка жалкая, а сам нечистый?..
Пинка вовеки дьявол не простит!..
О либер гот!.. О господи, спаси!..
Взмолился он, хоть слыл за атеиста...

Прийти в себя не мог он от испуга,
А кошка – та забила в дальний угол,

В клубок свернулась...

Лишь издалека

Два желтые мерцали огонька.

Но все же лейтенант собрался с духом:

«Да это ж кошка, кецхен!.. Кис-кис-кис!..

А у тебя и ноги отнялись,

Ты жалким уподобился старухам...

Стыдись, стыдись, нордическое сердце!..

За дело!.. Рюмочку одну глотну...»

Став перед шкафом, отворил он дверцу,

Бутылку он достал и ветчину.

Кусок отрезал кошке:– Ведьма, жри!

Нун, айн-цвай-драй! За дело! Раз, два, три!

И ручка по бумажному листу

Пошла строчить уверенно и споро,

Как зорко охраняет Элисту

От партизан бесстрашный воин Кнорре.

Бежал поток трескучих, звонких слов,

Вослед нелепости росла нелепость:

Смекалка, дерзость, к фюреру любовь –

Все понемногу превращалось в эпос.

И в донесенье рокотала медь,

Солдат немецких славилась отвага!..

Как хорошо, что белая бумага

Ни от чего не может покраснеть!

Когда же Кнорре, встав, как перед строем,

Вслух прочитал свой вдохновенный труд,

Он сам себя почувствовал героем,

Чьи подвиги вовеки не умрут.

Немалый клад под половицей скрыт.
И мертвечиной вовсе не разит
От ожерелий, их узор так тонок!
От брошек ценных... Даже от коронок,
Хоть выдраны они из черных ртов,
Из десен, что в газовне посинели...

Безнравственно? Жестоко?.. В самом деле?!
Но Кнорре, право, присягнуть готов,
Что мертвецу уже не нужно злата,
Бесчувственная падаль он – мертвец.
Что золото ему?!

А для солдата
Оно – военных радостей венец!

Не пахнет золото!..

Все ж иногда
В ушах раздастся скорбный стон протяжный,
Проклятье чье-то... Вспомнишь чей-то
взгляд...

Не важно!.. Все забудется... Не важно!..
Зато он, Кнорре, много лет подряд
На все, что здесь припрятано надежно,
Способен жить спокойно, бестревожно.
Когда война закончится... Потом...
Конечно, тратить надобно с умом.
Но Кнорре – не дурак, и он, быть может,
Свой капиталец даже приумножит.
Папашу он утешит, старика,
И будущую фрау, мать-старушку...

И толстый Дитрих, будто бы в тоске,
Над мертвым стал, смиренно спину горбя.
Казалось, он умолк в глубокой скорби...
Но вдруг блеснуло что-то в кулаке,—
Меж пальцев мертвых...

И в одно мгновенье
Нагнулся Дитрих, прикрывая тенью
Манящий блеск... Скомандовал:

— Кругом!

Немедля обойдите двор и дом.
Тот партизан вблизи укрыться мог.
Он ждет... Он жаждет вновь немецкой
крови!.. —

Со страхом все ступили на порог,
Спустились в ночь с оружием наготове.

«Скорей разжать у мертвого кулак!...
Что там такое?!»

Но кулак застывший
Не поддается. Чуть пониже, выше
Берется Дитрих... Ни за что!.. Никак
Не совладеет с мертвяком бездушным!..
А ведь при жизни Кнорре был послушным!

На Дитриха накатывает гнев:
— Эй, Кнорре!.. Времени в обрез осталось!—
Бормочет он, на корточки присев.
Но Кнорре — или это показалось?—
Вдруг искривился:

мол, не смей! Не тронь!..

Стервятники! Шакалы! Воронье!
Кто первый – чуть дышать я перестану –
Обыщет с жадностью мои карманы,
Все чемоданы, все мое жильё?

И, радость подавляя кое-как –
Немалые потребны тут усилья!–
Поспешно погребет мой бедный прах,
Пролив над гробом слезы крокодилы,
Сказав слова, которым грош цена,–
О доблести моей и благородстве...

Я вижу каждого из вас – до дна
Во всем бездушье, алчности и скотстве!
Я продал вам познания

по причине

Весьма понятной, строго говоря...

И вот теперь погибну на чужбине

Один как перст

от пули дикаря...

Известны мне вы все наперечет,
Вы, лишь кулак вменившие в заслугу!
Одной веревочкой связал нас черт,
Нас, тайно ненавидящих друг друга.
От вас мне не податься никуда,
Но вас я презираю, господа!

Хоть смерть уже поставила печать
На ваши лбы, но вам и горя мало.

И вы спешите слабого подмять,
Чтоб сильных лобызать куда попало!..

Все лучшее ловить, хватать везде,
Прибрать к рукам плоды чужой победы!..
Как радуетесь вы чужой беде!
Иль от того убудут ваши беды?!

Награбить вдосталь, наглогаться всласть!
Слезами вдов набить суму потуже!
Когда б мне только даровали власть,
Всех, всех подряд я расстрелял бы
тут же!..

Э, нет! Повесить лучше нагишом
На всех суках, с врагами вперемешку...
Иль ножик взять... И полоснуть ножом,
Упитья кровью...»

Он прикрыл усмешку,
Достав платок...

«О мертвом он скорбит,—
Решили рядом.— Горем он убит».

...О мысль! Энергия твоя лютей,
Чем сила атома...

Но токи злости,
По счастью, спрятаны от глаз людей,
И черепные тоненькие кости —
Надежней, чем свинцовая стена
Реактора...

Природа столь умна!

...Меж тем другие в комнату вошли
И – словно бы смущенная!– собака...
Пустую гильзу подняли с земли
Да ту записку...

Нет другого знака.

«Он скрылся, партизан!..– решили все,–
А вот куда, пока что – непонятно.
Собака довела нас до шоссе
И, хвост поджав, пошла трусить обратно...»

«Ну что же!.. Где сыскной пасует пес,
Кой-что разнюхает арийский нос!
Цепочки этой кончик, несомненно...–
Подумал Дитрих,–

там, в тюрьме, где пленный».

И, адъютанта выставив вперед,
К тюрьме направил Дитрих

быстрый ход...

Но там сказали:– Партизан – в бреду.
С таким не поведете разговор...
– Цепочку эту все же я найду!–
Не сдался Дитрих.–

Где Манджи Ходжгоров?!

6

Сын знатного степного чабана,
Ходжгоров был отважным на бумаге,
Когда ж, над миром грохоча, война

Потребовала подлинной отваги,
Прямой, суровой правды, а не лжи,
Когда его, Ходжгорова Манджи,
На фронт призвали и, увидев танки,
Услышав, как рокочут «мессера»,
Он понял, что болтать – прошла пора,
Утратил он достоинство осанки,
Медвежьей хворью занедужил он
И сдался в плен, поскольку
«враг силен».

Ходжгоров знал фамилии и лица
Едва ль не всех, кто в Элисте служил.
Недаром Дитрих приказал явиться
Немедленно Ходжгорову Манджи.

Как верный пес, тот появился сразу.
– Хайль Гитлер!– Словно истинный СС,
Взмахнул рукой.
И, следуя приказу,
Вновь повернулся и, скользнув, исчез...

В тюрьму!..
...Он к малому глазку привик.
Бадма стонал. Метался в бреде тяжком...
И вдруг Манджи издал победный клик,
Себя ударив радостно по ляжкам:
– Конечно, он!.. Он!.. Барсовой сынок!
Нет, ошибиться я никак не мог,
Хоть он как будто выглядел моложе!

И вот Манджи бежит стремглав домой,
Нашел подшивку «Красной молодежи»
И к Дитриху – дорогою прямой.
«Стихи Бадмы ему я передам.
Пусть содержание расценит сам.
А то, что я хвалил стихи в печати,
Сейчас об этом вспоминать – некстати».

Он рассказал начальству о Бадме,
Смотря в глаза почти что богомольно...
(«Довольно ли начальство?.. Да, довольно!»)

– Так, говоришь, отец погиб в тюрьме?
«Врагом народа» числился?.. Занятно!
Когда на биографии есть пятна,
Сама собой дается в руки нить.
Найдется нам, о чем поговорить.
Он – комсомолец?..
– Да. Из этих рук,
Из рук моих он взял билет, мальчишка!..–
Сказал Манджи... Но испугался вдруг:
«Я, кажется, хватил немного лишка
И выдал толстому себя живьем...»
Но доктор Дитрих думал не о нем.

Он думал, что нелегкий матерьял –
Тот, пленный...

Нет, он дрался не для виду.

Он жизнь свою едва не потерял...
Но мог ли он забыть свою обиду?..

«Не думаю, чтоб парень до конца
Стоял за тех, кто погубил отца...»

Он, Дитрих, вычитал из разных книг,
Что предан роду своему калмык
И свято чтит родство и голос крови...
Конечно, многое сегодня – внове.
Наследье предков дремлет, может быть...
Но голос крови можно разбудить.

И Дитрих дал тюремщикам указ:
Не унижая пленного, не муча,
Лечить его, кормить – как можно лучше...
– Весьма полезным станет он для нас!
Расколется, парнишка...–

Дитрих верил,
Поскольку всех своею меркой мерил.

7

Бадма способен двигаться теперь...
Конвой с оружием вводит партизана.
Но доктор Дитрих – как оно ни странно!–
Солдатам жестом показал на дверь.

Конвой, гремя и топая, ушел...
Они – вдвоем. Их разделяет стол.

Они вдвоем, как два бойца на ринге.
Как два борца в смертельном поединке...

На помощь, силы воли и ума!..
Мобилизует всю свою споровку
Ученый следователь.

А Бадма

Оценивает наспех обстановку.
Стол... На сукне его полупустом
Развернута калмыцкая газета...
Давнишний номер!.. За его листом
Лежит стальное тельце пистолета.
Оружие, как дремлющий зверек,
Молчит, поблескивая каждой гранью...
Толстяк в очках,

на первый взгляд – не строг...

– Ну, здравствуйте!.. Как вас зовут?..–

Молчанье.

– Напрасно, друг!.. Ваш аноним – раскрыт.

Кто вы такой, нет у меня сомненья.

От вас мне нужно только подтвержденье

Для вашей пользы...–

Но Бадма молчит.

– Секретность эта, стойкости предел
Сейчас, клянусь,– ненужные маневры...

Я просто познакомиться хотел...

Ну что же...

Отрекомендуюсь первый.

Я – книжный червь... Не к следствию привык,–

К исследованию... И неплохо, право,

Как видите, ваш изучил язык,

Историю калмыцкую и нравы.

Мне по сердцу покой и тишина
Библиотеки... Древних книг святыня...
Все отняла безжалостно война!
И вот я – здесь, у вас, – в степной пустыне...
Дотошный книжник, человек в летах,
Смириться с этой жизнью я могу ли?..
День изо дня жди партизанской пули!..
Скажу вам честно, душу сушит страх!

Нет, не по мне участие в этой драме!..
Я вам признался...

Очередь – за вами.
Молчите?.. Ну, у вас упрямства – тьма!..
Кто вы такой?.. Не Барсов ли Бадма?
Поэт. И одаренный, без сомненья.
Вот предо мной одно стихотворенье
С призывом, чтобы все на фронт спешили!

Клянусь, под многими из этих строк
Без колебаний подписаться мог
Не только ваш Басангов, – юный Шиллер,
Хоть он другой лелеял идеал!..

Газету Дитрих, усмехаясь, взял.
Встал с места... И легла на стол газета
Прикрыв собою тельце пистолета...

«Все как во сне. Какой тяжелый сон!–
Бадма подумал... Был он потрясен.–
Откуда это все врагам известно?
Кто опознал меня? Кто он – бесчестный?»

А Дитрих, видя, что Бадма задет,
Тотчас отметил в мыслях: «Зацепило!..
И не таких обламывали, милый!»

Тяжелым шагом меря кабинет,
Повел он речь как будто бы сердечно,
Тепло:

– О Добросердове, конечно,
Я с вами, Барсов, говорить не буду...
Пойди найди такого подлеца:
Своим доносом погубить отца,
Чтоб сын прикрыл собой его – иуду!
Подумать только!.. Сущий сатана!
Коварство и любовь... Любовь, не так ли?
Два юные участника спектакля:
Вы и Тамара ваша...

Вот она!

И точным жестом (чистая работа!)
Он из кармана вынимает фото.
– Что говорить, красавица была.
«Была...» Вы не ослышались!.. Убита!
Он и Тамару, дьявол ядовитый,
Отправил на смерть... Прямо – гений зла!
«На фронт – под пули!..» Был такой приказ.
Убита... Вы не слышали, я вижу...

Портрет любимой он подносит ближе
К лицу Бадмы и не спускает глаз
С дрожащих губ, закушенных от боли...

Под яростным потоком злых вестей
Бадма поник...

«Тамары нету боле.
Убита!.. Добросердов – лиходей,
Способный предавать и лицемерить...
Но почему я должен в это верить?!»
«Приди в себя!– велит Бадма себе.–
Свой ум и волю призови к борьбе.
Кто это говорит?.. Коварный враг.
Фашист проклятый...

Так или иначе –
Ценою лести иль бесстыдных врак –
Сломить тебя – сейчас его задача.
Не верь, не верь наветам подлеца!..»

Отметив бледность юного лица,
Решает Дитрих:

«Близко окончанье,
Чуть поднажму еще!..»
– Опять молчанье?!

Способность эта чуть не с детских лет
Вам привита. Она – в душе и в теле.
В искусстве этом вы собаку съели.
И здесь у вас, пожалуй, равных нет.
Что ж, это уважения достойно!
Но все-таки подумайте спокойно,
Без раздражения, молчальник мой:
Да стоят ли они таких усилий –
Людишки эти, все, что вас травили
За то, что вы и честный и прямой?

Пусть ваша жизнь от нашей далека.
Но я – старик... Мне многое понятно.
Я знаю, что, когда в анкете – пятна,
Жизнь юноши куда как не сладка!

Так надо ль голову нести на плаху
За тех, кто вас держал под гнетом страха,
Кто ходу вам старался не давать?!
А бедный ваш отец?! А ваша мать?!
Оставшись презираемой вдовою –
Поверьте мне!– она страдала вдвое...

Да, да, мой мальчик, вспомни все обиды.
Судьбу Тамары... Вникни в существо
Того, что было... Я пока что выйду
И приглашу знакомого твоего...

8

Он вышел. Пуст холодный кабинет.
А пистолет над полосой газетной
Лежит все так же – тихий, неприметный...

Бадма – к столу! Хватает пистолет.
За пазуху засунул... Чудо! Чудо!..
Опять Бадма – боец, не жалкий раб,
И снова кровь наполнила сосуды...
«Пожалуй, на минуту я ослаб,
Но все ж смолчал...

С тобою, жирный боров,
Как нужно я поговорю теперь!»

И тут со скрипом отворилась дверь.
Вернулся Дитрих. С ним –
Манджи Ходжгоров
В фашистской форме, в сапогах исправных...
– Хайль Гитлер!– он кричит.– Бадма,
привет!

– Вот, Барсов, комсомольский твой наставник!
Не он ли выдавал тебе билет!
Ты видишь, мальчик, что судьбой своею
Распорядился он куда умнее!..
Ну что ж, иди на гибель за него!..–
И Дитрих, излучая торжество,
Весь лоснился.

(«Козырной картой этой
Противник бит. Закончена игра».)

Но у Бадмы – как будто с плеч – гора!
«Вот он – предатель!»

Дуло пистолета
Направил он в заросший лоб Манджи.
– Умри, подлец!.. Как падаль, здесь лежи,
Ты, опозоривший калмыка имя!
А оскверненный пальцами твоими
Билет мой

будет нынче же омыт
Моею кровью – жаркою, багряной...
Но раньше сдохнешь ты!..–

И выстрел грянул.
За ним – другой. Манджи, хрипя, лежит.
Вторую пулей Дитрих был убит.

«Сейчас – конец! Сейчас они вбегут!»
Бадма с минуту слушал в недоверье...
Никто не входит... Тишина за дверью.
Да, к выстрелам, видать, привыкли тут!

«Но в пистолете есть еще заряды.
Последний – мне!
Оттягивать не надо!»

Стреляя, дверь открыл он... Офицер
Упал... Солдаты озирались тупо.
Но вдруг один – сквозь щель – увидел трупы
Там, на полу...

И, словно пепел, сер,
Снял с пояса и в дверь метнул гранату.
И взрыв раздался...

Но его раската
Бадма уже не слышал...

Пала тьма.
Покрыла все, как траурное знамя...

...Так навсегда покинул мир Бадма,
Затем чтоб навсегда остаться с нами.

1957 – 1974

Убийство в церкви

И голос был сладок, и звук был тонок,
И только высоко, у царских врат,
Причастный тайнам, плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

А. Блок

1

На закате дня, когда свинцово
Сумерки на землю опускались,
Нас, приговоренных к долгим срокам,
Лириков, священников, воров,
Обреченных на этап, собрали
В деревянной церкви в Барнауле.
Не отапливался Божий храм,
Было душно, холодно и шумно,
И в тяжелом шуме мы искали
Тех, с кем познакомиться успели.

В углублень над высокой дверью,
Арестована в железной клетке,
Тускло, грязно лампочка мерцала.
В этой полумгле своих знакомых,
Напрягая слух свой, мы искали
Не по облику – по голосам.
Согнанные из различных камер,

Мы впервые оказались вместе
После вынесенья приговора
И своих подельников искали.
Мы узнать хотели, как себя
На суде подельники вели
И какие сроки получили.
Тот, кто здесь не находил знакомца,
Спрашивал соседа: где родился,
Как зовут его, и по какому
Делу взят, и по какой статье
Дали срок – и крепко с ним сблизался,
Чтоб не оставаться одному,
Потому что одному остаться
В этом сплошняке многоголовом –
Тяжко, очень тяжело, да и страшно.

Только вор, что много лет в «законе»,
С гордой обособленностью смотрит
И высккивает жестким глазом
Корешей – таких же, как и он,
Связанных «законом», а на прочих
Он пренебрежительно глядит,
Словно волкодав на мелких мосек,
Словно князь на крепостных бесправных,
И тюрьма ему – родимый дом.

Я, в тюрьме пробывший больше года,
Я, усвоивший ее уклад,
Двадцатитрехлетний офицер,
Не утративший политрука
Хорошо подвешенный язык, –

Никому не уступлю я, сдачи
Дам любому, хоть и ослабел
От безвкусной, скудной, жалкой пайки,—
Я пока еще причислен к сильным,
Опытный тюремный старожил.
Обнаружил я пяток солдат.
Стали мы расспрашивать друг друга:
Где, мол, воевал, с какого фронта
Взят в тюрьму,— и каждый называл
Имена известных генералов,
Словно был их другом закадычным.

Сделались мы близкими, как будто
Родились в одной семье,— кто русский,
Кто калмык, не различали мы.
Радовались, что нашли друг друга,
И решили мы держаться вместе.
Ты, читатель, мне поверь, что радость
И в тюрьме бывает, и в тюрьме!..

Стали мы устраиваться в церкви.
Вот и улеглись мы поудобней,
Положив под головы шинельки
Рваные, в каких-то грязных пятнах,
Словно брата брат, обогревая
Теплой кровушкой своей друг друга.
Доносился к нам со всех сторон
Дробный, долгий шепот. Наконец
Все затихло. И хотя до боли
Веки я смыкал,— не мог заснуть.
Видно, место новое, как шило,

В сон вонзалось и его пугало.
Наполняют голову былое,
Нынешнее, будущее... Грозный
Приговор торчит перед глазами:
«Десять лет». Пытаюсь о другом
Думать, но тяжелый приговор,
Крысой обернувшийся церковной,
Нагло, жадно душу мне грызет:
Боже, за какое преступление,
Воину, мне дали десять лет?
Неотступно предо мной стоят
Бедные калмычки. Мой народ
Душу истерзал мою, мой разум.

Год сорок четвертый. Лето. Фронт.
Вдруг приказ армейский: проклят я,
Потому что калмычком родился.
Измерял я в мыслях, проверял
Правоту, неправоту свою.
Усомнился в первый раз тогда
Я в незыблемом вожде народов,
В первый раз о нем подумал худо.
Размышлял в тревоге и в волненье:
Нет, не Ленина он ученик!
Кто поймет, кто может согласиться
С тем, что я лишь потому, что был
Матерью калмыцкою рожден,
Должен стать одним из прокаженных,
Человеческих лишиться прав
И важнейшего из прав – свободы.
Здесь, в стране свободы, здесь, в стране

Братства нерушимого народов,
Должен быть судьбою без вины
Я преступника тавром клеймен.
Даже тот, кого я с детских лет
Почитаю, словно божество,
Назовись он даже Карлом Марксом,
Если скажет он, что должен я
Быть в своем отечестве изгоем,—
Даже тот отвергнут будет мной,
Я начну искать другую веру,
Даже если кончу жизнь в аду.

Если бы я кражу совершил
И свое бы опозорил имя,
Мог бы я надеяться на то,
Что исправлюсь, осознав вину,
Снова стану честным человеком.
Если б струсил я в бою, сбежал
И свое бы опозорил имя,
Если бы попал в штрафную роту,
Я сгорел бы на передовой,
Кровью я свое омыл бы имя,
Чтобы солнцу радостно молиться!
Но освободиться я могу ли
От того, что родом я калмык?
Как найду я способ изменить
Цвет моей калмыцкой желтой кожи?

Погоди, поэт, не торопись.
Разве ты, ища другую долю,
Хочешь уподобиться козлу,

Что завидовал судьбе верблюда?
И пока метался я без сна
И в душе моей растил надежду,
Что развеет время зло и гнет,
Мною неожиданно, мгновенно
Овладела дрема и закрыла
Полные тоски мои глаза.
В заблудившуюся мысль мою
Ринулась толпа видений смутных,
И одни старались оттолкнуть
Прочих, споря с ними из-за места.

2

Увидал отчетливей, яснее:
Сталин высится на мавзолее,

Окружен соратниками, вождь
Мне являл величье, славу, мощь.

На него смотрю не понимая:
Это праздник Октября иль Мая?

Кто соратники? Не разберусь.
А внизу, подъявля тяжкий груз,

Ленин возлежит, Ильич любимый,
Он под тяжестью невыносимой

Стонет, обхватив одной рукой
Камни Спасской башни, а другой –

Вечного Блаженного, и, строгий,
В Боровицкие ворота ноги

Упирает... День звенит, поет.
Сталин свой приветствует народ,

Руки вверх ладонями вздымая...
Из сибирского приехав края,

Рядом с ним, отцом родным, стою.
Я ему открою боль свою.

Расскажу ему о муках наших,
О злодеях, нас в Сибирь угнавших,

Сердце от тоски освобожу,
Обо всем вождю я доложу,

О напастях расскажу великих,
Об уничтожаемых калмыках.

Верю, что известный всей стране
Молотов окажет помощь мне,

Старичок с своей бородкой клином,
Мне поможет дедушка Калинин,

Берия, что видит все насквозь,
Что другим и видеть не пришлось,

Скажет, удручен моим рассказом:
«Да, ты прав. Мы все исправим разом».

Литераторов сердечный друг,
Мне, поэту, улыбнется вдруг

Жданов, не сочтя меня невеждой!
Вижу всех и думаю с надеждой:

«Истинные ленинцы они,
Все стоят за правду искони,

В гневе истребят они напасти,
Возвратят моим калмыкам счастье!»

Мудрый вождь народов мне кивнул,
А потом на Берию взглянул.

«Холодно мне», – так ему сказал он,
А сказал, как будто приказал он.

Берия спросил меня: «Мой друг,
Слово Сталина вошло в твой слух?»

Тут его пенсне блеснуло странно,
Острый нож достал он из кармана,

Лезвием, как мастер-брадобрей,
Головы коснулся он моей

И, не тратя времени впустую,
Кожу с головы моей живую

Тщательно и ловко он совлек, –
Так снимает женщина чулок, –

И надел на плечи корифея,
Улыбаясь и благоговей.

Вождь, моею кожей обогрет,
На Калинина, как сердцевед,

Посмотрел, участливое слово
Произнес: «Твоя жена здорова?»

К Молотову, весел и щербат,
Обратил он свой лукавый взгляд,

Я же, происшедшим пораженный,
Даже кожи собственной лишенный,

Так вздохнул, что мнилось: мавзолей
Дрогнул всей громадою своей.

Слыша, как скорбит душа больная,
Чуткий Ленин, мышцы напрягая,

Силился стряхнуть с себя людей,
Попиравших этот мавзолей,

Но его усилья были тщетны, –
Видно, час не наступил заветный.

А себе шептал я: «Погоди,
Правда и победа – впереди».

Вдруг от Сталина, от кучки грозной,
На меня нахлынул пар морозный,

И без кожи, голого меня
Он обжег, как вспышкой огня...

Я проснулся, ужасом объятый:
 Ведь страшной действительность была,
 Чем кошмарный сон. Заснувший может
 Пробудиться, а в тюрьме как быть?
 Лишь покончить может он с собою.
 В православной церкви, иноверец,
 Я не в первый раз. А в первый раз,
 В день, когда из Харькова прогнали
 Извергов советские солдаты,
 Нам израненный открылся храм
 Близ вокзала. И священник русский
 По-отцовски нас позвал, рукою
 Указал, куда нам лечь. Устали
 После боя, сладко прикорнули
 На полу. Сквозь дрему видел я,
 Как сияли мне чужие Боги,
 Ласковые, как бурханы наши,
 Навевая дивные картины...

Вот и пробужденье в пересылке.
 Сны друг другу поверяют зеки,
 Бережно ведя свои рассказы.
 «Предвещает торжество твой сон»,—
 Пожилой разгадывал мужчина
 Светлый сон соседа молодого,
 Будто Книгу Судеб прочитал.
 Молодой, разгадкой ободренный,
 Верил: скоро выйдет он на волю...

У дверей дубовых и высоких
С двух сторон стояли две параша,
В Божьем храме вонь распространяя.
Люди, мучаясь, дрожа, толпились
В очереди к этим двум парашам,
Пристально друг другу в спины глядя.
Были и такие, что считали:
«Делать это дело в Божьем храме –
Тяжкий грех», – и утирали слезы.
«Мы теперь не в церкви, а в тюрьме, –
Молодого поучал старик. –
Нет, пред Господом мы не виновны:
Церковь оскверняет то начальство,
Что сюда загнало нас и церковь
Превратило в каторжное место».
Вдруг я слышу страшные слова:
«Значит, две зловонные параша
Наполняет Сталин, а не мы».

Я почувствовал испуг привычный:
Если слово брякнешь, не подумав,
Новый срок ты можешь схлопотать,
Как и первый, без вины. Нередко
Стукачи, из сердца жалких зеков
Вытянув какие-то слова,
Органам доносят, правду с ложью
Смешивая. Сам ты говорил
Или услышал и не донес –
На тебя опять заводят дело,
А уж коли дело завели –

По законам тех военных лет,
По любой статье (а часть вторая),
Десять лет тебе вторично влепят.

Чудные мечтанья, что возникли
В головах Маздака, Кампанеллы,
Марксом обоснованные прочно,
Развитые их учениками,
Надо было в явь преобразить.
Но, чтоб стал социализм реальным,
Здесь, в одной стране, задумал Сталин
Напитать его живую кровью,
Проволокою оцепить наш Север
И, начав от Соловков недалгих,
Вплоть до Беломорского канала
И далеких Колымы, Норильска
Мрачное строительство раскинуть,
По законам классовой борьбы,
Гением-семинаристом нам
Явленным, не исключив из плана
Ни единый город и село,
Ни единый из народов братских,—
Всех за проволокой собирать
Для деяний славных граждан славных,
Чтобы их иссохшие тела
Стали шпалами для длинных рельсов
Социалистических дорог.

А еще была другая польза:
Устрашенного народа рот
Заперт был замком неотвратимым.

Мысль Шевченко в дело воплотилась:
Да, от молдованина до финна
Всё молчит, притом на всех языках,
Ибо благоденствует...

Православные из этой церкви
Унести успели те иконы,
Что из поколенья в поколенья
Добрые миряне украшали
Золотом, камнями дорогими,
И укрыли в потайных местах.
Но остались образа на стенах,
И глазами величайшей скорби
На детей своих смотрел Христос.
Все они ему родными были.
И, казалось, говорит он людям,
Утешая нежными словами:
«Все вы те же муки претерпели,
Что и я, терпите их и дальше,
Ибо лишь терпенье даст вам силу
Долгие мученья одолеть».

Высоко у царских врат, где краски
От годов и сырости поблекли,
Отошли от дерева, свернулись,
Божья Матерь смотрит на меня
Ясными, печальными глазами,
И в себя грядущее вобрав,
Мне не говоря, – оно грядет
Или не грядет, – ребенок-ангел
Тайну вечную хранит и смотрит

На весь мир всеведающим взором.
«Он причастен тайнам»,— так сказал
Блок, поэт-пророк, и у меня
В памяти слова не умирают:
«Не придет никто назад».

Те слова страшнее приговора,
Эту правду выстрадал поэт,
И она в душе моей трепещет.
На людей, разбившихся на кучки,
Я гляжу, твержу, себя не слыша,
Тихо: «Не придет никто назад»,
Словно бы возмездье вековое
Возвещают мне слова поэта...

Час настал желанный: загремела
Дверь дубовая, и все мы в церкви
Вздروгнули и уши наострили:
Вот начнут о глиняные миски
Ложки деревянные стучать.
Завтрак. Все мы в повара вперили
Жадный взгляд. А сам, хотя и зек,
Повар, как начальник самовластный,
Свысока глядит, держа половник,
На изголодавшихся, и в миску
Скупое наливает он баланду,
Лишь едва просеянную просом.
Если видит: человек-то свой,—
Вычерпнув со дна, ему побольше
Он водички синей наливает.
Поработав, устает. Половник

Он помощнику передает,
Отойдя в сторонку, с неким вором
Он уединяется, руками
Горячо размахивает: вести
Сообщает своему дружку.

4

Те, кто были согнаны сюда,
Прежде не молились никогда,

Но лучи таинственного света
Загорались в бывшей церкви этой,

И казалось нам: нездешний свет,
Из давнишних снизошедший лет,

В полумгле сияет темно-серой.
Здесь дышала радостная вера

Посреди заиндевевших стен,
Побеждая горе, муку, тлен.

Веру миллионов мы вдохнули
В деревянной церкви в Барнауле.

Те, кто были согнаны сюда
По суду иль даже без суда,

Те, кто скучивались, озирая
Адом ставшее подобье рая,—

Поняли внезапно: русский Бог
Ни одним из них не пренебрег,

С каждым по-отцовски он горюет,
Каждому надежду он дарует,

Он жалеет в благости своей
Милосердья жаждущих людей,

Он благословляет их, как равных,—
Мусульман, буддистов, православных,

Русский, иль калмык, или казах —
Одинаковы в его глазах,

Как бы говорит он: «Сбросит время
Полное обид и горя бремя,

Те, кто нарекли самих себя
Повелителями бытия,

Те, на коих смотрят все со страхом,—
Завтра станут пылью, станут прахом,

Те, кто неповинных ввергли в ад,
Лишь мгновению принадлежат!...»

И глядят апостолы, жалея
И безгрешного, и лиходея.

Вот баланды маленькую радость
В церкви заключенные вкусили,
Все рассказывают небылицы,
Но с доверьем слушают друг друга:
Не поверишь – значит, и тебе
Не поверят. Каждый утверждает,–
Даже тот, кто получил свой срок
Не по пятьдесят восьмой,– что здесь
Без вины сидит, по оговору,
По навету злему. А меж тем
Про себя все думают: «Без дыма
Нет огня, навряд ли просто так
Взяли... Вот меня – другое дело».
Только одинаковость смущает
Приговоры: неужели все
Одинаково перед законом
Виноваты?..

В самом дальнем уголке, где выступ
Каменный лоснится, собрались
Те, кто ночью вьюжною ограбил
Сберегательную кассу. Стали
Выяснять, кто заложил их. С бранью
За грудки хватаются, и каждый
Вор клянется: заложил не он.
Но один из них, видать, пахан,
Коренастый, шурясь темным взглядом,
Приказал, чтоб прекратили гвалт.
Мы услышали, как кто-то крикнул:
«Это все брехня! Брехня! Пустите!»–
Изо рта, откуда выпал кляц,
Хрипло вырывалось оправданье.

Понимали мы: сейчас случится
Нечто страшное. Свою беседу
Прекратили мы. Чутьем звериным
Чувствовали: быть большой беде.
Церковь онемела. А бандиты,
Догадавшись, что мы слышим их,
Притворились, будто веселятся,
Друг на друга падают, сжимаясь
В плотное кольцо. Какую тайну
Прятали они от очевидцев?

Вдруг раздался в деревянной церкви
Вопль нечеловеческий, животный,
Будто под ножом свинья визжала.
Вслушивались мы в испуге. Кучка
Тех воров, как будто по приказу,
Дрогнула, распалась. Вслед за каждым,
Словно бы гналась за ним, бежала,
Широко разлившись, кровь. На шее
Мертвеца пока еще держалась
Голова. Был тряпкой заткнут рот.
Рядом – острая стальная бритва:
Утром передал ее пахану
Повар, и теперь она лежала
Удовлетворенная, что дело
Сделала свое. К нам подошел
С наглою усмешкою бандюга.
Он сказал, уверенный, что мы
Засвидетельствуем: «Наш чувак
Испугался каторжного срока,
Лютого сибирского мороза,
Бритвой он...» И, словно шут, кривляясь,

Крупною рукой провел по горлу,
Не заботясь: верим или нет
Лжи его,— он знал, что мы боимся,
Что его слова мы подтвердим.

Здесь, в родной стране, где стар и мал —
Все объаты страхом волосатым,
Где не слову верим, а ножу,
Где угодливо смеемся там,
Где должны мы были б горько плакать,—
Скажем всё, что нам сказать велят,
Хоть на Библии заставят клясться,
Белое мы черным назовем.
Это понимали все бандиты,
Властелины лагерей и тюрем.

Разве тот, кто правил всей державой,
Потерявшей постепенно святость,
Как и эта церковь в Барнауле,—
Разве не был он паханом в маске
Полководца, мудреца, вождя?
Разве ножницы его усов
Не перерезали горло жертвы,
Чтобы в жадной пасти лагерей
Гнило обезглавленное тело?
Разве не заставил нас, дрожащих,
Руки поднимать одновременно
И одновременно опускать?
Разве, нашим наслаждаясь покорством,
Он народами не управлял
Точно так, как управляли воры
Нами, заключенными?

Однако
Неожиданно для нас сегодня
Вдруг сопротивление возникло.
Тот, кто утром сон растолковал
Своего соседа, белоглавый
С места встал старик, и без боязни
Вору-душегубу он сказал,
Голоса не повышая: «Знаю,
Это ты зарезал человека».
Рядом встал с бесстрашным стариком
Тот, чей сон разгадывал он утром.
Оскорбленным притворясь, вору
Старца угрожающе спросил:
«Кто ты? И чего болтаешь, фрайер?»
«Я – священник», – отвечал старик.
Рассмеялся вор ему в ответ:
«Поглядите на него: вражина
Опиумом отравлял народ,
А теперь клеветает на меня,
Злясь, что я – советский человек».
Свой кулак он поднял здоровенный,
Но тот парень молодой, что рядом
Со священником стоял седым,
Подлого ударил в подбородок.
Вор, подпрыгнув, повалился на пол,
«Грех», – сказал священник белоглавый.
Парень, оказавшийся боксером,
Ногу приподнял, чтоб вора пнуть,
Но его священник удержал.

Из толпы другой выходит парень:
Комсомолец с детскими глазами,
С головою золотой, как солнце.
После окончания уборки,
Собирая хлебные колосья,
Чтобы голодающим братишкам
Зернышки на зубы положить,—
Заработал срок, когда попался.
То, что здесь произошло, увидев,
Он затрясся в ужасе, и, словно
В приступе внезапном малярии,
Стало пепельным его лицо.
Он зубами клада в забыты,
И, как бы очнувшись, подбежал
Он к дверям, руками и ногами
Стал он бешено стучать, крича:
«Ой, ратуйте, люди, убивают!»

Двери приоткрылись. Часовой
Показался. Парень, безумев,
Оттолкнул плечами часового,
Ринулся на Божий свет. Ужели
Он в отчаянье решил бежать?
Или, впрямь рассудок потеряв,
Испугался: так сайгак в степи,
В трепете мистическом дрожа,
Убегает, испугавшись волка.

Но отменно службу исполнял
Часовой, как видно, полагая,
Что поступок смелый совершает,

Как боец на фронте. Пареньку
Безоружному, почти подростку,
Щуплому, как будто по уставу
«Бей, руби, коли», как будто с рослым
Немцем он схватился в рукопашной,
Он прикладом, сделанным из дуба,
По виску нанес такой удар,
Что рассек он череп комсомольцу.
Тот упал. И кровь струею вверх
Из пробоины забила. Церковь
Деревянная завывла гулко.
Часовой позвал солдат на помощь,
Сам в дверном проеме он предстал
Перед заключенными, и трижды
Выстрелил он вверх. В проеме этом
Возвышался часовой, как в раме,
Заслоняя ясный день от зеков,—
Олицетворение судьбы.

«Если двинетесь, я всех на месте
Уложу. Ложись!»— он закричал
В страхе, в исступлении и злобе.
Кровь, разлившись ярко, покрывала
Пол цветным ковром. Упали зеки
На пол. Оказалось, что из трех
Выстрелов один попал в окно,
Два других две дырки просверлили
В голове Христа, как будто Бог
Палачом был предан новым мукам,
Будто сострадавая нам, Христос
Принял эти две безумных пули.

Выстрелы услышав в старой церкви,
Рота караульная поспешно
И победоносно окружила
Церковь. Роту возглавлял майор,
Тыловой вояка. Приказал
Быстро пулемет «максим» поставить,
Всех способный за одно мгновенье
Уничтожить. Стал давать команды,
Обнаружив мужество, майор...
Я подумал, лежа на полу:
«Многим операция такая,
Несомненно, принесет награды,
Боевые ордена украсят
Грудь нерастерявшихся солдат».

Не они ли темной зимней ночью,
Пред рассветом, смело, без опаски,
Зная, что мужчины на войне,
Окружили ветхие дома,
Покосившиеся и в бессилье
За свою державшиеся степь,
И калек безногих и безруких,
Стариков, старух, детей и вдов
Оцепили и пошли в атаку
На моих калмыков-бедолаг.
Плачущих, кричащих – всех загнали
В желтые товарняки-вагоны,
Повезли в холодную Сибирь,
Половину мертвыми оставив
Посреди насильственной дороги.
За свое искусство полководца,

За геройство генерал Серов
Не дерьмом пожизненно украсил
Грудь свою, а удостоен был,
Выродок, награды наивысшей...
Памятные, темные года!

Те года, когда, цепляясь крепко
За ничтожное благополучье,
Грязное, ценою в три копейки,
Все святое отвергая, люди
Грубою дубиною расчета
Рассекали совесть, если вдруг
Голову поднять она решалась,
И свою оправдывали низость
Страхом и желанием спастись;

Те года, когда менялись местом
То, что было хорошо сегодня,
С тем, что было издавна дурным;
Те года, когда добро и зло
По значенью своему сравнились,
И не знали люди, что чему
Предпочесть: бессмертие души
Или краткое мгновенье плоти.
Вечность, как бы суть свою утратив,
Правоту вручив неправой силе,
Но, людей покинуть не желая,
В горе все же реяла над ними...

В вытянутых утвердив руках
Пистолет «ТТ», вошел майор
В церковь и обжег нас беглым взглядом.

Глаз его белки перевернулись,
Лишь убитого увидел тело,
На полу распластанное. Сделав
Шаг назад, майор остановился
И застыл. Глазами за майором
Следуя, наткнулся я на труп,
Что лежал вблизи, – и поразился:
Оказалось, что богаче кровью
Человек, чем самый крупный бык...

6

На войне – я видел – кровь хлестала,
Но земля ее в себя впитала.

Если ж струи красные текли
Не во имя правоты земли,

Их отталкивала твердь земная,
И темнела кровь, не высыхая,

Образ времени – сама красна –
В красный цвет окрасила она.

Мнилось мне, что в легкие солдата
Воздух я вобрал чуть розоватый.

Крови вкус почувял тяжело,
Мне казалось, что меня рвало,

Мне казалось: время, жизнь и разум –
Все от крови заалело разом!

Пулями израненный двумя,
Никого, казалось, не виня,

На меня Христос смотрел в печали,
Ибо люди веру потеряли.

Мне казалось: понимал Христос,—
Ибо сам он много перенес,—

То, что в наше время трудно стало
Веровать в разумное начало,

Но, как прежде, призывает нас
К вере в милосердье в этот час,

К вере в свет добра неугасимый,
Потому что быть людьми должны мы.

Так. Но где же церкви благодать?
Муки заключенных как понять?

Как понять не знающих пощады,
Окруживших нас кольцом ограды?

Как понять майора средних лет,
Что на нас наставил пистолет?

Часовые – тоже Божьи дети.
Почему же я в минуты эти

В них друзей и братьев не нашел
И в меня «максим» нацелил ствол?

Исполняя времени веленье –
А его я чувствую давленье,–

Явь становится кошмарным сном...
Долго ль буду мучиться я в нем?

Не пора ль очнуться, разогнуться,–
О, как страстно я хочу проснуться!

Ты узнал, читатель, прочитал,
Сколько лет я пробужденья ждал.

1988

Поэт, Любовь и Бог

Все отнял у меня казнящий Бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил он,
Чтоб я ему еще молиться мог.

Ф. Тютчев

В плену недуга и хандры Поэт
Встречает зори, провожает зори,
И возникают в отрешенном взоре
Виденья всех семидесяти лет.

Взор памяти и робок, и пытлив:
Так необъятны прошлого владенья!
Не воскресить бы тяжкого виденья
Слегка коснувшись, чуть пошевелив.

Как хрупко-чуток мир прошедших лет,
Как будто сон, достаточно коснуться,
Чтоб, встрепенувшись, тотчас же проснуться
И убедиться – виденного нет.

Но всякий день он вспыхивал на миг,–
Как хмурым утром солнца ломтик алый,
Желанный и дотоле небывалый,
Любви прекрасный, вечно юный лик.

Пусть через миг, улыбкой озарив,
Исчезнет лучезарное виденье,
Но длится, длится светлое мгновенье,
Великой силой душу одарив.

И в дряхлом теле пробудился ток,
И белый чуб привычно вновь всклокочен,
И карандаш скучающий заточен,
И благодарно шелестит листок.

И ничего теперь от старика
В Поэте вдохновенном не осталось –
Исчезла вмиг гнетущая усталость,
Проворна и тверда его рука.

Ровна строка, и легок пылкий слог,
И в жилах кровь убыстрила струенье.
Диктует ритм само сердцебиенье,
Как слепок лба в морщинах – нити строк.

И с острия его карандаша
Текут, стекают строки на бумагу,–
Являя откровенья и отвагу,
Любви бессмертной молится душа.

Как раздувает угли ветерок,
Порыв души – и нет сомнений пепла.
И, вспыхнув, уверенность окрепла.
Он был теперь не старец, а пророк!

Да, он пророк! И мир лежит у ног,
Объятый весь земною суетою.

«Кем движим он – Любовью ли святою
Иль мной и миром управляет Бог?

И если Бог, то мой вопрос к нему:
Средь вечности жизнь, как снежинка, тает –
Из жизни старость годы вычитает
И не понять: зачем и почему?

Но непреложна истина одна:
Любовь живет извечно в человеке.
Присуща и титану, и калеке,
С времен Адама здравствует она.

Лишь свет Любви, необъяснимый свет
Любой порой зажжет души лампаду,
Даруя несказанную отраду», –
Такие строки написал Поэт.

«Моя Любовь!» И лучезарный лик
Предстал пред ним, лаская душу взглядом.
Но вдруг, с виденьем вызванным им – рядом,
Душой лишь осязаемый, возник

Фантом. Его он не узнать не мог,
Поскольку жил в Поэте он подспудно.
И узнаванье благостно и чудно
В словах смиренных пролилось: «Вы Бог».

Бог на Поэта пристально глядел –
Портной так смотрит, делая примерку –
Поэта мыслям проводя проверку
Провиденьем, которым он владел.

Но гимн Любви Поэт все громче пел,
Все откровенней перед ликом Бога.
Всегда высокомерный Бог немного
Смутился даже и порозовел.

Как будто был Поэтом уличен
В сокрытии Основы мирозданья,
И благо, что порывом созиданья
Поэт самозабвенно увлечен.

И ослеплен, ну кто не слеп, любя!
Но мысль вела все дальше – в бесконечность,
Где зеркалом времен сияла Вечность,
Внезапно в нем увидел он себя.

И в этот миг исчезли стены вдруг
И пред вселенским звездооком взглядом
Любовь, Поэт и Бог стояли рядом
И горный свет, струящийся вокруг,

Переливался, словно трепетал
От неземной, нечеловечьей страсти,—
Казалось, вся Вселенная во власти
Любви земной, которую питал

Поэт к Любви, возвысившей его,
Любви, певцом возвышенной до Бога.
«Но почему же тело так убого?!»
И он спросил у Бога: «Отчего

Ты, Бог, предел не начертал желанью,
Но, тепла жизнь, бессилию обрек

И от Любви безжалостно отсек
Раба Любви с невыплаченной данью?

Зачем душе на тризне похорон
Быть ею не покинутого тела,
Когда она еще не отлетела?
Чтоб вечно славить твой высокий трон?!

Века веков ты восседал в умах,
Они – опоры царственного трона,
Твой дух несет душа, а не икона,
Не стопы верой признанных бумаг.

В земной юдоли, плача и скорбля,
Твое мы призывали милосердье
И с именем твоим, своим усердьем
Мы укрепляли верою себя.

Бог милосердный, все возьми, что дал,
Но лишь избавь меня от осужденья:
Подаренную радость насладенья
Ты обратил на то, чтоб я страдал.

Пока живет пчела – берет нектар
И заполняет сладким медом соты,
Зачем возвел меня ты на высоты,
Где юн душой, а телом слаб и стар?

Зачем обрек платить за каждый вдох
Моей груди жестокой, жгучей болью?
Не это ль милосердьем и любовью
Ты называешь, нас казнящий Бог?

Зачем мой сон, дарующий покой,
Дарующий душе и телу отдых,
Ты отнял у меня, как отнял воздух
Своею всемогущею рукой?

И я исторг из сердца оттого
Тебя, мой Бог! Зачем ты есть, коль скоро
С нами тобою рушится опора,
Возвышенного трона твоего?

Ты крылья веги сжег, как Герострат
Тщеславыю в жертву сжег святыню храма,
Но, Бог, тобой разыгранная драма
Страшнее и трагичнее стократ!

Когда твой раб последний кончит век
Иль нарекут все люди Веру ложью –
С небес ты прахом ссыплешься к подножью
Вершины той, что создал человек.

Все создал он – святых, их жития,
Алая жизни лучшего итога,
Могучего возвышенного Бога
Извлек любовью из небытия..

И на престол небесный водрузил.
И Бог царил в величии и славе,
Но делать начал то, что был не вправе,
Когда с годами вдруг вообразил,

Что волен он, а прочие – рабы,
Достойные презренья и насилья.

Бог не заметил, что слабеют крылья,
Когда рабы становятся слабы.

И я, Господь, тебя простить не мог –
Отверг тебя, от веры отвернулся...»
И то ли вздрогнул, то ли встрепенулся,
Но ожил вдруг стоявший рядом Бог:

– Нет, ты не раб! Ты истину изрек,
Но есть ошибка, выслушай без гнева:
Есть правда смертных и есть правда неба.
По правде смертных – справедлив упрек.

Небесной правды не постичь дотоль,
Пока ты мыслишь мерками живущих.
Поймешь ее лишь там – в небесных куцах,
Когда покинешь горькую юдоль.

Лишь только телу времени предел
С рождения намечен и отмерен.
Душа бессмертна! Можешь быть уверен,
Коль ты о ней при жизни порадел.

– Но мне известен этот постулат,
Чтоб беспредельный путь душе назначен.
Скажи мне, Бог, то, чем я озадачен:
Зачем равно бессмертны Рай и Ад?

И если душу я сберег свою,
И если жизнь моя была примерной,
Не замаралась никакою скверной,
То суждено бессмертье мне в раю?

Скажи мне, Бог премудрый, дай ответ:
В аду, как в жизни, горести и муки,
В раю – обитель лени, неги, скуки...
Ведь я не телом, а душой Поэт!

Что рай Поэту?! Свет и пустота,
И сонмище видений бестелесных,
Бесчувственных к желаньям, бессловесных,
Зачем бессмертье рая, если Та,

Кто крылья песни расправляет вмиг,
Душой не внемля призрачному слову, –
С рыданиями исторгнутому зову
Не явит мне свой вдохновенный лик?!

Любовь моя! – воззвал Поэт. – Явись!
Взойди, светило Веры и Надежды!..
И даже Бог сомкнул от блеска вежды –
Так воссияла занебесья высь.

И вновь явил, дотоль поблекший, свет
С времен Адама юную навеки
Ту самую, что в первом человеке
Открыла суть, мудрей которой нет.

Суть существа, чьи кости, плоть и кровь
Во временном пространстве – эфемерны
И лишь души владения безмерны,
Когда она в них вселится, Любовь!

И для нее границ на свете нет
И нет души, куда б был вход запретный –

Будь ты крестьянин, клерк ли незаметный
Или умами правящий Поэт.

Она войдет – и душу озарит,
И зло исчезнет, скряга похорошеет,
Недужный встанет и слепой прозреет,
Немой с рожденья вдруг заговорит:

Она войдет – и лютые враги
Поймут тотчас: вражды причины – ложны,
Вернут мечи в тоскующие ножны
И к встрече доброй сделают шаги.

Она явилась!– Лучезарный свет
Все осиял, не тронув царства теней,
Наполнил Мир Любви бессмертный гений.
Бог был смущен, казалось. А Поэт

Смотрел на образ Истины земной,
Как верующий смотрит на святую...
Вручив Поэту флейту золотую,
Любовь сказала: «Вдохновленный мной,

Наполни мир мелодией любви,
Благоуханной, будто сад цветущий,
Чтоб пробудился всяк на свете сущий
И ощутил волнение в крови».

И, флейту взяв, восторженный Поэт
Изрек: «Пусть Бог услышит мысли эти:
Любовь есть Все! Ее превыше нет!
Одна Любовь царит на этом свете!»

И Бог ответил, вовсе не гневясь:
«Я утоляю, а не управляю.
Любовь и Песню я благославляю,
Людской извечной жаждою дивясь:

Я вашей жаждой создан был для вас –
Для утоленья тайны Мирозданья,
Но жажда знанья, жажда созиданья
Неутолимо крепнет каждый час...»

Любви, Поэта, Бога голоса
Я слушал чутким сердцем, замирая...
И думал так: Познаниям нет края,
Что знаем мы, шагнув за небеса?

Не исчерпать познаний всех до дна,
Что – всех познаний!– Не прочесть всех книг,
Но, кажется, я главное постиг.
Да, я постиг, есть Истина одна

Превыше всех, значительней намного:
Что лишь Любовь рождает для людей
Величье дел, великий свет идей,
Любовь рождает
Тютчева и Бога.

90- годы

Рагни

Ансамблю «Тюльпан»

Калмыцкий ангел наш – «рагни»,
Рагни – истоки света...
Но кто, скажите, в наши дни
Серьезно верит в это!
А я?! Да я – с молодых ногтей –
Приверженец безбожья,
Ни ангелов и ни чертей
Не признаю...

И все же...

Тут что-то сделалось со мной,
И стал я безрассудней
В день марта, нынешней весной
В семь тридцать пополудни.
Да, в марте – верьте, это так –
Не выдумка пустая! –
Мой зачерствелый взгляд обмяк,
Подался, дрогнул, тая,
По сердцу пробежала щель,
Как при землетрясенье,
И в этой трещину

капель

Втекла струей весенней,
И пронизал мне сердце ток,
Дразня и будоража.

Надежд увянувший цветок
Опять расцвел тотчас же.
Расцвел он, воссиял, шурша...
И распрямляя тело,
Из плена вырвалась душа
И вдруг помолодела...
В театре был я в этот час,
Точнее – на концерте.
Восьмого, в женский день как раз
Случилось это... Верьте,

Все это – вовсе не обман,
Все – вправду, все – реально...
В тот вечер выступал «Тюльпан»,
Ансамбль наш танцевальный.

Как только прозвучал звонок
И занавес раскрыли,
Лучей прорвался к нам поток –
Лучи нас ослепили.
Театр из наших глаз исчез,
Ни сцены нет, ни зала...
Как будто радуга с небес
Упала, засверкала...
И этой радуги цветной
Переливались блики,
Недаром «Солнцем и Луной»
Зовут ее калмыки.

Нам показала Красота
Свой лик многообразный,
Переливались все цвета:
Лиловый, желтый, красный,

Оттенки нежные зари,
Серебряные реки...
Светились точно изнутри
Цегдеки и терлеки,

Сменялись – сказочно-пестры –
В неспешной перекличке,
Сливаясь с музыкой домбры,
Прекрасные калмычки.

Как будто с неба к нам сошли
Все звезды, все светила,
Преображая лик Земли
С невиданною силой.

Дышала силой молодой
Красавиц вереница...
Пред ними плыли чередой
Прелестные их лица...
На эту глянь! На ту взгляни!
Румяны, чернобровы!...
Рагни!.. Ну кто, как не рагни?!
Найди другое слово!

Взлетают, излучая свет,
Плывут походкой павьей...
Могу ли я сказать, что нет
Того, что видел въяве?
Неужто буду столь упрям,
Что ложью опорочу
То чудо, что в тот вечер сам
Увидел я воочью?!

Не буду! Нет!

Пляши!

Кружись!

Свети!.. Лети быстрее,

Притопни ножкою!..

Хадрис!

Хадрис, о чудо – фея!

И я года свои забыл,

А может, стал моложе?

В ладоши бил я что есть сил,

Пока не стерлась кожа...

Тут я очнулся...

«Спятил, друг?!

Куда потом я денусь?..» –

Подумал я...

Но все вокруг

Утратили степенность.

Да, даже тот, кто всех старей,

Кто не смеялся сроду,

Забыл при виде этих фей

И седину, и годы.

Все ж я смирил себя как мог...

Сижу – спокойный, кроткий...

Молчу...

Однако ж я привык

На срок весьма короткий...

И я в глазах соседей всех
Заметил то же чувство –
Все тот же грех... иль – полугрех?
Иль просто власть искусства?..

Да разве грешен этот пыл?..
Нет, я подумал, если
Сам бог своей персоной был
Сегодня в зале, в кресле.

Я верю – этот самый бог,
Коль он не стал ханжою,
Не окончательно иссох
Ни телом, ни душою, –

Он нам простил бы без помех,
Порыв души горячий
И отпустил наш полугрех...
А с ним – и свой в придачу!

Концерт шёл чередом своим...
Тут вышла танцовщица,
Чей дар особенно любим,
Та, кем наш край гордится,

Которой стан столь тонкий дан,
Что страх людей тревожит:
«Вдруг, словно стебель, этот стан
Переломиться может?!»

Почти – не плоть, почти – душа
Предстала – осиянна,
В ладонях узеньких держа
Два цветика – тюльпана.

У рампы замерла
и нас
Своей высокой властью:
Кораллом уст,
зазором глаз –
Всех пригласила к счастью...

И тут – прости-прощай покой! –
В ту самую минуту
Я с сердца своего рукой
Сорвал тугие путы,

И радость грудь мою ожгла
И все заполонила,
Она у сердца
два крыла
Могучих возрастила.
Рванулось сердце из груди
Свободны крыльев взмахи!
– Куда ты, сердце?! Подожди! –
Вослед кричу я в страхе.

А сердце мне в ответ:
– Вперед!
Поддай, голубчик, жару!.. –
На сцену, в звездный хоровод
Влетели мы на пару...

Мы – между звезд... Им нет конца...
И вдруг мы распознали:
Не звезды это, а сердца
Людей, сидящих в зале.

Они ансамблю своему,
Любя его без меры,
Сердца
        наперекор уму
Послали из партера.

С тех пор
        (я все-таки, друзья,
Прошу держать в секрете!) –
С тех пор не сомневаюсь я,
Что есть рагни на свете.
И хоть во всем я – атеист,
Но, в виде исключения,
Я верю в тех, чей взор лучист
И сказочны движенья,

Кто зажигает нам огни,
Даруя свет удачи...
Я верю: есть они – рагни,
Иль ангелы – иначе.

Кто б мог еще, ворвавшись в грудь,
Задеть былые струны,
Кто мог бы молодость вернуть
С ее надеждой юной?!

Хвала «Тюльпану»! Вам хвала,
Артисты, танцовщицы!
Душа, обретшая крыла,
Навстречу жизни мчится!

90- годы

Содержание

От правды я не отрекался. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	5
Маобитский узник. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	14
Богатырь Эдек. <i>Перевод М. Ватагина</i>	151
Сар-Герел. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	173
Повелитель Время. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	243
Бунт разума. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	323
Шахматист. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	495
Явление слова. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	509
Необоримый. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	519
Убийство в церкви. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	577
Поэт, Любовь и Бог. <i>Перевод В. Стрелкова</i>	605
Рагни. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	615

Литературно-художественное издание

Кугультинов Давид Никитич

ЯВЛЕНИЕ СЛОВА

Избранное в двух томах

Том II

Редактор Л. М. Менкенова
Художник С. А. Бадендаев
Техническое редактирование Л. Е. Гермашевой
Компьютерный набор В. А. Соломовой
Компьютерная верстка Т. И. Мухариновой

Сдано в набор 23.08.2007.

Подписано в печать 28.12. 2007.

Бумага офсетная № 1. Формат 84 x 108^{1/32}.

Гарнитура Schoolbook Eurasian. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 33,58 (32,76+вкл. 0,84).

Уч. изд. л. 25,45 (24,63+вкл. 0,82).

Тираж 2000 экз. Заказ № 932.

ГУ «Калмыцкое книжное издательство»
358000, Республика Калмыкия,
г. Элиста, ул. Ленина, 243. Дом печати

ЗАОр «НПП «Джангар»,
358000, Республика Калмыкия,
г. Элиста, ул. Ленина, 245

